

МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ДЖАВАХАРЛАЛА
НЕРУ

19
M-64
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ДЖАВАХАРЛАЛА
НЕРУ

4578

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Ответственные редакторы
акад. Б. Г. ГАФУРОВ, А. Д. ЛИТМАН

Сборник включает статьи, освещающие формирование и различные стороны мировоззрения выдающегося деятеля Индии, ее первого премьер-министра, Джавахарлала Неру, и показывает его роль в национально-освободительном движении и в национальном возрождении независимой Индии.

М 0155-2129 — 27-73
042(02) -73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

Акад. Б. Г. Гафуров

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ —
ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ

Джавахарлал Неру вошел в историю как выдающийся лидер индийского народа, завоевавший любовь и уважение своих соотечественников и признательность всего прогрессивного человечества. Его деятельность тесно связана с решающими битвами за национальную независимость, со сложным периодом становления и развития индийского суверенного государства, с тем временем, когда закладывались основы внутренней и внешней политики Республики Индии.

Полная борьбы и исканий жизнь Неру может быть правильно понята и по достоинству оценена, если рассматривать ее в свете тех бурных событий, которыми насыщена эпоха, открытая Великой Октябрьской социалистической революцией и ознаменовавшаяся коренным переустройством мира, осуществлением вековых чаяний человечества, всемирно-историческими победами социализма.

Из всего комплекса вопросов, касающихся практической деятельности Неру и его вклада в духовное развитие Индии, мы выделили лишь один — его гуманизм, служивший ему главным критерием при оценке общественных явлений. Это представляется тем более важным, что в современной идейно-политической борьбе индийская реакция подвергает нападкам именно гуманистическую, демократическую и патриотическую направленность его теоретических взглядов.

Дж. Неру был великим гуманистом. В его книгах и статьях содержится своеобразная концепция человека, места, роли и назначения его в мире. Мы находим там

размышления о свободе и необходимости, об ответственности личности и средствах ее совершенствования, о путях, ведущих к осуществлению высоких гуманистических идеалов. Эти проблемы решались им в органической связи с целями и задачами национально-освободительной революции, одним из лидеров которой он был. Под руководством М. Ганди и Дж. Неру индийское освободительное движение приобрело массовый и отчетливо антиимпериалистический характер. Требование полной политической независимости страны, которое твердо и последовательно они отстаивали, в огромной степени способствовало демократизации движения. Мощная волна всенародного подъема смела ненавистное колониальное иго, и национально-освободительная революция вступила в новую фазу.

Для деятеля и мыслителя такого склада, как Дж. Неру, обращение к принципам гуманизма — явление вполне закономерное. Эти принципы были присущи прогрессивной традиции индийской общественной мысли, они естественным образом утверждались в условиях борьбы с косностью средневековья и гнетом колониализма, пробуждения национального самосознания, политической активности различных социальных слоев, поисков путей дальнейшего развития Индии, под воздействием мирового революционного процесса, успехов социалистических государств.

Рассматривая проблему человека в целом, Неру неуклонно придерживался гуманистических позиций, восхищался его творческими силами и возвышенными идеалами. «Как он удивителен, этот человеческий дух! — восклицал он. — Несмотря на свои бесчисленные слабости, человек на протяжении веков неизменно жертвовал своей жизнью и всем, что ему дорого, во имя идеала, во имя истины, во имя веры, во имя родины и чести. Этот идеал может меняться, но способность к самопожертвованию остается неизменной, и за это можно многое простить человеку и нельзя потерять веру в него. Среди несчастий он не утратил своего достоинства или своей веры в ценности, которыми он дорожит»¹.

Хотя в неровской трактовке данного вопроса явно проявлялся элемент абстрактного подхода, нельзя не обратить внимания на ее пафос, основную направленность. В приведенных словах не просто выражено вос-

хищение человеком, в них подчеркнута мысль о его преобразующей деятельности, о свойственных ему высоких чувствах, включающих любовь к родной земле. Все это следует связать с коренными задачами, оформившимися в ходе освободительной борьбы, когда самоотверженность, служение родине воспринимались в качестве подлинного призвания индийца. В устах деятеля национального движения даже слова о человеке вообще на том этапе звучали как вызов колонизаторам, распространявшим измышления о неполноценности покоренных ими народов. Достаточно представить себе, какими издевательствами и унижениями оборачивались на практике такого рода расистские теории, чтобы по достоинству оценить этот взгляд на человека.

Обращает на себя внимание и то, что сама мысль о служении народу как естественном долге личности приобретала у Неру широкое общедемократическое содержание. Высказанная в разные периоды его жизни с различной силой и глубиной, эта мысль уже в годы независимости звучала следующим образом: «Я утверждаю, что суть единственно возможной для нас политики заключается в том, чтобы работать для 360 миллионов людей — не для немногих, не для групп, а для всех»².

В своей трактовке человека, деятельность которого должна быть направлена на благо каждого индивидуума, Неру исходил из идеи моральной ответственности личности. Соглашаясь с представлениями, делающими акцент на самостоятельности последней, он не только подчеркивал подчиненность личности социальным условиям, но и указывал, что ее ценность определяется трудом для общества, причастностью к борьбе за социальный прогресс.

Подобным же критерием он руководствовался, давая характеристики тем или иным историческим деятелям. Их значение ставилось в зависимость от их объективной роли в борьбе за прогрессивное развитие страны, за удовлетворение нужд и потребностей народа. С некоторыми характеристиками Неру трудно согласиться. Но нельзя не увидеть общую позитивную основу его воззрений.

Знаменательна его оценка теоретической и практической деятельности В. И. Ленина, к которому Неру проявлял глубокий интерес на протяжении всей своей

жизни. Он говорил о В. И. Ленине неизменно с искренним восхищением и решительно отбрасывал клеветнические выпады империалистической пропаганды. «В наши дни,— писал он в середине 40-х годов,— Ленин для многих известных английских государственных деятелей является чудовищем и разбойником, но миллионы людей смотрят на него как на спасителя и величайшего человека эпохи»³.

Джавахарлал Неру считал Ленина крупнейшим мыслителем, творчески развивавшим марксизм в новых исторических условиях. Особенно привлекало его то, что Ленин был деятелем, умевшим органически соединять революционную теорию и революционную практику, что он был вождем трудящихся. «С течением времени величие его возрастает; он относится к числу тех, кто обессмертил свое имя в этом мире... Но он живет не в мону-ментах или картинах, а в той громадной работе, которую проделал, и в сердцах сотен миллионов рабочих, вдохновляющихся его примером и видящих в этом надежду на лучшее будущее»⁴.

В. И. Ленину посвящена глава в книге «Советская Россия», отразившая впечатления Неру о поездке в СССР в 1927 г. И позже во многих своих произведениях, в том числе относящихся к периоду независимости, он неоднократно обращался к высказываниям Ленина, стремился дать анализ его идейного наследия. В своих работах, в которых значительное внимание уделялось истории революционного движения в России, опыту трех русских революций, особенно Великой Октябрьской социалистической революции, освещению событий гражданской войны, новой экономической политики, планам построения социализма в СССР, он постоянно указывал на громадное историческое значение В. И. Ленина, называл его «мастером мысли и гением революции»⁵. Все последующие социалистические преобразования в нашей стране, героическую борьбу советского народа с фашизмом, миролюбивую внешнюю политику Советского государства Неру рассматривал как развитие и практическое осуществление ленинских идей.

Не будучи приверженцем марксистско-ленинской идеологии, он тем не менее испытал ее определенное влияние. И хотя в «Открытии Индии» он признавал,

что не может четко определить характер собственных взглядов, и полагал, что они приближаются к ведантистским, влияние марксистской философии подчеркивал не однажды. По его словам, после изучения трудов Маркса и Ленина в «цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным»⁶. Более того, в этой же работе Неру (с известными оговорками) заявлял, что принятие диалектического материализма не представляет для него никаких затруднений.

Примечательной чертой его концепции личности было понимание роли масс в истории, диалектики соотношения личности и общества. Для Неру судьба каждого отдельного человека неразрывно связана с судьбой страны и народа. «Перевороты с участием широких масс и истинно революционные движения,— писал он,— всегда оказывают... двойственное действие: они ободряют и способствуют проявлению личности тех, кто составляет собой массы, или тех, кто выступает на их стороне, и в то же время они психологически подавляют и душат тех, кто с ними расходится»⁷.

Масштаб личности, считал Неру, зависит от ее связи с массами, и лишь тот лидер что-либо значит, который осознал и сумел выразить их надежды и чаяния. Таким, по его мнению, был М. К. Ганди, и этим определяется величие последнего. С тех же позиций Неру подходил и к себе. Он говорил, что обстоятельства поставили его в положение, при котором он вместе со многими другими призван быть участником драмы, разыгрывавшейся в Индии на протяжении нескольких десятков лет. Он имел в виду участие в национально-освободительном движении и свою деятельность на посту премьер-министра независимой республики. Все подобного рода оценки и самооценки основывались на убеждении, что «народ был главным действующим лицом, а за его спиной стояли, подталкивая его, великие исторические силы... Если бы не эта историческая обстановка и политические и социальные силы, никакие вожди или агитаторы не смогли бы заставить народ действовать»⁸.

Представляется несомненным, что понимание роли масс и личности в истории базировалось у Неру на признании объективных исторических закономерностей,

обуславливающих социальную активность людей, их поступки и интересы. Опираясь на эти закономерности, он обосновывал необходимость радикального преобразования общественного бытия народа. Данные идеи наиболее четкое оформление получили в известном труде Дж. Неру «Взгляд на всемирную историю», переведенном на десятки языков.

Важнейшие вехи истории человечества с древнейших времен до начала второй мировой войны здесь рассматриваются с точки зрения положения масс. Неру осуждает рабство и феодализм, при которых трудящиеся подвергались жесточайшей эксплуатации. Зато с симпатией и восхищением пишет об эпохе Ренессанса — эпохе торжества разума и гуманизма. Анализируя первые буржуазные революции — в Нидерландах и Англии, — он подчеркивает двойственный характер капиталистической формации: ее прогрессивность по отношению к феодализму и вместе с тем ее хищническую сущность, заложенную в ней новую, но не менее пагубную для трудящихся систему эксплуатации.

Немало внимания в книге уделено разоблачению всех и всяческих видов колониализма. В этой работе, пронизанной уважением к народным массам и человеческой личности, подробно освещается механизм колониального порабощения, с помощью которого западные державы выкачивали миллиардные прибыли из стран Азии и Африки, тормозили их экономический, социальный и культурный прогресс, деформировали их государственный и общественный строй.

В процессе борьбы за возрождение страны зрело и крепло убеждение Неру в том, что любое классовое и национальное угнетение, общественные анахронизмы (например, кастовая система), социальное неравенство, религиозный фанатизм, проповедь расового превосходства были и являются серьезнейшим препятствием на пути всестороннего развития индивидуума и человечества.

Критическая направленность гуманизма Неру особенно рельефно выступает в его непримиримости к колониализму. Он дал глубокий анализ характера английского владычества в Индии и с особой обстоятельностью вскрыл его губительные последствия для страны. Он остался убежденным борцом против коло-

ниализма и после обретения его родиной политической независимости. Сознание необратимости и гуманистического содержания процесса, приведшего народы к свободе, вдохновляло Неру в его практической деятельности. Можно сказать, что сквозь призму антиколониализма он рассматривал едва ли не все актуальнейшие вопросы современности.

Дж. Неру стремился осмыслить кризис и крушение колониальной системы империализма и с морально-этических позиций, квалифицируя колониализм, оставивший азиатским и африканским народам тягчайшее наследие и породивший проблемы, которые они вынуждены решать и сегодня, как величайшее зло. Многие миллионы людей были насильственно отчуждены от исторического прогресса и лишены элементарных человеческих прав. Естественно, что в борьбе против колониализма, за ликвидацию его последствий Неру видел великую гуманистическую миссию народов развивающихся стран. Он подчеркивал исключительную важность для них задачи достижения экономической самостоятельности и указывал на большую опасность, заключенную в экспансионистских устремлениях неоколониализма.

С присущей ему прозорливостью Неру еще в конце 30-х годов сумел разглядеть колониалистские тенденции американского империализма. В своем докладе Всеиндийскому комитету Национального конгресса, написанном в 1937 г. по возвращении из Европы, где Неру участвовал в работе антиимпериалистической конференции в Брюсселе, он обращал внимание на «поднимающийся империализм Соединенных Штатов»⁹.

Позднее, в упоминавшейся уже книге «Взгляд на всемирную историю», он писал: «Учтя опыт и трудности других империалистических держав, США усовершенствовали старые методы. Они не считают нужным аннексировать какую-либо страну наподобие того, как Англия захватила Индию; их интересует только выгода, а потому они стараются прибрать к рукам богатства страны. Далее несложно подчинить ее население, да, собственно говоря, и всю страну. Так, без особых хлопот и без столкновений с местным национализмом они устанавливают над ней контроль и получают свою долю ее богатств. Этот хитроумный метод именуется экономиче-

ским империализмом. На карте он не отражен. Страна может показаться свободной, если судить о ней по учебнику географии или атласу. Но, заглянув поглубже, обнаружишь, что она находится в когтях другого государства или, вернее, его банкиров и крупных предпринимателей. Вот такой невидимой империей владеют США»¹⁰.

По мысли Неру, тот факт, что молодые суверенные государства испытывают потребность в помощи более развитых, вовсе не означает, что народы «третьего мира» согласятся принять ее на условиях, ведущих к сохранению экономической зависимости. «Долгий период иностранного господства,— писал он,— научил страны Азии с повышенной чувствительностью относиться ко всему, что может способствовать возникновению новых форм подобного господства»¹¹.

Вместе с тем Неру предупреждал, что неоколониализм сегодня отнюдь не отказывается от традиционных форм прямого политического диктата и эксплуатации. «Жадная хватка колониализма» еще представляет опасность для многих стран, поэтому необходимо продолжать с ним борьбу, чтобы добиться освобождения последних колониальных владений, ликвидации расовой дискриминации. Он говорил: «Мы особенно заинтересованы в освобождении колониальных и зависимых стран и народов и в признании в теории и на практике равных возможностей для всех рас»¹².

Во имя данной цели, считал Неру, должны сплотиться прогрессивные силы современности. Сам он в качестве главы суверенного индийского государства всемерно этому способствовал. В значительной степени именно благодаря его стараниям внутренняя и внешняя политика Индии приобрела выраженный антиимпериалистический, антиколониальный характер. То же направление он стремился придать движению афро-азиатской солидарности, одним из признанных руководителей которого он был.

Крушение колониальной системы Дж. Неру рассматривал как процесс огромного исторического значения, важный и с точки зрения ломки ряда традиционных представлений в сознании людей, как фактор, содействующий раскрепощению человека и его разума: «Мы являемся свидетелями великого исторического процесса,

который вызвал брожение в умах сотен миллионов людей и результаты которого сказываются в происходящих на наших глазах политических и экономических переменах... Ныне Азия освобождается от своего колониального статуса, и это неизбежно сильно изменяет соотношение сил в мире»¹³.

Критическая струя в гуманизме Неру определила органическое неприятие им пережитков средневековья, которые консервировались колониализмом, и капиталистических отношений, основанных на частной собственности и эксплуатации человека человеком.

В разгар национально-освободительного движения он писал: «Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, порождены своекорыстными интересами, культивируемыми или поощряемыми главным образом английскими властями. Интересы правителей индийских княжеств, британских чиновников, британского и индийского капитала, собственников крупных поместий постоянно навязываются нам, и последние еще вопиют о защите. Миллионы людей, которые действительно несчастны и нуждаются в защите, почти безмолвны... Пока Британская империя сохранит свое господство над Индией (в каком бы виде оно ни выражалось), эти своекорыстные интересы будут проявляться еще резче и останутся дополнительным препятствием на нашем пути»¹⁴.

Характерно, что многие социально-критические элементы гуманистической концепции Неру, оформившиеся в ходе антиколониального сопротивления, продолжали развиваться и после независимости. С 20-х годов и до конца своей жизни он неустанно разоблачал коммунизм и религиозный шовинизм как наследие феодализма и колониализма, как оружие неоколониализма и реакции. Борьба с их проявлениями была важнейшей пружиной политической деятельности Неру. «Я не люблю коммунизм в любой его форме»¹⁵,— писал он в 1929 г., а в 1954 г. вновь повторил в одной из своих речей: «Что касается меня, то я предпочитаю проигрывать на каждых выборах, но не давать пощады коммунизму и кастеизму»¹⁶.

Активно выступал Дж. Неру и против социального неравенства. В 1929 г. он говорил: «Я не разделяю веры в королей и князей или в такое устройство, кото-

рое порождает новых королей — королей индустрии, чья власть над жизнями и судьбами людей даже больше, чем власть прежних, и чьи методы столь же грабительские, как и методы старой феодальной аристократии»¹⁷. И примерно то же он сказал в конце 50-х годов: «Я не сторонник концентрации экономической власти. Мне не нравятся монополистические тенденции. Я не против частного сектора, но я против монополистических тенденций»¹⁸.

Понимая, что антиколониальное сопротивление не может быть эффективным без участия масс, Неру еще в годы национально-освободительной борьбы выдвинул определенные социально-экономические задачи, осуществление которых призвано было, по его мнению, обеспечить достижение общественного идеала, альтернативного не только феодализму и колониализму, но и капиталистическому строю. В течение нескольких десятилетий он настойчиво подчеркивал, что таким идеалом для него служит социализм. Широкую известность приобрело следующее его заявление на съезде Национального конгресса в Лакхнау в апреле 1936 г.: «Я уверен, что единственный ключ к решению проблем, стоящих перед миром и перед Индией, — социализм. Когда я произношу это слово, я вкладываю в него не расплывчатый гуманистический смысл, а точное, научное экономическое содержание... Я не вижу иного пути уничтожения нищеты, безработицы, деградации и зависимости индийского народа, кроме социализма. Для этого необходимы широкие революционные преобразования в нашем политическом и общественном строе, уничтожение господства богатых в сельском хозяйстве и промышленности, а также феодальной деспотической системы индийских княжеств. Это означает ликвидацию частной собственности (за небольшим исключением) и замену теперешней системы, основанной на погоне за прибылями, высшим идеалом кооперативного производства. Это в конечном счете означает изменение наших инстинктов, привычек и желаний. Короче говоря, речь идет о новой цивилизации, радикально отличающейся от нынешнего капиталистического строя»¹⁹.

Такие гуманистические идеалы, по словам Неру, воплотились в жизнь в государстве Советов. Он был большим другом нашей страны, много сделавшим для прак-

тического укрепления сотрудничества между народами Индии и СССР, одним из тех, кто закладывал фундамент прочных связей и дружбы между ними.

Он трижды посетил Советский Союз. Первый визит в 1927 г., в дни празднования десятой годовщины Великого Октября, был очень недолгим, но Неру отмечал: «Мы были рады, что побывали там, ибо даже такое беглое знакомство имело смысл. Мы не узнали, да и не могли узнать, многого о России в результате этой поездки, но она дала нам какую-то основу для дальнейшего ознакомления с этой страной по книгам»²⁰.

Опубликованная вскоре после того работа «Советская Россия», включавшая его путевые заметки и очерки, посвященные различным сторонам жизни советских людей, была проникнута чувством глубокой симпатии к стране, строящей новое общество: «Должен признаться, что я вернулся из Москвы с очень благоприятными впечатлениями, которые подтвердили все то, что я узнал в результате чтения»²¹.

Своей книгой и многочисленными выступлениями на собраниях, конференциях, в колледжах и университетах, где его, по собственному его признанию, засыпали вопросами о Советской России, Неру откликнулся на стремление индийцев узнать правду о стране победившей революции. Уже тогда он делал шаги к практическому налаживанию контактов между нашими народами. К крайнему неудовольствию колониальных властей, он рекомендовал индийским университетам направить в СССР ряд видных профессоров и наиболее талантливых студентов. Размышляя о принципах взаимоотношений между обеими странами, Неру подчеркивал: «Нам необходимо познать его (Советский Союз. — Авт.), понять и выработать соответствующую политику». Он писал: «Россия и Индия должны жить как добрые соседи — минимум разногласий». И далее: «Динамические силы, разбуженные революцией 1917 г., еще не исчерпали себя. Они творят историю и будут творить ее впредь, и никто не может позволить себе игнорировать их. Тем более мы в Индии не должны быть равнодушными к ним. Россия — наш сосед, гигант, наполовину находящийся в Европе, наполовину в Азии, и между нами может быть либо дружба, либо вражда. Равнодушные полностью исключаются»²².

Прошло почти три десятилетия, прежде чем Неру смог опять приехать в СССР. В 1955 г. он прибыл сюда как премьер-министр суверенного индийского государства. Перед этой поездкой он сказал: «Обе страны могут извлечь пользу из дружбы и доверчивого отношения друг к другу... С большим нетерпением ожидаю я встречи с советскими людьми. Мне хочется услышать о том, что они сделали, посмотреть все собственными глазами. Я отправлюсь туда, чтобы поучиться»²³.

Во время визита, который Неру совершил вместе с дочерью, нынешним премьер-министром Индирой Ганди, он посетил многие крупные промышленные и культурные центры, в том числе в республиках советского Востока, побывал на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, учебных и культурных учреждениях, на стройках и в школах. Повсюду его встречали как выдающегося посланца дружественной Индии. Впечатление было колоссальным. «Я видел,— сказал он,— преобразования этой огромной страны, достигнутые благодаря трудолюбию ее народа и великому стремлению, которое движет его вперед по пути улучшения его собственных условий»²⁴.

Важное значение имели переговоры между Дж. Неру и руководителями Советского государства. В результате этих переговоров было сделано совместное заявление, отразившее совпадение точек зрения правительств обеих стран по ряду важных международных проблем. В нем подчеркивалась необходимость укрепления и расширения сотрудничества между двумя государствами.

В 1961 г. Неру в третий раз посетил нашу страну и так же, как и раньше, использовал свой довольно краткий визит для ознакомления с жизнью и успехами советского народа. Он побывал в Физическом институте им. П. Н. Лебедева, Большом театре, внимательно осмотрел один из новых районов столицы. После посещения Выставки достижений народного хозяйства он охарактеризовал нашу родину как «страну прогресса».

И на сей раз Неру вел переговоры с руководителями Советского Союза по актуальным проблемам международной политики и по вопросам дальнейшего развития сотрудничества между Индией и СССР. В советско-индийском коммюнике констатировалось, что главной

своей задачей оба государства считают обеспечение мира.

Дж. Неру был убежден, что общность в понимании важнейших вопросов современности — войны и мира, ликвидации колониализма, борьбы против социального гнета, за прогресс человечества — сближает народы наших стран и создает твердую почву для их дружбы и взаимопонимания. Он очень ценил всестороннюю и бескорыстную помощь, оказываемую СССР Индии в строительстве новой жизни, создании предприятий тяжелой индустрии, освоении природных ресурсов, в подготовке научно-технических кадров и т. д. «Символом и картиной Индии будущего» назвал он металлургический завод в Бхилаи, построенный при участии Советского Союза.

Такой деятель, как Неру, не мог не придавать первостепенного значения изучению опыта социалистического строительства в СССР, он стремился осмыслить характер социалистических преобразований в различных сферах общественной жизни. Трудно назвать область социальной действительности, которая так или иначе не была бы прокомментирована им.

Некоторые аспекты развития Страны Советов вызвали у него преимущественный интерес. Это прежде всего те аспекты, которые, по его мнению, были особенно актуальны для независимой Индии и касались ликвидации экономической отсталости, проблем индустриализации и планирования экономики, отношения к иностранному капиталу, организации сельского хозяйства на коллективных началах, решения национального вопроса в рамках единого многонационального государства и др. Можно сказать, что к опыту Советского Союза Неру обращался в своих размышлениях о сущности социалистического идеала, общественных отношений при социализме, о методах и способах, обеспечивающих его достижение. Выражая иногда критическое отношение к отдельным сторонам жизни СССР, он, однако, всегда указывал, что речь идет о подлинно социалистическом государстве, весь строй жизни которого принципиально отличен от капиталистического. Именно в этом смысле он говорил о Стране Советов как о «вестнице надежды» для человечества, как о стране, заложившей фундамент «новой цивилизации, к которой движется мир».

В равной степени его позитивная оценка роли СССР в современном мире вытекала из ясного осознания того факта, что наша страна является естественным союзником национально-освободительного движения.

Вместе с тем Неру делал акцент на том, что Индия должна искать собственный путь к социализму. Несколько преувеличивая ее национальные и исторические особенности и подчеркивая большое влияние гандизма, он призывал к созданию социалистического общества мирным путем, методами парламентской демократии. Он говорил: «Я тоже мечтаю о бесклассовом обществе для Индии и мира. Я отвергаю привилегированные классы и всякого рода неравенство людей. Вопрос о том, как создать такое общество. Даже признание конфликта между классами не исключает того, что путь ликвидации этого конфликта — завершение его мирными средствами...»²⁵. Однако, как явствует из ряда работ Неру, он осознавал, что привилегированные классы добровольно не сдают свои позиции и упорно сопротивляются, когда задеваются их интересы, и что поэтому строительство в Индии «общества социалистического образца» неизбежно будет сопровождаться обострением социальных противоречий.

Гуманистический пафос мировоззрения Неру ярко воплотился в его плодотворной деятельности в защиту мира и дружбы между народами. Совершенно естественно, что понимание необходимости всеобщего мира тесно увязывалось у него с патриотическим подходом к насущным проблемам своей родины. Он не раз отмечал, что для его страны мир является непереносимым условием обновления и созидания: «Все наши мечты о будущей новой Индии рухнут, если на наш истерзанный заботами мир обрушится война»²⁶. Вместе с тем всеобщий мир мыслился им как одна из решающих предпосылок претворения в жизнь гуманистических идеалов: «Наша задача заключается в сохранении мира, или, по существу, всей нашей цивилизации»²⁷. Неру видел различия между справедливыми и несправедливыми войнами. Последние вызывали его резкое осуждение из-за их полного несоответствия принципам гуманизма и прогресса. Он восставал против духа милитаризма и империалистических войн прежде всего потому, что они препятствуют созидательной деятельности народов и госу-

дарств, разрушают материальные ценности, духовно калечат людей, ведут к их моральной деградации. «Во время войны, — говорил он, — процесс развития цивилизации прекращается и человеческое сознание возвращается к некоему варварскому уровню»²⁹.

Дж. Неру вошел в историю нынешнего столетия как ревностный искатель путей упрочения мира. Будучи на протяжении многих лет бессменным главой правительства индийской республики, он лично участвовал в разработке и практическом осуществлении принципов политики неприсоединения, которая легла в основу миролюбивого внешнеполитического курса Индии, получившего название «курс Неру». Он посетил многие государства, где вел ответственные переговоры с их руководителями, возглавлял делегации Индии на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, представлял свою страну на многих важных международных конференциях и совещаниях. Он выступал за всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия, решение споров между государствами мирным путем. Неру был в числе создателей знаменитых «панча шила» — пяти принципов мирного сосуществования, определивших отношения между многими государствами Азии и Африки. Он был одним из инициаторов и главных участников исторической Бандунгской конференции, открывшей новую эпоху во внешней политике азиатских и африканских стран.

Возвышенные идеалы Джавахарлала Неру и сегодня близки всем тем, кому дороги мир и социальный прогресс. Этого крупнейшего государственного и политического деятеля, талантливого историка и публициста хорошо знают и ценят в нашей стране. Его произведения, изданные на русском языке («Автобиография», «Открытие Индии»), речи по вопросам внешней политики получили широкую известность в Советском Союзе. О нем писали многие видные советские общественные деятели, деятели литературы и искусства. Большое внимание уделяют исследованию его жизни и творчества советские ученые. Их восхищал и восхищает его патриотизм, энергия, воля, проявленные в борьбе за мир и счастье народов, его подлинный гуманизм.

Мне посчастливилось несколько раз встречаться с Джавахарлалом Неру. Меня всегда поражала его про-

4578

стота, скромность, демократичность. Он охотно беседовал с людьми разных национальностей и разного уровня. У него всегда хватало времени и терпения выслушать своего собеседника до конца.

На международных конференциях он старался держаться незаметно, как рядовой участник представительных собраний, проявлял внимание и уважение ко всем присутствующим. Говорил он тихо, но убедительно. Каждое его выступление поражало обилием глубоких мыслей и целеустремленностью.

Он был великим сыном великого народа.

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 28—29.

² J. Nehru, Excerpts from his Writings and Speeches, Delhi, 1964, стр. 45.

³ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 308.

⁴ J. Nehru, Glimpses of World History, London, стр. 682.

⁵ Там же, стр. 661.

⁶ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 24.

⁷ Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 81.

⁸ Там же, стр. 304.

⁹ M. Brecher, J. Nehru: A Political Biography, London, 1959, стр. 111—112.

¹⁰ J. Nehru, Glimpses..., стр. 478—479.

¹¹ Дж. Неру, Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, М., 1965, стр. 71.

¹² Там же, стр. 31.

¹³ Там же, стр. 118.

¹⁴ J. Nehru, India's Freedom, London, 1962, стр. 12—13.

¹⁵ Там же, стр. 10.

¹⁶ «J. Nehru's Speeches, 1953—1957», New Delhi, 1957, стр. 455.

¹⁷ J. Nehru, India's Freedom, стр. 14.

¹⁸ «The Hindee Weekly Review», 16.III.1959, стр. 4.

¹⁹ J. Nehru, India's Freedom, стр. 35.

²⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 184.

²¹ J. Nehru, Soviet Russia. Some Random. Sketches and Impressions, Bombay, 1929, стр. 1.

²² Там же, стр. 7, 120, 126.

²³ «Правда», 5.VI.1955.

²⁴ «Правда», 22.VI.1955.

²⁵ «J. Nehru's Speeches», vol. III, Delhi, 1958, стр. 136—137.

²⁶ Дж. Неру, Внешняя политика Индии, стр. 286.

²⁷ Там же, стр. 120.

²⁸ Там же, стр. 117.

Э. Н. Комаров

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Среди множества факторов, которые определяли формирование мировоззрения и деятельность Джавахарлала Неру, два, несомненно, являются наиболее общими и основными: борьба за национальное освобождение и возрождение Индии и воздействие на нее мирового революционного процесса, ведущего к социализму.

Национально-освободительное движение, будучи направлено против сил, препятствующих общественному развитию страны, прежде всего против колониальной власти и поддерживаемых ею общественных порядков, неизбежно порождало живой интерес и тягу его участников к передовым идеям, общественным движениям и преобразованиям, которые вызывались поступательным ходом мирового развития.

Обращаясь к истории национального движения в Индии, мы видим, что еще его провозвестник Рам Мохан Рай (1772—1833) горячо сочувствовал Великой французской революции, вдохновлялся ее демократическими идеалами, радовался успехам и огорчался неудачам тогдашних прогрессивных движений в Европе. Следующий по времени крупнейший национальный деятель, Дадабхай Наороджи (1825—1917), уже участвовал в международном социалистическом конгрессе в Амстердаме в 1904 г. Отнюдь не социалист, он сумел почувствовать в поднимавшемся международном рабочем движении единственную силу, могущую поддержать освободительные стремления угнетенных народов. Существенное значение для судеб Индии имело присталь-

ное внимание Махатмы Ганди и других индийских деятелей к первой русской революции 1905—1907 гг. Критическое учение Л. Толстого, доносившее ее освободительный порыв пусть в противоречивой, но в наиболее доступной в тогдашних индийских условиях форме, оказало серьезное влияние на развитие освободительных стремлений Ганди как в национальном, антиколониальном, так и в социальном плане.

Революция 1905 г. в России не только непосредственно стимулировала освободительное движение в Индии, но и воздействовала на его дальнейшее развитие, способствуя утверждению в передовых общественных кругах страны идеи массовой борьбы против английской власти. Всеобщая политическая стачка в России в октябре 1905 г. явилась примером для организаторов всеобщей забастовки в Бомбее в 1908 г. в защиту национального лидера Бал Гангадхара Тилака, осужденного колониальным судом. Бомбейская забастовка была отмечена В. И. Лениным как важнейшее событие в Индии тех лет, свидетельствовавшее о начинавшемся пробуждении ее народа, как начало конца колониальных порядков в стране. В эти же годы Ганди, находившийся в Южной Африке, предсказывал, что грядущая победа революции в России станет «крупнейшей победой, величайшим событием нынешнего века», и называл всероссийскую политическую стачку «великим уроком» для индийцев¹. Для него самого она стала прообразом массовых антиимпериалистических выступлений, которыми он позже руководил в Индии.

Джавахарлал Неру принадлежал к следующему поколению борцов за свободу и прогресс страны. Его мировоззрение во многом сформировалось уже тогда, когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция, а национально-освободительное движение в Индии стало мощной массовой силой. Его деятельность охватывает 30-летний завершающий период этого движения и первые 17 лет независимого национального развития, осуществлявшегося в обстановке образования мировой системы социализма. Он стремился исходить из новых внутренних и международных условий жизни своей родины, из новых объективных потребностей ее прогресса, что и определило его важную историческую роль.

Первооснова — национально-освободительное движение

Джавахарлал Неру родился 14 ноября 1889 г. в Аллахабаде. Его отец Мотилал Неру, способный и преуспевающий адвокат, в годы детства и юности сына был увлечен главным образом профессиональной карьерой и лишь впоследствии стал деятелем национального движения. Семья была весьма богатой и принадлежала к высшей индийской интеллигенции того времени, которая получала европейское образование и, как правило, придерживалась умеренно-либеральных взглядов, по существу просветительских. Вплоть до начала XX в. они преобладали в национальном движении и определяли идейно-политические позиции Индийского национального конгресса — первой общеиндийской национальной организации, созданной в 1885 г.

Будучи просветителями, ведущие ее деятели полагали, что постепенное преобразование средневековых социальных институтов и утверждение в стране «современных», «европейских», т. е. буржуазных, порядков, а вместе с ними развитие образования, науки и техники приведут ко всеобщему благоденствию. Идеализация «европейских» порядков, обусловленная становлением буржуазной идеологии в тогдашней Индии, вызывала идеализацию буржуазной Англии и определяла противоречивое отношение к британской власти в Индии. Англия представлялась многим индийским либеральным просветителям XIX в. чуть ли не образцом общественного устройства.

В то же время передовые индийцы XIX в. сталкивались отнюдь не только со средневековыми институтами, но и с колониальным режимом. Именно они выступили с сознательной критикой национального неравноправия, протестуя против устранения индийцев от управления страной, и во многом обнажили механизм колониальной эксплуатации. Тем не менее их критика колониального режима сочеталась с признанием английской власти «благодарностью» (blessing) для Индии. Это объяснялось прежде всего экономической и особенно политической слабостью нарождавшихся в индийском обществе буржуазных элементов. Первые национальные общественно-политические организации были далеки от народной жизни.

ни и не имели никакого влияния на массы, которые, по сути, существовали еще в условиях средневековья. При таком положении национально-буржуазные круги не располагали силами для активной борьбы с английской властью и не рассчитывали самостоятельно установить и поддерживать буржуазные общественные порядки, к которым они стремились. Отсюда их надежды на то, что этого постепенно добьется английская власть, а уже выявлявшиеся противоречия колониального режима будут устранены путем компромисса в «обоюдных интересах».

Конгресс, организация верхушечная, обращался не к индийским народным массам, а к общественному мнению Англии и к колониальному правительству в Индии, убеждая его провести те или иные реформы в интересах индийцев. Английские власти игнорировали эти обращения. И если все-таки деятельность Конгресса в конце XIX в. способствовала пробуждению национального самосознания и создавала организационные предпосылки для развития национально-освободительного движения, то она еще не принесла непосредственных политических результатов.

Рассказывая о своем отце, Дж. Неру весьма точно всего в двух-трех фразах обрисовал типичные настроения и взгляды среды, окружавшей его самого в детстве и ранней юности: «Отец, разумеется, был националистом, в несколько расплывчатом значении этого слова, но он восхищался англичанами и их образом жизни. Он считал, что его соотечественники опустили и едва ли не заслужили все то, что выпало на их долю. В душе он слегка презирал политиканов, которые только говорят и говорят, ничего не делая. Впрочем, он и сам не имел ясного представления о том, что могли бы они делать»².

Среда эта не могла воспитать активного стремления к свободе, но она подготавливала соответствующую почву. Достаточно указать на такую деталь, отразившую идейный переворот и становление нового мировоззрения в Индии XIX в. В своих воспоминаниях Неру, в частности, писал: «О религии у меня были весьма смутные представления. Она казалась мне женским занятием. Отец и старшие из моих двоюродных братьев относились к этому вопросу юмористически, отказываясь принимать его всерьез»³. Домашний учитель-англичанин начал было приобщать 13-летнего мальчика к теософии — этой со-

зданной европейцами смеси из пережитков масонства и индуистского мистицизма. И теософы, основавшие в Индии свое общество, оказали некоторое влияние на впечатлительного подростка: он на время приобрел «вялый и безжизненный вид, который иногда указывает на благочестие».

Однако новое восприятие мира уже возникло, и вскоре речь зашла о гораздо более серьезных вещах. Услышав об идеях национального освобождения, Неру по-юношески бурно откликнулся на них: «В уме моем теснились националистические идеи. Я размышлял об освобождении Индии и об избавлении Азии от европейского ига. Я мечтал о смелых подвигах, о том, как буду с мечом в руках сражаться за Индию и помогу ее освобождению»⁴.

В 1905 г. Джавахарлала отправили в Англию для продолжения образования. Там он пробыл до 1912 г., сперва в аристократической школе в Харроу и затем в Кембриджском университете, где изучал право. В первый же год своего пребывания в Англии (ему тогда было 15 лет) он заинтересовался фактами политической жизни, что, впрочем, едва ли выходило за пределы юношеской любознательности, но все же было показательным. В Европе Неру познакомился и с социалистическими идеями, очевидно фабианского толка, и сочувствовал им. «Это были весьма расплывчатые идеи, скорее гуманистического и утопического порядка, нежели научного»⁵, — писал он впоследствии.

Конечно, молодого Неру, как и других индийских студентов в Англии, особенно волновали события на родине, тем более что в Англии некоторые индийцы занимались пропагандистской деятельностью, привлекая к ней обучавшихся там соотечественников. События 1905—1908 гг. знаменовали важный сдвиг в общественно-политической жизни Индии. Они-то и послужили отправным пунктом в формировании национально-освободительных стремлений и социально-политических позиций Джавахарлала Неру.

К концу XIX в. в передовых общественных кругах страны получили распространение новые воззрения, вызванные к жизни ростом противоречий колониального режима в процессе разложения феодальных и становления буржуазных отношений. Эти воззрения отражали

близившееся пробуждение национального самосознания народа, его пока еще глухое, но нараставшее возмущение прогрессирующим разорением и социальным гнетом. Активным носителем освободительных стремлений становилась новая национальная интеллигенция, которая в отличие от интеллигентов — выходцев главным образом из богатой помещичье-купеческой среды была гораздо более многочисленной, чем-то напоминала разночинцев, терпела обычно жестокую нужду и крайне остро ощущала национальное угнетение. Передовые индийцы, вступившие на политическую арену к концу XIX в., все отчетливее понимали неэффективность либеральной деятельности Конгресса. Они стали задумываться о необходимости активной борьбы против английского господства, о вовлечении в нее масс. Отдельные представители этого складывавшегося направления в национальном движении уже начинали сознавать, что буржуазная цивилизация Запада, порождающая войны и беспощадное колониальное угнетение, отнюдь не идеал, что утверждавшаяся в самой Индии «власть денег», т. е. буржуазные отношения, еще более усугубляет эксплуатацию и неравноправие народа. Надо в первую очередь назвать бенгальцев Бонкимчондро Чаттерджи и Свами Вивекананду, которые еще в последней трети прошлого столетия не только выступили против колониального и феодального гнета, но и поставили вопрос о пороках буржуазной цивилизации, сочувствовали социалистическим идеям.

Однако, обличая прежде всего беспощадное всевластие денег в этом обществе, индийские мыслители того времени видели спасение лишь в религиозно-моралистической проповеди. Они уповали на самобытную индуистскую «духовность», т. е. фактически исходили из сохранявшегося в народе преобладания религиозного сознания, что противопоставлялось «материалистической цивилизации Запада». Апеллируя к массам, они зачастую стремились сделать религию своим национальным знаменем, рассматривали «возрождение индуизма» как предпосылку национальной самостоятельности. Это придавало их обращению к религии определенную антиколониальную направленность.

Впрочем, был в нем и свой социальный смысл. Индийские радикальные националисты-демократы конца

XIX—начала XX в. фактически мыслили экономическое развитие Индии на той же самой основе, что и на Западе, — на основе частнокапиталистического предпринимательства. При этом они уже хорошо понимали, что английская власть препятствует подъему национальной экономики и особенно промышленному развитию страны, и в отличие от либералов XIX в. повели борьбу против этой власти. Они явились зачинателями движения свадеш и бойкота британских товаров, в чем видели и средство политической мобилизации масс, массовое действие против колониальной власти. Но они также в большей степени, чем либералы, осознавали и нарастание общественных противоречий, обостряемых и порождаемых буржуазным прогрессом.

Выход из такого рода противоречий радикальные националисты как раз и пытались найти в религиозно-моралистической проповеди, утверждая, что возрожденная «индийская духовность» позволит стране избежать пороков буржуазного общества и вообще оградит народные массы от эксплуатации и угнетения. Еще в 90-х годах XIX в. Свами Вивекананда призывал: «Создайте европейское общество с религией Индии». Примерно аналогичных взглядов придерживались Бал Гангадхар Тилак, Бипин Чандра Пал, Ауробиндо Гхош, Ладжпат Рай и другие лидеры национального движения, поставившие задачу активной борьбы против английской власти. Их тогда именовали «крайними» («экстремистами») и отличали от либералов — «умеренных», продолжавших занимать преобладающие позиции в Конгрессе. Это они были организаторами первых массовых политических выступлений 1905—1908 гг., которые поразили воображение молодого Неру и многих его соучеников-индийцев. Позднее он писал: «Почти все мы поголовно были приверженцами Тилака, или экстремистами, как называли сторонников этой новой партии в Индии»⁶.

Следующий шаг в развитии национально-освободительных тенденций передовой общественно-политической мысли Индии неразрывно связан с воззрениями и деятельностью Махатмы Ганди. Он сложился как мыслитель и общественный деятель еще в конце XIX—начале XX в., во время своего пребывания в Южной Африке, где руководил движением индийцев против расовой

дискриминации. На индийской политической арене Ганди появился лишь к концу первой мировой войны. В обстановке подъема национально-освободительной борьбы, обусловленного воздействием победы Великого Октября, он быстро занял руководящее положение в Конгрессе и стал ведущим национальным лидером.

Националисты-демократы первой четверти XX в. еще только нащупывали пути и средства массовых действий против колониальной власти, а организованные ими выступления носили в основном спорадический характер. Ганди же выдвинул определенную систему массовых политических действий (кампании гражданского неповиновения и несотрудничества, всеобщее прекращение работы в городах — хартал и т. п.). Демократическое пробуждение индийского народа позволило значительно шире и целеустремленнее проводить такие действия. Под руководством Ганди Конгресс превращался из верхушечного объединения в организацию, возглавлявшую массовую борьбу.

Гораздо более резкий и настойчивый характер приняли в выступлениях Ганди критика социального угнетения, эксплуатации вообще и обличение пороков буржуазного общества в особенности. Вот как, в изложении Неру, воспринимала эти выступления передовая молодежь тогдашней Индии: «Слезайте со спин крестьян и рабочих все вы, живущие их эксплуатацией, — говорил он нам, — уничтожьте систему, порождающую эту нищету и эти страдания»⁷. Однако путь к данной цели Ганди, прежде всего в ранний период своей деятельности, усматривал в отказе от современного крупного производства и в проповеди опрощения. Мечтая об общечеловеческой свободной и равноправной крестьянской и ремесленной жизни, он отвергал крупное производство, потому что, по существу так же как и другие индийские националисты того периода, не мог представить крупное производство не частнокапиталистическим. В 1907—1909 гг. он говорил, что «рабочие бомбейских фабрик превращены в рабов», что «индийский Рокфеллер будет не лучше американского Рокфеллера», и на этом основании заключал: «Спасение Индии в том, чтобы забыть все, чему она научилась в течение последних 50 лет»⁸. Если говорить словами К. Маркса, Ганди фактически представлял себе крупную промышленность «только

источником антагонизма». Однако ни он, ни другие передовые индийцы, уже ощутившие противоречия буржуазного общества, еще не знали, что именно крупная промышленность является также творцом «материальных и духовных условий, необходимых для разрешения этих антагонизмов»⁹, т. е. к социалистическому преобразованию общества.

Понимание этого факта пришло преимущественно к следующему поколению борцов за свободу и прогресс Индии, когда победил Великий Октябрь. Между тем радикальные националисты начала XX в. и Ганди по-своему искали выход из усиливавшихся социальных и классовых противоречий. Решающую роль в том, какое направление приняли их поиски, сыграло стремление к национальному объединению индийцев перед лицом чужеземного поработителя, а в тогдашних условиях страны это стремление не могло быть иным, кроме как буржуазно-националистическим. Выход из противоречий индийского общества — и унаследованных от средневековья (между помещиком и крестьянином), и порождаемых растущим капитализмом (между капиталистом и рабочим) — националисты видели исключительно в социальном компромиссе. Это объективно соответствовало интересам имущих классов, в первую очередь растущей национальной буржуазии. Либеральные деятели XIX в., критикуя средневековые отношения, обычно не покушались на помещичье землевладение, как таковое, и предлагали лишь ограничить эксплуатацию крестьян и помещичий произвол. По существу такую же позицию занимали националисты начала XX в. и Ганди на протяжении большого периода своей деятельности. Либеральные деятели XIX в., еще очень далекие от народа и опасавшиеся массовых выступлений, видя в них «анархию», ратовали за реформы сверху. На это же рассчитывали радикальные националисты и Ганди.

Но радикальные националисты начала XX в. (Вивекананда уже в 90-х годах XIX в.), поставившие задачу организации массового национально-освободительного движения, и особенно Ганди, возглавивший его, сознательно стремились убедить эксплуататорские классы пойти на уступки трудящимся под угрозой социальной революции и утвердить идею социального компромисса. Его достижению должна была служить и религиозно-

моралистическая проповедь. Правда, у Ганди речь шла уже не только о реформе «сверху» и убеждении эксплуататорских классов в необходимости уступок (хотя это играло у него главную роль). Он предусматривал также и соответствующие этому подходу методы массовых (внепарламентских) действий — забастовка, гражданское неповиновение и т. п. В последние годы своей жизни он допускал возможность таких действий как в борьбе за независимость, так и для проведения социальных преобразований.

Еще во время первой мировой войны Ганди выдвинул «теорию опеки», которую затем постоянно развивал и пропагандировал. Он говорил, что нужно убедить капиталистов и помещиков в том, что они являются не собственниками, а «опекунами» имущества, в действительности принадлежащего всему обществу, и должны по личному усмотрению использовать это имущество в интересах общества, опроститься и ограничить свое потребление. Накануне достижения Индией независимости Ганди предлагал в законодательном порядке превратить собственников в «опекунов», назначив им своего рода «комиссионные», и постепенно передавать крупную промышленность государству, а также вести дело к производственной кооперации крестьян и ремесленников. Последние выступления Ганди относятся уже к тому времени, когда в передовых кругах индийского общества получили распространение новые представления об осуществлении социально-экономического прогресса в свободной стране. Они складывались под воздействием достижений социализма в СССР и в ходе дальнейшего развития национально-освободительного движения и классовой борьбы трудящихся в самой Индии. Огромную роль в распространении этих новых представлений, связанных уже с идеалом социализма, суждено было сыграть Джавахарлалу Неру.

Он наследовал традиции предшествующего развития индийской общественно-политической мысли. В то же время его воззрения и деятельность, сформировавшиеся на новом историческом этапе, демонстрировали значительный шаг вперед. Дж. Неру всегда был убежденным республиканцем, что отражало господствующую тенденцию передовой индийской политической мысли со времен Рам Мохан Рая. Ему была свойственна вера в

ценность и достоинство человеческой личности, в силу разума, в безграничные возможности научного познания мира, в общественный прогресс. Это просветительское и гуманистическое начало сделало Неру убежденным противником пережитков средневековья в общественной жизни и сознании людей. И до и после завоевания независимости он неизменно выступал против индуско-мусульманской розни и религиозного шовинизма (коммунализма), против кастовых делений и сословно-кастового гнета. Вместе с Ганди он упорно добивался, чтобы свободная Индия стала по-настоящему светским государством, чтобы коммуналистские и прочие реакционные элементы не могли дискриминировать ее граждан по религиозной и кастовой принадлежности.

Просветительское начало у Неру и других передовых индийцев его поколения приобрело ярко выраженную антиколониальную и демократическую направленность. Устранение пережитков средневековья закономерно связывалось ими с борьбой за национальное освобождение. Понимание необходимости этой борьбы Неру воспринял еще в юности от радикальных националистов. Тогда же пришли к нему новые идеи и настроения, связанные с критикой буржуазного общества, эксплуатации и угнетения вообще. Это было еще во время его пребывания в Англии, а в годы первой мировой войны, по возвращении на родину, он увлекся работами Бертрانا Рассела, ставшего его любимым автором.

Просветительские представления, усвоенные Неру в раннем возрасте, — не даром в числе людей, оказавших на него сильнейшее влияние, он называл своего отца наряду с Ганди и Тагором, — а также, вероятно еще более, сама эпоха, в которую началось складывание его общественных воззрений, обусловили то обстоятельство, что его юношеский национализм и «весьма расплывчатые социалистические идеи» были свободны от индуистского или какого-либо иного религиозно-моралистического облачения. Это отличало молодого Неру от старшего поколения националистов (включая Ганди) и имело немаловажное значение. Ведь до него едва ли не все ведущие индийские мыслители и общественно-политические деятели — от первого просветителя, Рам Мохан Рая, до Ганди, вождя массового освободительного дви-

жения, — были активно заняты проблемой религии. Фактически с ними связана ее буржуазная реформация, которая в определенный период приняла подчеркнуто националистический характер. Но к тому времени, когда Неру вступал в общественную жизнь, это уже становилось пройденным этапом в развитии передовой общественной мысли Индии, хотя влияние религиозной идеологии в массах оставалось очень сильным. Неру религиозными вопросами не занимался: «Я интересуюсь этим миром, этой жизнью, а не каким-то иным миром и потусторонней жизнью». Правда, он говорил, что в его сознание «прокрадывались смутные идеалистические взгляды, приближавшиеся, пожалуй, к ведантистским»¹⁰, и что он «всегда» разделял с Ганди «духовный подход», который называл «необходимым и хорошим»¹¹.

Но для Неру то были вопросы преимущественно внутреннего мира человека и вопросы этического порядка. Понятие «духовный подход» являлось для него в сущности обозначением гуманизма (оно, однако, несло на себе печать идеалистических представлений), что было характерно для мировоззрения Рабиндраната Тагора, коего Неру именовал «великим гуманистом Индии» и своим учителем. Фактически тагоровское восприятие единства человека и природы в самой жизни, которая видится всеобъемлющей и одухотворенной, пронизывает следующие строки Неру: «Многообразие и полнота природы волнуют меня, создают в душе ощущение гармонии, и мне кажется, что я чувствовал бы себя как дома в языческой и пантеистической атмосфере древней Индии или Греции, но без присущей им идеи бога или богов»¹².

Тенденция к освобождению передовой общественной мысли от религиозных облачений начала давать себя знать перед первой мировой войной. Тогда раздались голоса, призывавшие отбросить рассуждения о «духовности» как обскурантистские и уводящие от действительных нужд страны. Один из активных борцов за свободу в Пенджабе, Хар Даял, в 1912 г. называл проповедь индуистского возрождения «трансцендентальной чепухой»¹³. Постепенно «оставляли религиозные идеи» участники нелегальных национальных организаций в Бенгалии¹⁴. В своем манифесте группа индийских эми-

грантов в Париже в 1909 г., ставившая задачу подготовки вооруженного восстания, специально подчеркивала: «Мы будем проповедовать идеи, являющиеся достоянием всего цивилизованного мира, и в этом смысле наша программа не содержит ничего необычного или исключительного»¹⁵. А в 1917 г. в аналогичном манифесте индийских эмигрантов уже говорилось, что английская власть «стремится действовать в союзе с предассудками и религиозным суеверием Востока»¹⁶.

Еще до первой мировой войны индийцы, находившиеся в эмиграции в Европе, вступали в контакт с международным рабочим движением. Двое из них, Б. Р. Кама и С. Р. Рана, участвовали в Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте в 1907 г. На одном из заседаний Кама, в частности, сказала, что пробуждающийся народ Индии «последует за товарищами из России, которым мы шлем наш особый братский привет»¹⁷. В 1912 г. вышла небольшая брошюра — биография К. Маркса на языке малаялам. Так появлялись предвестники нового этапа индийской освободительной борьбы, зерна новых идей.

Конечно, эти первые контакты индийских патриотов с международным рабочим движением не приводили к существенным сдвигам в мировоззрении. Тем не менее они значительно расширяли кругозор и способствовали росту демократизма, а потому имели важное значение для будущего. Так и формировавшиеся у молодого Неру национально-освободительные стремления в сочетании с рационализмом и его первое еще отдаленное знакомство с социалистическими идеями задали определенное направление дальнейшему развитию его социально-политических взглядов и его деятельности.

За социальный прогресс

Когда Неру вернулся на родину из Англии (1912) и окупился в водоворот национально-освободительной борьбы, его юношеские искания социального идеала на время отступили на задний план, оттесненные «чистейшим национализмом». Однако вскоре логика борьбы — желание вовлечь в нее народные массы, единственно способные придать ей силу, — обращает Неру, патриота и гу-

маниста, к нуждам и страданиям индийского крестьянства. Этот сдвиг совершился под влиянием Ганди, от которого он воспринял многое, и прежде всего идею массового антиимпериалистического действия. Ганди был для него «не только большим и прекрасным человеком, но еще и человеком действия».

В 1921 г. в качестве представителя Конгресса, руководимого Ганди, Неру отправился в один из сельских районов, охваченных крестьянскими волнениями. Там он был арестован. В дальнейшем его неоднократно сажали в тюрьму, и он провел в заключении в общей сложности около 11 лет. Прямое столкновение с действительной жизнью народа, уже пробуждавшегося, открыло Неру «важную сторону индийской проблемы» — показало «недостаточность национализма», т. е. только национального освобождения, и необходимость добиваться, как он писал, «социальной свободы» для трудящихся масс. Этот первый поход Неру в народ положил начало его активным поискам путей социального прогресса родины. Его уже не могли удовлетворить ни национализм сам по себе, ни расплывчатые социалистические идеалы юности, далекие от действительной жизни.

Как раз в те годы в Индию дошли вести о Великой Октябрьской социалистической революции. И если Неру лишь несколько лет спустя занялся изучением ее значения, то в политической обстановке уже проявлялось воздействие Великого Октября. Революция сразу же стимулировала гораздо более активное, чем раньше, обращение передовых индийцев к народным массам. И молодой Неру вместе со многими своими сверстниками, может быть, еще не вполне осознанно был вовлечен в этот процесс.

Только теперь, в 1918—1920 гг., но весьма быстро в Индии начали создаваться массовые организации трудящихся: сначала рабочие профсоюзы, а затем и крестьянские союзы. В 1919 г., незадолго до своей кончины, вождь националистов-демократов Бал Гангадхар Тилак, выступая на митингах рабочих, говорил, что «сила рабочих организаций будет возрастать с течением времени и именно рабочие станут властью»¹⁸. В 1920 г. передовые деятели Национального конгресса основали общеиндийское профсоюзное объединение — Всеиндийский конгресс профсоюзов. На его первом съезде председа-

тельствовал другой известный лидер национального движения, Ладжпат Рай. В своей речи он сказал: «Рабочие Индии объединяют свои силы не только для того, чтобы защитить собственные интересы, но и для того, чтобы стать звеном в международном братстве рабочих... Вперед идет русский рабочий, который поставил своей целью установление диктатуры пролетариата»¹⁹.

Тогда же в Индии возникли коммунистические группы, а в 1925 г. была создана коммунистическая партия. Началось распространение идей научного социализма. Еще в 1922 г. первые индийские коммунисты на ежегодной сессии Национального конгресса выдвинули свою программу, которая наряду с завоеванием независимости предусматривала осуществление ряда важных социально-экономических преобразований — ликвидацию помещичьего землевладения, национализацию крупной промышленности, предоставление рабочим права на организацию, установление минимальной заработной платы, 8-часового рабочего дня и т. п.

Конгресс эту программу не принял. Тем не менее новая перспектива развития национально-освободительного движения и будущей свободной Индии привлекала широкие круги его участников, особенно членов рабочих и молодежных организаций, и в том числе молодых деятелей ИНК, среди которых уже выделялся Дж. Неру. Он писал о себе в связи с новыми идейно-политическими тенденциями 20-х годов: «Я отнюдь не был пионером на социалистическом поприще в Индии. Собственно говоря, я даже отстал в этом отношении и лишь с трудом продвигался по тому пути, который был проложен многими опередившими меня. Рабочее профсоюзное движение было явно социалистическим по своей идеологии. То же самое можно сказать о большинстве молодежных лиг... События, происходившие в Советском Союзе, в особенности пятилетний план, усилили эту тенденцию»²⁰.

Популярность социалистических идей, тяга к советскому опыту возрастали по мере того, как все более очевидными становились успехи социалистического строительства в СССР. Они оказывали вдохновляющее влияние на передовых индийцев. Позже Неру рассказывал: «Но главное, перед нами был пример Советского Союза, который за каких-нибудь два десятилетия, заполненных войнами и гражданской войной, и несмотря на, казалось

бы, непреодолимые трудности, достиг колоссальных успехов. Одних коммунизм привлекал, других нет, но все были восхищены успехами Советского Союза в области образования, культуры, здравоохранения и физического воспитания, а также в области разрешения национальной проблемы — изумительными и грандиозными усилиями, направленными к созданию нового мира на обломках старого... Если другие могут сделать это, то почему этого не можем сделать мы?»²¹.

Важную роль в росте симпатий к Советскому Союзу играла также последовательная борьба СССР против империализма, в поддержку колоний и зависимых стран. Разработанная великим Лениным политика союза первого социалистического государства и международного коммунистического движения с угнетенными народами стала мощным фактором подъема национально-освободительной борьбы в колониях и зависимых странах.

Уже в первые годы после победы Великого Октября ряд деятелей, включая Тилака, увидели в Советской России своего союзника против английского империализма. Недаром Тилак и Ладжпат Рай в 1919—1920 гг. говорили об интернационализме рабочего движения. Идея международного единения всех антиимпериалистических сил привела молодого Неру на Конгресс угнетенных народов в Брюсселе в 1927 г., в котором активно участвовали коммунисты. В связи с этим Конгрессом Неру писал: «Идеи о необходимости каких-то совместных действий угнетенных народов... и левого крыла рабочего движения пользовалась большой популярностью. Становилось все более ясно, что борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности, и предпринять совместные действия»²².

Созданная на Конгрессе Антиимпериалистическая лига, в деятельности которой Неру в течение почти двух лет принимал участие, немало сделала для разоблачения империализма, хотя организационно объединить антиимпериалистические движения в мировом масштабе не смогла. Что касается Неру, то участие в Брюссельском конгрессе и в работе Лиги впервые свело его с международным рабочим движением. Это позволило ему прийти к весьма важному заключению: «Если говорить

о II Интернационале и III Интернационале, то мои симпатии были на стороне последнего». Симпатии Неру в данном случае были отнюдь не безоговорочными, тем не менее причины, их породившие, являлись существенными и перекрывали те оговорки, которые он тогда и впоследствии делал. «Вся деятельность II Интернационала с момента возникновения войны и в дальнейшем внушала мне отвращение; мы в Индии в достаточной мере познакомились на личном опыте с методами одного из главных сторонников II Интернационала — английской лейбористской партии. В силу этого я неизбежно должен был доброжелательно отнестись к коммунизму, ибо, при всех его недостатках, он, по крайней мере, не был ни лицемерным, ни империалистическим»²³.

После Брюссельского конгресса в том же, 1927 г. Дж. Неру совершил свою первую поездку в СССР. Это было нелегкое для советских людей время: страна только приступала к социалистическому строительству. Неру поразили в них «энергия, решимость, способность выносить тяготы и лишения ради достижения цели»²⁴. Как и многие другие передовые деятели, он радовался первым успехам социалистического строительства в различных областях жизни, хотя некоторые стороны революционной действительности, и неизбежные и обусловленные субъективными факторами и новизной опыта, отталкивали его. В целом же отношение Неру к нашей стране было дружественным и оставалось таковым на протяжении всей его жизни. Более того, своими выступлениями и деятельностью он активно утверждал в Индии чувства симпатии к СССР и сыграл выдающуюся роль в развитии и укреплении связей между индийским и советским народами.

Можно выделить три основных фактора, обусловивших уже тогда дружественное отношение Неру к Стране Советов и его заинтересованность в успехах советского народа. Каждый из факторов имел самостоятельное значение, но действовали они в общем направлении.

Во-первых, Неру привлекали последовательная борьба СССР против империализма, интернационализм и неизменная поддержка национально-освободительного движения. Выступая перед студентами в Калькутте в 1928 г., он говорил: «Несмотря на многие свои ошибки, Россия сегодня — величайший борец против империа-

лизм; то, что она сделала для народов Востока, справедливо и великодушно. Россия идет на Восток как равный, а не как завоеватель или высшая раса. И разве удивительно, что ее приветствуют?»²⁵.

Во-вторых, Неру сумел сразу же оценить значение для Индии усилий советского народа в деле подъема экономики и культуры, еще тогда, когда «советский опыт» лишь зарождался. В небольшой книге, написанной вскоре после первой своей поездки, он отмечал, что СССР и Индия «являются огромными сельскохозяйственными странами, где индустриализация только начинается, и им обоим предстоит преодолеть бедность и неграмотность». И далее он прозорливо предсказал: «Если Россия найдет удовлетворительное решение этих проблем, то наша работа в Индии будет облегчена»²⁶.

В-третьих, симпатии Неру к Советскому государству, строившему социализм, были обусловлены теми передовыми социальными стремлениями, которые возникли у него еще в юности и вызревали в обстановке подъема национально-освободительного движения 20—30-х годов. Это позволило ему понять мировое значение победы Великого Октября: «Советская революция, несомненно, продвинула человеческое общество далеко вперед, зажгла яркое, неугасимое пламя и заложила фундамент новой цивилизации, к которой может двигаться весь мир»²⁷. В 1936 г. в своей речи председателя на ежегодной сессии Конгресса он сказал: «Если будущее полно надежды, то это в большей мере благодаря Советской России и сделанному ею»²⁸.

Видя в Стране Советов «вестницу надежды», Дж. Неру убежденно выступал против антисоветской пропаганды. В январе 1940 г. он писал: «Мы должны быть начеку в связи с кампаниями, которые ведутся в других странах и в Индии против Советов. Мы должны держаться нашей веры (если мы действительно верим) в социализм и в социалистический строй как в средство устранения пороков мира. Мы должны помнить, что Советская Россия, несмотря на многие неудачи, далеко продвинулась в установлении этой экономической системы, и было бы трагедией, если бы данный великий порядок вещей, обещающий столь многое для будущего, был бы разрушен или подорван. Поэтому мы заявляем о нашем дружественном отношении к социализму Рос-

сии, и любое покушение на него встретит наше решительное осуждение»²⁹. Так говорил Неру в начале второй мировой войны. А еще через два года он более определенно, чем когда-либо прежде, указал на значение опыта и успехов СССР для возрождения Индии: «Наша проблема аналогична тем, с которыми столкнулась Россия какое-то время назад, и они могут быть решены таким же образом, как их решали русские. Мы должны использовать урок, который даёт нам СССР, для индустриализации и развития образования в нашей стране»³⁰.

Если Ганди в 1905 г. призывал индийцев извлечь «урок» из революционных событий в России для развёртывания массовых действий против английской власти, то Неру много лет спустя тоже говорил о важном для Индии «уроке» — его давала Советская страна в деле развития. Показательно и то, что эти слова были сказаны Джавахарлалом Неру в феврале 1942 г., когда советский народ вел священную войну с фашистскими захватчиками. Глубокая убежденность Неру и других борцов за свободу Индии в могуществе Советского Союза была обусловлена их прогрессивным подходом, рожденным в антиимпериалистической борьбе, их заинтересованностью в торжестве дела первой страны социализма, которая с самого своего возникновения была для них источником поддержки и главным благоприятным фактором в соотношении мировых сил.

Знакомство с СССР, а также контакты с коммунистами и участниками национально-освободительной борьбы из различных стран во время Брюссельского конгресса и пребывание в Европе в 1926—1927 гг. дали мощный толчок развитию идей социального преобразования. Теперь эти идеи входили в определенное русло. В мировоззрении Неру совершался сдвиг: «Мое мировоззрение стало более широким, и национализм в собственном смысле слова казался мне определенно узкой и недостаточной доктриной. Политическая свобода, независимость без сомнения имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться»³¹.

Интенсивная жажда социальных познаний, рожденная практической деятельностью в национально-освободительном движении, которое нарастало и становилось массовым, стремление провидеть будущее родины в свете происходивших в мире огромных перемен привели Неру к изучению трудов основоположников научного социализма. Это оказало огромное воздействие на формирование его взглядов и проложило определенный водораздел между ним и индийскими национальными лидерами предшествующего поколения, включая Ганди. «Изучение Маркса и Ленина, — писал он позднее, — оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружились некий новый смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление»³².

Под влиянием идей научного социализма и достижений СССР у Неру складывалось убеждение, о котором он поведал с трибуны Национального конгресса в 1936 г., — что «единственным ключом к решению мировых проблем и проблем Индии является социализм». На смену смутным моралистическим представлениям теперь приходили понимание социализма как объективного результата исторического развития общества и стремление осуществить в Индии общественные преобразования, ведущие к социализму. В том же выступлении в 1936 г. Неру говорил: «Я употребляю это слово (социализм. — Авт.) не в расплывчатом гуманистическом значении, а в научном, экономическом смысле. Вместе с тем социализм — нечто большее, чем экономическое учение, это философия жизни, и в качестве таковой он также влечет меня. Кроме социализма, я не вижу иного пути покончить с нищетой, огромной безработицей, деградацией и подчинением народа Индии». Это предполагает, отмечал он, «широкие революционные изменения» в политической и социальной структуре Индии, ликвидацию имущественных прав на землю и промышленные предприятия. «Это означает ликвидацию частной собственности, за исключением определенной ограниченной собственности, замену существующей системы

погони за прибылью более высоким идеалом совместной работы на пользу общества. В конечном счете это означает перемену в наших стремлениях. Короче говоря, это означает новую цивилизацию, коренным образом отличную от нынешнего капиталистического строя. Некоторое представление об этой новой цивилизации мы можем получить в СССР»³³.

Идею объективной необходимости социалистического общества Неру отстаивал до конца своей жизни. Он указывал, что научно-техническая революция усиливает потребность в нем, что «современный подход, научный подход есть социалистический подход», что капитализм «более не соответствует нынешнему веку» и «мир перерос эту стадию»³⁴. Даже делая порой уступки теориям конвергенции и заявляя, что капитализм «приобрел некоторые социалистические черты», он тем не менее подчеркивал, что существо капитализма в условиях научно-технической революции осталось неизменным: «Капитализм сегодня претерпел большие изменения, но он сохраняет свои основные черты и ведет к монополиям и концентрации экономической власти»³⁵.

Применительно к Индии он вновь и вновь повторял свой главный вывод, к которому пришел еще в годы борьбы за независимость: «Мы приняли социализм в качестве нашей цели не только потому, что он представляется справедливым и благим, но и потому, что нет иного пути решения наших экономических проблем... По своему характеру задачи, стоящие перед нами, требуют тщательно разработанного планового и научного подхода, с тем чтобы наилучшим образом использовать имеющиеся у нас ресурсы и направить усилия нации на достижение нашей цели»³⁶.

Все это, однако, отнюдь не означает, что Неру как мыслитель и общественно-политический деятель занял позиции научного социализма. Он сложился и действовал именно как лидер национально-освободительного движения, направленного на разрешение общенациональной задачи — завоевание независимости Индии. В нем участвовали и трудящиеся и определенные эксплуататорские классы и слои индийского общества, руководящая организация же — Конгресс — была национально-буржуазной по преимуществу. Эти исторические условия, включая соотношение социально-полити-

ческих сил в национально-освободительном движении, а впоследствии и в независимой стране, ставили пределы прогрессивной деятельности Неру и в конечном счете определяли его идейно-политические позиции.

Сам Неру не раз в той или иной форме говорил об этом. Имея в виду пропаганду социально-экономических преобразований, которую вел еще накануне своей поездки в Европу в 1926—1927 гг., он писал: «Моя роль как социалистического деятеля определялась тем, что я был видным конгрессистом и занимал важные посты в Конгрессе. В Конгрессе было немало других известных людей, которые начинали мыслить подобным же образом». Со своими единомышленниками в провинциальном комитете Конгресса Соединенных провинций он пытался разработать программу ликвидации крупного помещичьего землевладения. «Нам приходилось действовать осторожно, так как подобные идеи были непривычны для окружающих»³⁷, — замечает он. Таким образом, даже предложение о ликвидации крупного помещичьего землевладения, к тому же за выкуп, было в то время, т. е. на рубеже 20—30-х годов, «непривычным» для большинства конгрессистов.

И тем не менее в сложившихся в Индии условиях именно Конгресс был единственной массовой организацией, действовавшей в масштабе огромной страны. Коммунистическая партия была загнана в подполье английскими властями и оставалась малочисленной. Коммунисты не прекращали самоотверженной работы среди рабочих, крестьян, молодежи. Своей деятельностью, в том числе пропагандистской, они способствовали радикализации национально-освободительного движения, однако собственные их организационные возможности были невелики.

Когда Неру в 1927 г. вернулся из Европы, он полагал, что будет сравнительно нетрудно вывести Конгресс за рамки буржуазно-националистической идеологии и политики. «Это была, вероятно, тщетная надежда, — писал он в 1936 г., — ибо национализм может далеко пойти в социалистическом или пролетарском направлении лишь при условии, что он утратит свой национализм. И все же я считал, что при всей буржуазности мировоззрения Национального конгресса он представлял собой единственную революционную силу в стране»³⁸.

Конгресс, разумеется, вовсе не был «единственной революционной силой», но он действительно был единственной организацией, способной возглавлять антиимпериалистическую борьбу в общендийском масштабе. Как объективные исторические условия развития индийского национально-освободительного движения, так и идейно-политические позиции руководства Конгресса, имевшие свою классовую основу, определили то обстоятельство, что антиимпериалистическая борьба в Индии велась главным образом методом невооруженных, «ненасильственных» массовых политических действий³⁹. Неру считал это оправданным и верным в данной ситуации, однако не разделял бесспорности «принципа ненасилия» в массовых действиях и многие социальные представления Ганди, относя их к пройденному этапу движения. Между тем до самого кануна независимости авторитет Ганди в Конгрессе был непререкаем, особенно когда речь шла о конкретных решениях и массовых действиях. Рассказывают, что Неру принадлежит фраза: «Без Ганди вы обречены оставаться в меньшинстве». В то же время, опираясь на новые тенденции национально-освободительного движения, Неру как передовой лидер Конгресса добивался радикализации его антиимпериалистических позиций и социально-экономической программы. Он утверждал новые представления о перспективе социального прогресса в Индии, выходящие за пределы буржуазных интересов.

При его активном участии, благодаря деятельности передового крыла партии на сессии Конгресса в Лахоре в 1929 г. было выдвинуто требование полной независимости для Индии, а в 1931 г. на сессии в Карачи впервые принята развернутая программа социально-экономических преобразований — «Резолюция об основных правах и экономической программе». Как говорилось в преамбуле, это решение Конгресса призвано показать «массам», что «будет означать для них сварадж», т. е. независимость. И далее указывалось: «Чтобы покончить с эксплуатацией, политическая свобода должна включать подлинную экономическую свободу для ныне голодающих миллионов».

Резолюция предусматривала светский характер государства, введение всеобщего избирательного права и других гражданских прав, рабочего законодательства и

обеспечение для промышленных рабочих прожиточного минимума, предоставление рабочим и крестьянам права на организацию «для предъявления своих требований», защиту национальной промышленности от иностранной конкуренции. Наиболее радикальное положение резолюции гласило: «Государство будет владеть ключевыми отраслями промышленности и услуг, минеральными ресурсами, железными дорогами, водными путями, судами и другими средствами транспорта или осуществлять контроль над ними». Впрочем, формулировка «владеть или осуществлять контроль» допускала самые различные толкования.

Что касается аграрного вопроса, то в резолюции речь шла лишь о «значительном снижении ренты» наряду с уменьшением «сельскохозяйственной задолженности и контролем над ростовщичеством»⁴⁰. Конгресс, таким образом, еще не решался говорить о ликвидации помещичьего землевладения, что в условиях Индии было одной из самых острых проблем социального преобразования и классовой борьбы. Более того, в 1932 г. руководящий орган Конгресса — Рабочий комитет специально заверил заминдаров, что он «не намерен покушаться на чьи-либо законные интересы, которые не противостоят благосостоянию нации», и «призывает землевладельческие и имущие классы всеми средствами помочь Конгрессу в его борьбе за свободу страны»⁴¹. В 1934 г. Рабочий комитет выпустил своего рода разъяснение, в котором указывалось, что резолюция сессии в Карачи «не предполагает ни конфискации частной собственности без справедливого основания и компенсации, ни пропаганды классовой войны», ибо и то и другое «противоречит вере Конгресса в ненасилие». Далее говорилось, что «Конгресс намечает более разумное и справедливое использование частной собственности, чтобы предотвратить эксплуатацию безземельных бедняков и стремиться к налаживанию более здоровых отношений между трудом и капиталом»⁴².

Иными словами, если Неру пропагандировал перспективу такого развития Индии, которое выходило за рамки буржуазных интересов, то официальные программные установки Конгресса были сугубо буржуазно-реформистскими. Неру хорошо сознавал это и, имея в виду резолюцию в Карачи, отмечал, что «капиталисти-

ческое государство легко могло бы принять почти все содержащееся в этой резолюции»⁴³. В то время в самом Национальном конгрессе разворачивалась борьба между передовыми и умеренно-реформистскими буржуазно-помещичьими силами. Это, а также напор растущего массового движения в дальнейшем сказались на программе Конгресса, радикализации которой добивался Неру.

В 1938 г. он возглавил Национальный комитет по планированию, функционировавший около полутора лет и призванный подготовить «всеобъемлющий план национального развития», стержнем которого должна была явиться индустриализация. И Неру писал, что работа в Комитете ему особенно по душе. Комитет был разнороден по составу и социально-политической ориентации участников (как, впрочем, и сам Конгресс), тем не менее большинство его членов вкупе с председателем высказались за государственную собственность на основные отрасли промышленности, ликвидацию крупного помещичьего землевладения, национализацию земли и развитие сельскохозяйственной кооперации.

Значительное и влиятельное меньшинство стремилось сузить и ограничить намеченную программу преобразований, предлагая, в частности, вместо установления государственной собственности на крупную промышленность государственный контроль над нею. «Некоторые влиятельные круги в самом Конгрессе, по инициативе которого был создан Комитет, — писал Неру, — смотрели на него как на нежеланного ребенка, не зная, что из него получится, и с недоверием относились к его будущей деятельности. Представители крупного капитала были явно встревожены и настроены критически и, вероятно, вступили в Комитет из тех соображений, что легче защищать свои интересы, находясь внутри Комитета, чем за его пределами»⁴⁴.

Отсюда видно, какую роль играли и как действовали представители буржуазно-помещичьих кругов в Конгрессе. Они были встревожены ростом передовых тенденций в национальном движении во второй половине 30-х годов. К тому времени усилилась роль профсоюзных, крестьянских и других массовых организаций, руководимых коммунистами и левыми конгрессистами. Более четко оформилось левое крыло в самом Конгрессе, объ-

являвшее себя социалистическим. В деятельности этой партии приняли активное участие коммунисты, и она стала превращаться в организацию единого антиимпериалистического фронта. Деятельность Неру способствовала этому процессу. «Некоторое время мне казалось, — писал он, — что Конгресс поддается моему влиянию и следует по намеченному мною пути. Но вскоре я понял, что конфликт носит глубокий характер»⁴⁵. Националистические круги буржуазно-реформистского и правого толка начали оказывать растущее сопротивление натиску передового крыла, сумели взять верх в развернувшейся в конце 30-х годов внутрипартийной борьбе и сохранили преобладающее положение в конгрессистской организации, особенно в ее руководстве. Для этого они использовали авторитет Ганди и определенную поддержку со стороны последнего.

Неру не связывал себя организационно с какой-либо из возникавших левых группировок в Конгрессе. Он был предан Ганди, который относился к нему с большой симпатией, называя его рыцарем без страха и упрека. Тем не менее правонационалистические лидеры временно оттеснили Неру и добились снижения его влияния в руководстве партии.

«Мне было трудно срабататься с членами руководящего органа Конгресса, и я понял, что они смотрят на мою деятельность с опаской, — писал он. — Дело было не столько в том, что они выступали против каких-либо конкретных моих действий, а в том, что им не нравился общий курс и направление моей деятельности. Подобное отношение с их стороны было вполне оправдано, так как мы расходились во взглядах. Я полностью выполнял решения Конгресса, но старался подчеркнуть одни стороны этих решений, в то время как мои коллеги делали упор на другие стороны»⁴⁶.

В конфликте, возникшем в Конгрессе, Неру в известной мере потерпел поражение и вынужден был примениться к сложившемуся соотношению сил. Однако укрепление правых в руководстве конгрессистской организации шло вразрез с объективным процессом развития национально-освободительного движения, а потому заводило партию в тупик и могло обернуться для нее крахом. «Вулкан еще не действовал, но он существовал, и уже был слышен его глухой гул. Мы еще находились

в тупике...»⁴⁷ — писал Неру в 1940 г. о тогдашнем положении в стране и Конгрессе.

Ко времени окончания второй мировой войны «вулкан» начал действовать. Невиданный прежде размах массового национально-освободительного движения в Индии в условиях начавшегося превращения социализма в мировую систему заставил английский империализм отступить. В 1947 г. была провозглашена независимость страны. В обстановке мощного демократического подъема накануне завоевания независимости сам Ганди по существу высказался за отстаиваемую Неру социально-экономическую программу и вопреки сопротивлению правых националистов назвал Неру своим преемником. Последний стал премьер-министром свободной Индии.

Достижения и противоречия

В первые годы независимости под руководством Джавахарлала Неру была разработана социально-экономическая программа самостоятельного развития страны, представленная в ряде резолюций Национального конгресса, уже правящей партии, и в правительственных решениях.

Эта программа предусматривала преимущественное развитие государственного сектора в «ключевых отраслях» промышленности при одновременном развитии частного предпринимательства любого масштаба (частный сектор), что именовалось принципом «смешанной экономики». В резолюции Джайпурской сессии (1948) говорилось: «Политика Конгресса состоит в том, чтобы обеспечить функционирование промышленности в интересах нации и чтобы ключевые отрасли промышленности во все большей мере переходили под контроль и в собственность государства. Однако он не намерен причинить ущерб законным интересам промышленников». В резолюции указывалось также, что согласно принятому правительством принципу смешанной экономики частному предпринимательству предоставляется «очень обширная сфера для развития и укрепления»⁴⁸.

Вместе с тем устанавливалась «исключительная мо-

дополняя» государства на оборонную и атомную промышленность, железнодорожный и воздушный транспорт, за государством резервировалось право создавать новые предприятия в ряде ключевых отраслей, обеспечивающих индустриализацию. Это имело целью оградить их от проникновения империалистических монополий и в определенной степени ограничивало рост экономической мощи монополистической верхушки индийской буржуазии. В 1956 г. в число таких отраслей вошли, в частности, черная металлургия, производство тяжелого промышленного и электротехнического оборудования, электроэнергии, средств связи, самолето- и судостроение, добыча основных полезных ископаемых и переработка нефти. Предусматривалось преимущественное развитие государственного сектора и в ряде других важных отраслей (где, однако, могли появляться и новые частные предприятия), а именно: по производству алюминия и некоторых цветных металлов, ферросплавов и инструментальной стали, в станкостроении, общей химии и т. д. Остальные отрасли, например почти вся легкая промышленность, оставались за частным сектором, хотя государство сохраняло право создавать предприятия и в них.

В то же время устанавливался контроль за направлением капиталовложений в частном секторе в соответствии с задачами, которые выдвигались пятилетними планами. Еще в 1948 г. было также объявлено, что «банки и страхование будут национализированы». Вводился контроль за деятельностью иностранного капитала и ставилась цель постепенной «индианизации» иностранных предприятий. При этом наряду с развитием государственного сектора принимались различные меры для стимулирования индийского частного предпринимательства.

Программная резолюция 1948 г. предусматривала ликвидацию помещичьего землевладения или, как говорилось в этой резолюции, устранение «всех посредников между земледельцем и государством» и определение «максимального размера земельного владения». Изъятые излишки земли должны были передаваться «в распоряжение деревенских кооперативов». Указывалось на необходимость развития снабженческо-сбытовой и производственной кооперации в сельском хозяйстве, мелкой

и кустарной промышленности. Намечалось уменьшение неравенства в доходах путем установления в будущем «максимального размера дохода». Однако «максимум» мог превышать «национальный минимум» дохода в 40 раз, в дальнейшем это отношение должно было сократиться до 20 раз. В 1955 г. Конгресс объявил своей целью построение в Индии «общества социалистического образца», в 1959 г. принял специальное решение о развитии производственной кооперации в сельском хозяйстве.

Дж. Неру в своих выступлениях относительно социально-экономической программы правящей партии вообще и резолюции 1955 г. в частности главный упор делал на необходимость индустриализации и внедрения планового начала для обеспечения независимого национального развития, подъема народного хозяйства и благосостояния народа. Под руководством Неру были последовательно разработаны три пятилетних плана (1950/51—1965/66). В процессе их выполнения возросла доля государственного сектора в новых капиталовложениях — она составила 46,4% в период первого плана, 54 — в годы второго и 60% — в годы третьего плана. Неру говорил: «Есть элементы социализма в первом пятилетнем плане, их больше во втором и еще больше в третьем плане. В сущности это еще не социализм, но научное планирование, предпринятое, чтобы заложить основу прогресса в будущем... В широком смысле нашей целью является создание государства благоденствия и общества социалистического образца, в котором нет больших различий в доходах и предоставляются равные возможности для всех»⁴⁹. И в другом месте: «Нашим пробным камнем должно стать благо всего народа, а не какого-либо лица или группы лиц. И если так будет, государственный и частный секторы постепенно сольются воедино»⁵⁰.

Как это произойдет (речь шла об утверждении общественной собственности), Неру не раскрывал. По всей вероятности, ему самому было не ясно, а главное — это не являлось для него непосредственной задачей. Тем не менее в свое время он утверждал: «Национализация средств производства и распределения, по-видимому, неизбежна... На пути к ней могут быть промежуточные станции, но трудно себе представить, что два противо-

положительных, находящихся в конфликте друг с другом процессы могут развиваться параллельно»⁵¹.

Осуществление социально-экономических преобразований неразрывно связано с классовой борьбой, прямо зависит от складывающегося в этой борьбе соотношения социально-политических сил. Между тем именно в вопросе классовой борьбы, в вопросе путей и средств преобразования общества Неру в наибольшей мере был свойствен националистический подход, хотя и здесь его позиция демонстрировала определенный прогресс по сравнению с позицией его предшественников, может быть, за исключением Ганди в последние годы его жизни. Неру полагал обязательным преодоление сопротивления тех, чьи привилегии эти преобразования устраняют. «Если привилегированные группы препятствуют осуществлению насущно необходимых реформ, разумно и нравственно ли стараться сохранить их ценой страданий и нищеты масс», — писал он в 1936 г. Однако тут же добавил: «Если бы было возможно прийти к какому-либо соглашению с этими привилегированными группами, это было бы весьма желательно. Можно расходиться во взглядах на то, справедливо это или не справедливо, но едва ли кто-либо усомнится в целесообразности такого решения»⁵².

Уже из данного высказывания видно, что, признавая необходимым преодолеть сопротивление «привилегированных групп», он делал упор на достижение социального компромисса, а это фактически означало, что последнее ставилось условием для проведения общественных преобразований. Отсюда в свою очередь вытекала готовность пойти на широкие уступки тем, кого Неру называл «привилегированными группами». Нетрудно заметить, что такой подход уже сам по себе резко ограничивал возможность общественного преобразования.

Такой подход в немалой степени определялся унаследованным националистическим стремлением примирить классовые противоречия, найти способ свести на нет классовую борьбу. Недаром, говоря о Ганди, Неру прежде всего подчеркивал то, что он называл его «удивительным умением смягчать противоречия». У предшественников Неру это стремление еще не всегда было вполне осознанным, а свои надежды предотвратить классовую борьбу они связывали главным образом с

религиозно-моралистической проповедью. Неру совершенно отчетливо понимал наличие классовых противоречий и классовой борьбы. Его надежды сводились в основном к тому, что национальная власть, во главе которой стоял он сам, сможет, действуя сверху, постепенно и частично ограничивать и подрывать социально-экономические позиции эксплуататорских классов. И это позволит проводить социалистические преобразования без сколько-нибудь серьезного сопротивления имущих классов, равно как и без активизации классовой борьбы трудящихся, т. е. не только с меньшими издержками, но и вообще без издержек.

В 1960 г. он говорил: «Классовая борьба ведется всегда. Ее нельзя отрицать или отставить. Поэтому, признавая наличие классовых противоречий, мы хотим решить проблему мирным путем, на базе сотрудничества, а не путем обострения конфликтов и стремимся привлекать людей на свою сторону, вместо того чтобы угрожать им борьбой и уничтожением... Не отрицание классовой борьбы (конфликты между классами и их интересами существуют), но преодоление ее иными средствами, нежели конфликт и насилие»⁵³. При подходе, имевшем своим первоисточником буржуазный национализм, было вполне закономерно, что Неру, отдававший дань марксизму как учению, «пролившему свет на ход исторического развития и экономические процессы»⁵⁴, хотел видеть в нем скорее нечто общетеоретическое, чем руководство к революционному действию. Он пытался объяснить подобное отношение тем, что марксизм якобы «во многом устарел». При этом, выступая в духе сторонников теорий конвергенции, Неру ссылаясь на развитие «различных демократических процессов», на научно-техническую революцию и утверждал, что «капитализм приобрел некоторые социалистические черты, хотя сохраняет свои главные аспекты»⁵⁵.

В данных рассуждениях весьма наглядно преломляются и сталкиваются объективные потребности национального развития и субъективные стремления и надежды. Обеспечить независимое национальное развитие, подъем экономики, проведение индустриализации при современном уровне производства, тем более в масштабе такой страны, как Индия, невозможно без усиления государственного сектора, без занятия им командных вы-

сот в экономике. Осознание этого факта — большой шаг, сделать который Неру во многом помогли достижения социализма в СССР, знакомство с марксизмом. Но сделать следующий шаг — признать на деле (а он не опускаться до признания лишь на словах) необходимость мобилизации масс на классовой основе для осуществления социальных преобразований — он не мог по ряду причин, прежде всего из-за унаследованных им представлений и из-за своего положения, обусловленного определенной социально-политической обстановкой. Отсюда уже упоминавшиеся мечтания и надежды, отсюда неприятие марксистского учения о классовой борьбе применительно к сегодняшнему дню, а не к истории.

Была, вероятно, и еще одна субъективная причина подобных мечтаний и надежд. О ней известный индийский исследователь-марксист Хирен Мукерджи пишет так: «Джавахарлал Неру любил действие, и мысль его зачастую отличалась проницательностью. Но ему было присуще нечто такое, что заставляло его сомневаться и становиться нерешительным. Он, видимо, колебался, когда думал о дорогой цене страданий, которыми почти неизбежно сопровождается коренное социальное преобразование. Он не боялся уплатить эту цену сам, но, наверно, думал о страданиях, которые вызовет революционное действие, и отчаянно надеялся, что нашему пострадавшему народу будет дано их избежать»⁵⁶.

К сожалению, при этом не обошлось без ошибочного приписывания марксизму тезиса об исключительно немирном пути развития социальной революции, а прежде всего на таком основании Неру делал вывод, что марксизм якобы устарел.

Однако хорошо известно, что творцы научного социализма допускали возможность революции без гражданской войны при достаточно благоприятном соотношении политических классовых сил, которое, правда, в условиях того времени могло сложиться лишь как редкое исключение. Образование мировой социалистической системы и превращение ее в решающую силу мирового развития, рост классовых требований и политических выступлений трудящихся в индустриальных капиталистических государствах, перерастание национально-освободительной борьбы во многих развивающихся странах в борьбу против эксплуататорских отношений, как фео-

дальных, так и капиталистических, — все это есть претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма в нашу эпоху, завоевания, осуществленные и осуществляемые именно в классовой борьбе. Опираясь на эти завоевания и учитывая дальнейшее изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, марксизм-ленинизм исходит из возможности революционного преобразования общества и перехода к социализму также мирным путем в зависимости от конкретных условий данной страны. Вместе с тем преобразование общества, мирное или немирное, может осуществиться только в процессе классовой борьбы, поскольку эксплуататорские классы или их отдельные сколько-нибудь значительные группы никогда добровольно не отказываются от своих привилегий.

Надеясь на компромиссное примирение и «затухание» классовых противоречий, Неру, конечно, не мог не отдавать себе отчет в сопротивлении общественным преобразованиям. «В основном именно столкновение классовых интересов составляет сегодня проблему, и в подобных случаях нелегко устранить привилегированные группы». Выступая за «мирные методы обращения с классовым конфликтом», он весьма справедливо указывал, что «они будут иметь успех только в том случае, если мы поставим перед собой надлежащую цель, ясно понимаемую народом»⁵⁷.

Но, как отмечают прогрессивные индийские исследователи, для осуществления целей, поставленных Неру, «было крайне необходимо хорошо организованное массовое движение»⁵⁸, при этом подчеркивается, что, добиваясь проведения социального преобразования мирными средствами, он, «к сожалению, не принял в расчет великой необходимости политического действия, опирающегося на силу организованных масс», и что, «в то время как он звал к социализму со все большей настойчивостью и убежденностью, враги социализма трудились не покладая рук, чтобы нанести поражение делу социализма»⁵⁹.

Организация народных масс и массовые действия осуществлялись Конгрессом под главенством Ганди, при активнейшем участии Неру в борьбе за национальное освобождение. Некоторые индийские исследователи считают, что Ганди подошел к пониманию необходимости

массового действия также и в целях социального преобразования, когда незадолго до своей трагической гибели в 1948 г. предлагал превратить Национальный конгресс в «непартийную» организацию «для служения народу», ведущую работу в его гуще, в каждой деревне и т. п. Во всяком случае, в 1945 г. он писал: «Если окажется, что парламент не способен обеспечить интересы крестьян, в их распоряжении всегда имеется средство, которым они могут воспользоваться самостоятельно, — гражданское неповиновение и несотрудничество... В конце концов не законы на бумаге, не смелые слова и зажигательные речи, а мощь ненасильственной организации, дисциплина и самопожертвование составляют оплот народа против эксплуатации и угнетения»⁶⁰.

Программа реорганизации Конгресса, предложенная Ганди в его завещании, не была принята. Конгресс не стал организацией массового действия в целях социального преобразования. Иной была его классовая основа, а его руководство исходило из установки на примирение классовых противоречий. Неру рассчитывал, что именно парламент, где Конгресс занимал господствующее положение, сможет обеспечить проведение социальных преобразований при более или менее стихийной поддержке масс и его (Неру) способности убедить эксплуататорскую верхушку пойти на уступки и не доводить дело до революционного взрыва.

Показательна в этом отношении его позиция в связи с ликвидацией в 50-х годах системы заминдари, т. е. определенных собственных прав крупных феодальных помещиков (заминдаров, талукдаров и т. п.). В 1951 г. была принята поправка к Конституции, что позволило властям определять размеры выкупа по своему усмотрению. Заминдары пытались оспаривать соответствующие решения властей в судах. Поскольку же, согласно Конституции, право частной собственности включалось в число «Основных прав» граждан и любая частная собственность не могла быть отчуждена государством иначе как за «достаточный» выкуп, постольку защитники помещичьих интересов объявляли законопроект о данной поправке покушением на частную собственность вообще и на гражданские права.

Отвечая им в парламенте, Неру, между прочим, говорил: «Эта система (заминдари. — Авт.) не может бо-

лее сохраняться, и не имеет значения, что могут гласить ваши Основные права, что может гласить ваша Конституция и что могут решить ваши суды. Если вы не будете смотреть дальше этого, то окажетесь в условиях революционной ситуации, которая игнорирует все эти вещи»⁶¹.

Между тем национальная государственная власть, которая, по замыслу Неру, должна была провести общественные преобразования, осуществлялась имущими классами, прежде всего национальной буржуазией, а сложившийся еще в колониальных условиях государственный аппарат, который в годы борьбы за независимость Неру призывал коренным образом перестроить, фактически оставался таким же и представлял мощную консервативную силу. Он лишь постепенно модернизировался, не меняя своей классовой сущности. Конгресс, ставший правящей партией, по своему массовому влиянию и организационным возможностям далеко превосходил все другие партии. Хотя Конгресс сохранял некоторые черты антиимпериалистического общенационального объединения, он все более превращался в буржуазную партию коалиционного типа и в своей деятельности все больше ориентировался на парламентские выборы. По ряду причин между прогрессивными силами внутри и вне Конгресса не было единства, и это ограничивало развитие демократического движения.

Несмотря на то что ко времени завоевания независимости рабочие и крестьянские организации, созданные на классовой основе, существовали в Индии уже более двадцати лет и играли авангардную роль в борьбе за национальное и социальное раскрепощение, они были относительно малочисленны. Что касается преобладающей массы трудового народа, то ее демократическое и особенно классовое сознание, ее социально-экономические требования и организованность были весьма ограниченными. Лишь меньшинство рабочего класса объединялось в профсоюзы, и лишь небольшая часть крестьянства была вовлечена в соответствующие организации, действовавшие в отдельных районах. Значительная часть трудящихся, особенно в деревне, еще не освободилась от вековой приниженности, различного рода отсталых представлений и предрассудков.

Все эти обстоятельства в совокупности служили ог-

ромным препятствием для проведения радикальных социальных преобразований, и ныне общепризнано, что провозглашенная Конгрессом социально-экономическая программа оказалась невыполненной в той части, которая предусматривала такие преобразования. «Мы далеки от социализма», — с горечью констатировал Неру незадолго до своей кончины.

Сложившееся в Индии соотношение классовых сил, а также ряд социально-политических представлений Неру, унаследованных им от национализма и фактически обусловленных обстановкой в стране, не позволили ему предпринять лобовую, фронтальную атаку на те «привилегированные группы», устранение которых он называл нелегким делом. Однако, действуя в пределах сложившегося соотношения сил, Неру стремился исходить из объективных потребностей независимого национального развития в нашу эпоху и вдохновлялся передовыми общественными идеалами. Вот почему его деятельность при всей ее противоречивости была исторически прогрессивной как в области утверждения передовых общественных идеалов, так и в сфере практической политики. Она принесла важные положительные результаты — обеспечивала независимое национальное развитие и во многом способствовала созданию в процессе этого существенных предпосылок социального прогресса, выходящего за рамки капиталистического развития и буржуазных интересов.

В связи с этим, очевидно, можно даже сказать, что, не будучи в состоянии повести лобовую атаку на «привилегированные группы», Неру тем не менее сумел предпринять обходные действия, которые подготавливали новые, более благоприятные позиции для наступления прогрессивных сил. Однако, как показали события в Индии, особенно после его смерти, выход прогрессивных сил на новые рубежи и продвижение вперед сопровождаются отнюдь не затуханием социальных и классовых противоречий, на что надеялся Неру, но как раз наоборот — углублением противоречий и ростом классовой борьбы трудящихся, принимающей теперь различные и порой весьма острые формы.

Стремясь обеспечить независимое национальное развитие страны и проведение ускоренной индустриализации, Неру сыграл ведущую роль в создании государст-

венного сектора и установлении сотрудничества Индии с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Он отлично понимал, что ускоренная индустриализация не может быть осуществлена, а независимость страны укреплена без командной экономической роли государства. «Совершенно очевидно, — говорил он, — что слаборазвитые страны не смогли бы пойти тем путем индустриализации, которым шли Европа и Америка»⁶².

Как уже отмечалось, согласно разработанной под руководством Неру программе Конгресса, создание государственного сектора осуществлялось не посредством национализации, а посредством строительства новых предприятий в ряде ведущих отраслей, развитие которых было зарезервировано исключительно или преимущественно за государственным сектором. В Индии это не без оснований называли «национализацией вакуума». Само по себе создание государственного сектора именно таким образом, равно как и определенное регулирование частных капиталовложений для ускорения индустриализации, не затрагивало коренных интересов буржуазии. Более того, оно способствовало росту ее низших слоев, которые получали известную поддержку государства и, следовательно, увеличению общей численности класса буржуазии, хотя в Индии последняя составляет поистине ничтожное меньшинство по сравнению с полупролетарскими и пролетарскими массами. Вместе с тем образование госсектора, не прекращая развития и роста монополистической верхушки буржуазии, все же ставило преграды для установления ее экономического, а значит, и политического господства (на которое она претендовала, рассчитывая на помощь иностранных империалистических кругов).

Укрепление государственного сектора осуществлялось путем перераспределения общенационального фонда накопления при постепенном увеличении доли государства в общих новых капиталовложениях, которая по пересмотренному четвертому пятилетнему плану (1969—1974) должна достичь 66%. Не вызывает сомнений, что, не будь этого сектора, средства достались бы главным образом крупной буржуазии, особенно ее монополистической верхушке, содействовали бы прежде всего активизации ее спекулятивной деятельности и через нее уси-

лению эксплуатации страны империалистическими монополиями.

В результате проведения принятого под руководством Неру курса капиталовложения, сосредоточенные в государственной промышленности, в период с 1951 по 1970 г. увеличились более чем в 150 раз. В 1970 г. госсектор сосредоточивал уже примерно половину всех капиталовложений в современной (организованной) промышленности. Сюда не входят железнодорожный и другой общественный транспорт, энергетика и связь, которые целиком или в основном принадлежат государству, а также государственные кредитно-финансовые и торговые организации. Государственный сектор становится доминирующим в таких отраслях промышленности, как металлургия, машиностроение, станкостроение, химическая и некоторые другие, где на государственные предприятия приходится около или свыше половины всего производства. Однако легкая промышленность почти целиком принадлежит частному капиталу, крупнейшие компании монополистического характера имеют серьезные позиции и в ряде отраслей тяжелой промышленности.

Весьма существенную роль в экономическом развитии Индии сыграло установление сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Оно во многом обеспечивало саму возможность ускорения индустриализации в результате создания государственного сектора и соответственно развитие последнего.

С помощью СССР в Индии построено или строятся около 70 промышленных объектов в государственном секторе, в том числе два металлургических завода общей мощностью около 5 млн. т стали в год с перспективой последующего увеличения более чем в 2 раза, заводы тяжелого машиностроения и горношахтного оборудования, электромашиностроительный завод, три электростанции, два нефтеперерабатывающих завода и др.

Сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества заставило империалистические державы в своих взаимоотношениях с Индией пойти на определенные уступки, хотя сохранение Индии в рамках мирового капиталистического хозяйства неиз-

бежно используется империалистическими монополиями для ее эксплуатации.

Прогрессивный курс Джавахарлала Неру, прежде всего создание госсектора и развитие сотрудничества Индии с социалистическими государствами, обеспечил укрепление национального суверенитета и известный подъем экономики страны. За годы независимости промышленное производство возросло примерно в 3,5 раза, по существу заново создан ряд важнейших отраслей, которые становятся базой дальнейшей индустриализации. В результате осуществления различного рода государственных мероприятий по развитию ирригации, улучшению агрикультуры, коммуникаций и некоторых условий быта в деревне, а также проведения аграрных реформ сельскохозяйственное производство возросло приблизительно в 2 раза. Это серьезный успех на пути преодоления тягчайшего наследия колониального режима, который обрек индийскую деревню на крайнюю нищету и деградацию. Имеются достижения и в других областях — здравоохранении, образовании, создании собственного научно-технического потенциала, развитии культуры.

Однако эти темпы экономического роста признаются в Индии далеко недостаточными, тем более что численность населения за годы независимости увеличилась почти в 1,5 раза и составляет 550 млн. человек. Национальный доход в расчете на душу населения, хотя и возрос примерно на 30%, остается одним из самых низких в мире. Фонд потребления в расчете на душу населения увеличился крайне незначительно — с 219 рупий в 1951 г. до 228 рупий в 1968 г. Между тем неравномерность распределения доходов не только не уменьшилась, но, напротив, существенно повысилась. В 1951—1965 гг. доля зажиточной группы (всего 1% населения) во всем доходе поднялась с 4,7 до 9,7%, т. е. более чем в 2 раза.

Проведенная в начале 50-х годов аграрная реформа (ликвидация системы заминдари) носила сугубо компромиссный характер. Феодално-помещичья аристократия (крупные помещики, бывшие князья и т. п.) сохранила часть своих земельных владений и другие привилегии, а тем самым и немалое традиционное социальное влияние в деревне, что сказывается на общественной жизни страны в целом. Вопиющий пережиток колони-

ально-феодальной структуры, так называемые княжества были ликвидированы, однако бывшие князья сохранили определенные привилегии, и им выплачивались пенсии (иногда огромные) из государственного бюджета.

Предусмотренное программой Конгресса установление максимальных размеров земельного владения и перераспределение земли фактически не было осуществлено, за исключением отдельных мест и случаев. Влиятельная землевладельческая верхушка различными способами саботировала проведение реформ, и малоземельные и безземельные крестьяне, как правило, земли не получили. Ныне общепризнано, что от аграрных реформ 50-х годов и агротехнических мероприятий правительства выиграли главным образом зажиточная верхушка крестьянства и помещики, налаживающие капиталистическое хозяйство. Социальное неравенство не было устранено, оно лишь стало приобретать все более буржуазный характер, но сохраняет немало феодально-средневековых черт (сословно-кастовые деления и т. п.).

По выборочным статистическим данным, незначительной по численности группе крупных землевладельцев — хозяйства свыше 30 акров (12 га), составляющие 3,2% всех хозяйств, — принадлежит 24% всей земли, тогда как 62% хозяйств (до 5 акров, или 2 га) — только 19%. 22% хозяйств (семей) вовсе не имеют земли. Неудивительно, что созданные в некоторых местах кооперативы зачастую оказывались, как отмечают многие индийские исследователи, в подчинении у эксплуататорской верхушки и не могли существенно изменить социально-экономические отношения в деревне.

В городе наряду с развитием государственного сектора, ростом рабочего класса, в частности увеличением численности рабочих на государственных предприятиях, а также интеллигенции и средних слоев, происходило дальнейшее формирование различных групп буржуазии. При этом, несмотря на некоторые ограничительные меры государства, особенно усилились именно верхние монополистические ее слои. Если активы 25 тыс. частных компаний возросли в 1963—1968 гг. на 35%, то активы 75 крупнейших компаний — на 65%. Монополистическая верхушка сосредоточила в своих руках более половины (54%) активов всего частного сектора.

Таким образом, при сохранении экономической и политической власти имущих классов, прежде всего крупной буржуазии, ни создание государственного сектора, ни связанное с этим внедрение планового начала и государственного регулирования не могло остановить дальнейшее развитие капитализма и действие его закономерностей. Сам государственный сектор является в этих условиях капиталистическим. Опираясь на свою растущую экономическую мощь и социально-политическое влияние, крупная буржуазия, в особенности монополистические концерны, использовала государственные кредиты, с одной стороны, и сотрудничество с иностранным капиталом — с другой, для дальнейшего укрепления своих позиций.

В 1956—1966 гг. наиболее крупные компании, составившие 9% всех частных компаний, получили 56% займов, выданных финансовыми организациями, 38% разрешений (лицензий) на создание новых предприятий, на их долю пришлось 47% соглашений с иностранными фирмами. Индийская печать многократно сообщала о различных формах использования государственного сектора в интересах растущей крупной буржуазии (например, льготные цены на продукцию государственных предприятий и т. д.), причем нередко в спекулятивных целях. Заняв преобладающее положение в частном секторе, монополистические концерны начали добиваться полного подчинения государственного сектора и сужения сферы его деятельности, чтобы превратить его в государственно-монополистический капитализм. Они стремились обеспечить себе неограниченные возможности сотрудничества с иностранным капиталом и свободу внутри страны.

По мере своего роста монополистическая верхушка буржуазии становилась центром притяжения и лидером всех реакционных сил, главным проводником империалистического влияния. Она налаживала контакты с феодально-помещичьими кругами, опасавшимися дальнейших аграрных преобразований, и использовала, в частности, их традиционные позиции в деревне, старалась найти опору среди бюрократии, в определенных подразделениях крупной буржуазии и зависящих от нее буржуазных кругах города и т. п.

Активизация и известная консолидация реакционных

сил отмечалась еще при жизни Неру. Это проявлялось в усилении образованной еще в 1952 г. религиозно-шовинистической (коммуналистской) партии «Джан сангх» и в создании партии «Сватантра» (1959). Получив поддержку определенных монополистических кругов и феодально-помещичьей аристократии, названные партии вобрали в себя различного рода местные правые группировки, действовавшие вне Конгресса, и развернули в общиндийском масштабе кампанию против курса Неру. Прежде всего они ополчились против его политики развития государственного сектора, против планов дальнейших аграрных преобразований и развития производственной кооперации в деревне, против индийско-советского сотрудничества. Оказывая давление на политику правительства, реакционные партии помогали правым силам внутри Конгресса, которые тогда еще не могли выступить открыто против курса Неру, но саботировали прогрессивные начинания и исподволь добивались сдвига вправо. В ходе буржуазного развития и с ростом экономической мощи крупной буржуазии в конгресси-стских организациях некоторых штатов стали складываться олигархические группировки, действовавшие в интересах монополистической буржуазии, а также сельской буржуазно-политической верхушки. Они все более опасались прогрессивного развития курса Неру в результате расширения демократического движения, хотели помешать осуществлению провозглашенной Конгрессом программы преобразований.

Давление реакционных сил явно возросло после кончины Неру в 1964 г. Правые не только вне, но и внутри Конгресса на время почувствовали себя свободнее. Лидеры олигархических группировок, сплотившихся в ряде штатовских организаций, образовали свое объединение в центральном руководстве правящей партии, известное под названием «синдикат»; некоторые из них представляли правые силы непосредственно в правительстве. В этих условиях местным и иностранным монополиям удалось в середине 60-х годов добиться ряда существенных уступок со стороны правительства, включая «перерыв в планировании». В результате еще более активизировалась непроизводительная, спекулятивная деятельность монополистической верхушки буржуазии, возросла концентрация в ее руках материальных и фи-

нансовых ресурсов и увеличился ее нажим на трудящиеся массы, а также на выросшую за годы независимости низшую и отчасти среднюю буржуазию. Усиление монополистической верхушки сковывало полезную для экономического развития предпринимательскую деятельность значительной части низших и даже средних слоев буржуазии. Оказался исчерпанным эффект частичных аграрных реформ. Все это, вместе взятое, привело к резкому падению темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства в середине 60-х годов, обострению продовольственного кризиса (также вследствие неурожайных лет), резкому повышению цен, сокращению реальной заработной платы рабочих и служащих и увеличению безработицы.

Буржуазный характер национального развития за четверть века независимости явился причиной того, что главные его плоды доставались имущим классам и не было достигнуто устойчивое улучшение материального положения основной массы трудящихся, условия существования которых остаются крайне тяжелыми. Более того, согласно данным официальной статистики, 40% населения получают доход ниже прожиточного минимума. Среди безработных насчитывается около миллиона лиц со средним и высшим образованием.

Между тем в суверенном индийском государстве трудящиеся гораздо быстрее, чем прежде, освобождаются от вековой приниженности, их демократическое, а также классовое сознание выросло, стали решительнее их экономические, социальные и политические требования. Повысилась численность и организованность рабочего класса, хотя профессиональные союзы охватывают примерно лишь половину рабочих, занятых в современной промышленности. Значительно увеличилась как численность, так и политическая активность различных средних слоев и полупролетарских масс города. На фоне поистине ужасающей нищеты и жесточайшего социального угнетения народных масс при колониальном режиме первые достижения независимого развития принесли им некоторое облегчение, оно коснулось преимущественно условий труда и социальной сферы. Однако теперь этого уже недостаточно. В конце 40-х — начале 50-х годов было введено новое трудовое законодательство, и рабочие добились известного увеличения реаль-

ной заработной платы. Впрочем, бурный рост цен, особенно в 60-х годах, свел его на нет, тогда как потребности рабочих — «стоимость рабочей силы» — продолжали увеличиваться в ходе индустриализации. С завоеванием независимости открылись новые возможности для средних слоев. Но в 60-е годы последовало резкое усиление безработицы среди образованной молодежи; материальное положение большей части служащих, интеллигенции, студенчества остается очень тяжелым при неизбежном возрастании культурных и бытовых потребностей.

В деревне частичные аграрные реформы 50-х годов, а также программы агротехнических и социально-бытовых улучшений («общинные проекты», помощь «низшим» кастам в этой области и провозглашение их равенства, появление некоторых возможностей образования и т. п.) на время стабилизировали положение и обеспечили Национальному конгрессу поддержку преобладающей части сельского населения. Однако в ходе дальнейшего буржуазного развития углубился процесс дифференциации крестьянства и вместе с тем началось пробуждение наиболее бесправных и жестоко эксплуатируемых сельских низов — безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, в большинстве своем принадлежащих к «низшим» кастам. Если еще недавно они были в основном политически пассивными и находились в подчинении у деревенской верхушки, то теперь все чаще требуют подлинного социального равенства, требуют земли.

Вторая половина 60-х годов была отмечена крупнейшими за годы независимости массовыми выступлениями, застрельщицей которых явилась Коммунистическая партия Индии. Число и масштаб забастовок рабочих увеличились в несколько раз, в ряде крупных городов проводились всеобщие забастовки («бандх»). Обычным явлением стали забастовки государственных служащих, в результате которых работа государственно-го аппарата в ряде штатов оказывалась парализованной. Широкий размах приобрели выступления студенчества. Пробуждение деревенской бедноты обострило социальные противоречия в деревне, где не раз вспыхивали кровавые столкновения. В 1969 г. положение здесь было официально охарактеризовано как «чреватое взрывом».

Одновременно растущее сопротивление натиску монополий начали оказывать низшие и средние слои буржуазии. Первоначально народное недовольство обратилось против власти правящей партии. На всеобщих выборах 1967 г. Конгресс потерпел поражение во многих штатах, а число его депутатов в центральном парламенте резко сократилось, возникла угроза его поражения на следующих парламентских выборах. Хотя правым партиям в связи с этим удалось несколько упрочить свои позиции в парламенте и законодательных органах отдельных штатов, в целом усилились левые общендийские партии, включая коммунистическую, и особенно некоторые местные партии, в той или иной мере выражавшие стремления средних слоев.

В таких условиях резко обострилась внутрипартийная борьба в самом Конгрессе. Реакционные, проимпериалистические круги поставили целью с помощью правых партий привести к власти «синдикат» и установить, таким образом, свой режим в стране. Этот план реакции был сорван демократическими силами в Конгрессе во главе с премьер-министром Индирой Ганди при активной роли КПИ, а также при поддержке ряда других партий и широких слоев народа. В 1969 г. в результате раскола в Конгрессе большая группа правых лидеров («синдикат») со своими сторонниками была вынуждена покинуть его и образовала собственную партию, которая блокировалась с прежними правыми партиями. В стране начало складываться новое соотношение социально-политических сил, возникли новые возможности для сотрудничества прогрессивных сил в борьбе против реакции, за осуществление социально-экономических преобразований. На внеочередных парламентских выборах в марте 1971 г. Конгресс, КПИ и некоторые другие партии в ряде штатов впервые действовали совместно против блока правых партий, которые также попытались консолидироваться. Поэтому борьба на выборах приобрела не только невиданную прежде политическую остроту, но и серьезное социальное значение. Выступая на предвыборных митингах, премьер-министр Индира Ганди, в частности, говорила: «Сорок четыре семьи в стране с населением 550 миллионов держат в своих руках рычаги экономической власти. При таком положении нельзя ожидать мира и устойчивости. Экономиче-

ское неравенство препятствует прогрессу нации. Мы должны устранить это неравенство... Страна стоит перед выбором: будут ли преобразования, к которым она стремится; осуществлены мирными средствами или путем насильственной революции»⁶³.

На парламентских выборах 1971 г. и выборах в законодательные собрания штатов 1972 г. правые партии потерпели крупное поражение. Их представительство в парламенте сократилось в 3 раза. Конгресс, провозгласивший необходимость дальнейших социально-экономических преобразований, завоевал $\frac{2}{3}$ депутатских мест. Однако различные буржуазно-консервативные и открыто реакционные проимпериалистические силы сохраняют немалое влияние и возможности для перегруппировки.

Социально-политическое развитие страны в период независимости, особенно в последние годы, привело к тому, что теперь политическая борьба разворачивается непосредственно вокруг вопросов осуществления социально-экономических преобразований. В этой борьбе прогрессивные силы уже добились немаловажных успехов. В 1969 г. была проведена национализация крупных частных банков, а в 1971—1973 гг. в руки государства перешли добыча угля, производство меди, ряд текстильных фабрик и были национализированы индийские и иностранные компании, занимающиеся общим страхованием. Ведущие позиции монополий в банковском и страховом деле ликвидируются, и расширяются позиции и источники накопления государственного сектора. Вместе с тем национализированные банки увеличили кредит мелким предпринимателям. В ряде отраслей, требующих относительно небольших капиталовложений на одно предприятие, крупнейшим компаниям целиком или частично запрещено создавать новые предприятия, в других отраслях разрешения им на строительство могут быть даны только на основании специального распоряжения правительства. Соответственно увеличено число отраслей, зарезервированных для развития мелкой промышленности, и товаров, которые государственные организации должны покупать только у мелких предприятий. Был принят закон о новых поправках к Конституции, касающихся права частной собственности и призванных обеспечить проведение социально-экономических преобразований.

Существенны достижения созданного в 1969 г. под руководством КПИ правительства левых и демократических партий в Керале, поддержанного Конгрессом, представители которого в 1971 г. вошли в него. Это правительство приняло в 1970 г. закон о земельной реформе, предусматривающий полную ликвидацию помещичьего землевладения, провело ряд других мероприятий в интересах трудового крестьянства, наметило национализацию чайных плантаций, принадлежащих английскому капиталу, выполняет программу промышленного развития штата, включая создание государственных и кооперативных предприятий.

Прогрессивным мерам правительства И. Ганди весьма содействовало то, что страна уже продвинулась по пути самостоятельного развития на основе индустриализации и образования государственного сектора. А эта основа была заложена под руководством Джавахарлала Неру и во многом именно благодаря его настойчивым стараниям. Опираясь на достигнутое в результате его деятельности, передовые силы ведут борьбу за дальнейшие преобразования, в том числе за расширение и демократизацию государственного сектора. При этом указывается, что созданный за годы независимости государственный сектор при нынешнем внушительном уровне его развития должен использоваться отнюдь не только для ограничения и «регулирования» деятельности монополий: он существенно облегчает национализацию ряда предприятий, принадлежащих иностранному капиталу, и крупнейших местных монополистических компаний. В качестве переходной меры выдвигается требование, чтобы кредиты, которые в предшествующие годы государство весьма щедро выдавало крупнейшим компаниям, были превращены в государственные активы и чтобы был установлен государственный контроль над этими компаниями.

Проведение более глубоких антимонополистических мероприятий и намеченной правительством аграрной реформы (установление максимальных размеров земельного владения и распределение земли среди деревенской бедноты) встречает упорное сопротивление. Но в стране произошел важный сдвиг, открывающий новые перспективы, и события последних лет демонстрируют серьезные завоевания прогрессивных сил. «Достаточно на-

помнить, скажем, о таких событиях, как недавняя национализация крупных банков и внушительная победа над правыми силами на последних выборах в Народную палату индийского парламента, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев. — Это свидетельствует о том, что народные массы этой страны решительно выступают против реакционных, проимпериалистических сил, за осуществление земельной реформы и других социально-экономических преобразований, за политику мира и дружбы на международной арене»⁶⁴.

Курс внешней политики

Потребности самостоятельного национального развития послужили отправным фактором внешней политики Индии, обуславливая ее позитивную роль, которая определялась в ходе сложных процессов борьбы за укрепление суверенитета и социальный прогресс и ныне получает свое дальнейшее утверждение.

Хорошо известно, что именно Джавахарлал Неру заложил основы внешней политики страны, разрабатывал ее принципы и руководил ее практическим осуществлением. Еще задолго до завоевания независимости международные отношения, а также международные связи индийского национально-освободительного движения были важной областью его интересов и деятельности, и в этом он был главным авторитетом среди лидеров Конгресса. Национально-освободительная и социально-прогрессивная направленность воззрений и деятельности Неру закономерно проявились и в его внешнеполитическом курсе.

Этот курс, получивший название «политики неприсоединения», предусматривал проведение независимой внешней политики и прежде всего отказ от участия в империалистических военных блоках. Неру определял политику неприсоединения как «сохранение за Индией свободы принимать по всем возникающим для нее внутренним и международным вопросам самостоятельные решения»⁶⁵. Он указывал также на огромные масштабы страны как на объективный фактор самостоятельности ее внешней политики⁶⁶.

По сути, «неприсоединение» обуславливалось объективными потребностями укрепления завоеванного суверенитета и независимого развития молодого национального государства. Индия оставалась экономически слаборазвитой страной в системе мирового капиталистического хозяйства. Последнее обстоятельство несло серьезную угрозу неокOLONиалистского подчинения ее, особенно путем вовлечения в военные блоки. Политика неприсоединения позволяла противостоять неокOLONиалистским устремлениям империализма, опираясь на мощную поддержку Советского Союза и стран социалистического содружества в деле упрочения независимости, изживания колониального наследия и движения по пути социального прогресса. Эта политика имела, таким образом, антиимпериалистическое содержание. Дж. Неру справедливо связывал ее с принципом мирного сосуществования, ослаблением международной напряженности и сохранением мира. В этом он видел непреходящее условие суверенитета и прогресса самой Индии, а также жизненную потребность человечества. Будущее Индии он связывал с задачей предотвращения войны⁶⁷. «Прежде всего, — говорил он, — необходимо осознать тот факт, что современные достижения науки и техники и создание сверхмощного ядерного оружия исключают войны как средство решения международных проблем... Во-первых, нужно поставить войну вне закона, во-вторых, все нерешенные проблемы должны быть решены путем переговоров. Для этого, конечно, должен быть создан климат сосуществования»⁶⁸.

Свою приверженность идее мирного сосуществования и урегулирования международных конфликтов путем переговоров и соответственно проведение миролюбивой внешней политики Неру связывал с гуманистической культурной традицией Индии и особенностями развития ее национально-освободительного движения под руководством Ганди — со всем тем, что он называл «полученным нами воспитанием». Несомненно, ему было совершенно чуждо встречающееся подчас наивно-националистическое истолкование, объясняющее внешнюю политику Индии на основе этой традиции, равно как и представления, что мир на земле может быть обеспечен посредством моралистической проповеди. Тем не менее истолкование, даваемое Неру принципу мирного сосу-

ществования, во многом определялось его общими идейно-политическими позициями и потому носило противоречивый характер. Он высказывал нереалистические надежды на примирение противоположных идеологий. Вместе с тем он говорил о своей вере в то, что «неравенство между людьми и между нациями будет ликвидировано и таким образом исчезнет главная причина конфликтов и войн»⁶⁹. Он неоднократно подчеркивал, что, проводя политику неприсоединения, Индия «не может быть и не будет нейтральной», когда под угрозой находятся свобода и справедливость, когда дело идет о борьбе против империалистической агрессии, колониализма и расизма.

Отстаивая дело мирного сосуществования, Неру выступал активным поборником укрепления международной безопасности, запрещения оружия массового уничтожения, сдерживания гонки вооружений, разоружения. Индия под его руководством смогла содействовать урегулированию некоторых международных конфликтов и ослаблению международной напряженности. Внешнеполитический курс Неру стимулировал ряд других государств «третьего мира» проводить политику неприсоединения, что имело и имеет важное значение для дела мира и прогресса в мировом масштабе.

Поистине историческая заслуга Дж. Неру состоит в том, что он благодаря прогрессивному подходу сумел глубоко оценить и активно использовать те решающие возможности для самостоятельного национального развития и общественного прогресса, которые открывались перед освободившимися странами благодаря росту могущества Советского Союза и возникновению мировой социалистической системы.

Еще не была формально провозглашена независимость Индии, когда Неру в качестве руководителя временного правительства обратился к Советскому правительству с предложением установить дипломатические отношения. Его письмо по этому поводу было многозначительным: «Мы искренне хотим развивать дружественные отношения с СССР и обменяться с вашей страной дипломатическими и другими представителями. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет благотворным для обеих стран и послужит делу мира и прогресса во всем мире»⁷⁰.

Политический курс Неру был неразрывно связан с установлением и укреплением индийско-советского сотрудничества. Этот курс, в особенности политика образования сильного государственного сектора, служил существенной предпосылкой для экономической помощи Индии со стороны СССР. В то же время индийско-советское сотрудничество создавало благоприятные возможности для проведения такого курса и стимулировало развитие его прогрессивных потенций. Это сотрудничество позволяло Индии противостоять неоколониалистской политике империализма (капиталистические державы вынуждены были идти на определенные уступки), укрепляло ее национальную независимость.

Сам Неру неоднократно подчеркивал зависимость внешней политики страны от ее «внутренних условий и внутреннего развития». В 1948 г. он писал: «До тех пор пока Индия не определит своей экономической политики, ее внешняя политика будет довольно примитивной, будет политикой на ощупь»⁷¹.

Утверждение к середине 50-х годов курса Неру во внутренней и внешней политике вопреки упорному сопротивлению реакционных проимпериалистических кругов закономерно сопровождалось установлением активного сотрудничества Индии с Советским Союзом и ростом ее позитивной роли на международной арене. Определяя значение этого сотрудничества, Неру указывал не только на непосредственную помощь развитию Индии, но и на его перспективы: «Нет никакого сомнения в том, что наша дружба и сотрудничество с СССР оказали нам значительную помощь. Эта дружба и сотрудничество расширили нам горизонт и помогли нам лучше понять все, что происходит в мире... Советский Союз стоит за мир и разоружение. Он занимается великой задачей строительства нового общества. Он уже добился больших успехов, и его ожидают еще более огромные успехи в будущем»⁷². Он выражал уверенность в том, что «отношения между народом Индии и народом Советского Союза будут становиться все более тесными и дружественными»⁷³.

Это, разумеется, не устраивало консервативные и реакционные круги в стране и их покровителей за ее пределами. Вот почему нападки на внутривнутриполитический курс Неру сопровождалась нападками на его внешнюю

политику. В 1959 г. он говорил, что они «связаны с внутренними спорами».

Эти нападки особенно усилились после смерти Неру, вследствие обострения внутривнутриполитической борьбы и активизации правых сил. Последние пытались не только добиться поворота вправо во внутренней политике, но и подорвать индийско-советское сотрудничество, изменить антиколониальную и антиимпериалистическую направленность внешней политики Индии. Однако заложенные при жизни Неру благодаря его деятельности основы прогресса оказались достаточно прочными. Ныне в результате подъема демократического движения они получают дальнейшее развитие.

В области внешней политики это нашло отражение в Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией, заключенном в августе 1971 г. Договор закрепляет сложившиеся отношения дружбы и сотрудничества и открывает новые перспективы их развития в интересах мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Отмечая большое положительное влияние на международную обстановку дружбы между Советским Союзом и Индией крупнейшего миролюбивого государства нашей планеты, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал: «Мы думаем, что теперь, когда наши отношения развиваются на основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, они еще более углубятся. За это говорит упрочение в Индии позиций прогрессивных, антиимпериалистических сил. За это говорит и курс индийского правительства, возглавляемого Индирой Ганди»⁷⁴.

* * *

Джавахарлал Неру одним из первых в Индии увидел в социалистическом преобразовании общества закономерный результат исторического развития человечества в современную эпоху, а в движении к социализму — объективно необходимый путь прогресса для Индии, освободившейся от империалистического господства. Эта идейная позиция Неру отразила большой и важный сдвиг в развитии передовой общественной мысли в Индии, происшедший под воздействием победы Великого

Октября и достижений социалистического строительства в СССР.

Однако наряду с признанием объективной необходимости социалистического устройства общества в понимании самого процесса его установления у Неру преобладал субъективистский подход, во многом обусловленный националистическим отношением к проблемам классовых противоречий и классовой борьбы. Это проявлялось в его представлениях и надеждах на то, что преобразование общества может быть осуществлено в основном сверху — без развертывания организованной классовой борьбы трудящихся, что усиление государственного сектора в результате строительства новых предприятий в условиях слабо развитой экономики само по себе предотвратит дальнейшее развитие капитализма в стране и приведет к социализму.

В свое время В. И. Ленин дал анализ таких социально-экономических программ, в которых буржуазно-демократические преобразования трактовались как социалистические и которые также отражали «мечтание... об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы»⁷⁵. О народнической программе в России Ленин, в частности, писал, что она содержала мечтание, «будто можно было бы новым и справедливым разделом всех земель *устранить* власть и господство капитала»⁷⁶. Он обычно называл подобные представления «субъективно-социалистическими»⁷⁷. Он показывал их исторически прогрессивную роль в борьбе за демократическое преобразование общества, отягощенного феодальными пережитками, но при этом подчеркивал, что они обещали «за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа даст лишь сто благ»⁷⁸.

Думается, что и прогрессивную программу Неру следует охарактеризовать как субъективно-социалистическую по преимуществу. Если, по мысли русских народников и Сунь Ят-сена, к социализму должны были привести справедливый раздел земель между крестьянами и национализация земли при сохранении буржуазного характера экономических отношений в обществе в целом, то, согласно Неру, ту же роль должны были сыграть прежде всего создание государственного сектора промышленности путем строительства государством новых предприятий, а также антифеодальная аграрная

реформа и развитие кооперации при сохранении буржуазных отношений и допущении развития крупного частного капитала.

Однако между субъективно-социалистическими программами в суверенных странах конца XIX—начала XX в., о которых писал В. И. Ленин, и программой Неру, оформившейся в результате развития и победы индийского национально-освободительного движения к середине нынешнего века, были весьма существенные различия, касающиеся и самого содержания, и объективной исторической роли.

Программы народнического типа отражали мечтания об установлении социализма без классовой борьбы (при посредстве сельской общины и т. п.) как следствие осуществленного антифеодального демократического преобразования общества и в то же время звали народные массы к революционной борьбе за осуществление этого преобразования, против помещичьего класса и его власти, т. е. были революционно-демократическими программами.

Программа Неру сложилась в условиях национально-освободительной борьбы, которая вызывала стремление к национальному объединению всех классов (включая и помещиков) перед лицом чужеземного поработителя и тем самым порождала надежды на разрешение социальных и классовых противоречий вообще — и унаследованных от феодализма, и создаваемых развитием капитализма путем компромисса. В определенной степени это сказалось на идейно-политических позициях Джавахарлала Неру и на его программе. Здесь были элементы не только народничества, но и буржуазно-либерального подхода; который был охарактеризован В. И. Лениным как надежда добиться «сколько-нибудь серьезных улучшений... в положении масс трудящегося народа» «миром и ладом, никого не обижая», «без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы»⁷⁹.

Может показаться, что программа Неру отличалась от субъективно-социалистических программ народнического типа лишь большей утопичностью и большей социально-классовой ограниченностью и что объективная историческая роль ее была более узкой. Однако это не так: она сложилась в условиях иной страны, а главное,

в другую эпоху. Она содержала важный элемент, которого не было ни у народников, ни у либералов.

Во-первых, усиление общего кризиса капитализма, достижение социализма в СССР и начавшееся формирование мировой социалистической системы существенно содействовали победе национально-освободительного движения, которая была достигнута в Индии в результате массовой политической борьбы. Это была победа народа в борьбе против империализма и его феодально-помещичьих и компрадорских союзников. Она обусловила установление не помещичьей, а национально-буржуазной власти и режима парламентской демократии. Это по-своему способствовало сохранению иллюзий насчет возможности общественных преобразований без развертывания классовой борьбы. Но объективно эти же условия «буржуазной свободы»⁸⁰, как говорил Ленин, давали определенный простор для дальнейшего развития демократического и классового сознания трудящихся и их классовой борьбы, для усиления на этой основе натиска демократического движения, оформившегося еще в национально-освободительной борьбе, для перерастания последней в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических.

Во-вторых, сложившаяся в условиях новой исторической эпохи программа Неру в известной мере отразила такую объективную задачу общественного развития, которая еще не выдвигалась в программах народнического типа.

Как неоднократно указывал В. И. Ленин, эти программы, несмотря на «субъективный социализм» их авторов, выступавших «против угнетения и эксплуатации народных масс», отразили ставшую на очередь дня потребность ликвидации лишь одного вида угнетения и эксплуатации — «именно феодализма»⁸¹. Объективная хозяйственная необходимость, которая их породила, — это «необходимость крутой ломки старого землевладения»⁸².

Социально-экономическая программа Неру отразила уже не только потребность в ликвидации феодальных пережитков. Она была вызвана к жизни острой необходимостью ускоренной индустриализации как условия преодоления экономической отсталости и независи-

мого национального развития, что могло осуществляться только в результате создания сильного государственного сектора.

Понимание этой необходимости пришло к передовым деятелям индийского национально-освободительного движения прежде всего благодаря достижениям социализма в СССР. В дальнейшем мировая социалистическая система стала мощным фактором ее реализации, особенно в результате развития экономического сотрудничества независимой Индии с СССР и другими социалистическими странами. Это определило важное отличие программы Неру от программ народнического типа. В последних В. И. Ленин ценил «элемент разрушительный по отношению к средневековой». Он называл это «прогрессивной реальностью» таких программ и указывал, что марксистам «по дороге с народниками» в деле разрушения полуфеодального общественного строя, а также что марксисты добиваются, чтобы это дело делалось последовательно, без «колебания». С другой стороны, Ленин подчеркивал, что «созидательные планы народников — утопия»⁸³, т. е. что утопией являлись их мечты осуществить социализм на основе общины и т. п.

Между тем «созидательные планы» Неру содержали «прогрессивную реальность», а именно предусматривали обеспечение независимого национального развития путем ускоренной индустриализации на основе создания сильного государственного сектора. Эту прогрессивную реальность индийские марксисты активно поддерживают. Они ведут борьбу и за последовательную ликвидацию феодальных пережитков, и за дальнейшее развитие и демократизацию государственного сектора. В то же время они отвергают как иллюзорные, утопические представления о том, что развитие государственного сектора в условиях буржуазной экономики наряду с ростом местного крупного капитала и сохранением позиций иностранного капитала может само по себе привести к социализму и что государственный сектор — это уже «элемент социализма», а общественные преобразования и переход к социализму могут быть осуществлены без классовой борьбы.

В Программе Коммунистической партии Индии, принятой VIII съездом партии в 1968 г., говорится, что, «несмотря на громкие декларации насчет социализма»,

в стране наблюдается развитие капитализма — «частного капитализма в частном секторе и государственного капитализма в государственном секторе»⁸⁴.

Отнюдь не создавая сам по себе «элементов социализма», рост государственного сектора в такой стране, как Индия, означает, что в ходе независимого национального развития ныне возникают непосредственные материальные предпосылки для социалистического преобразования.

В. И. Ленин указывал, что государственный капитализм есть «полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»⁸⁵. При этом определяющее значение для характера развития государственного капитализма В. И. Ленин придавал той *общественной обстановке*, в которой происходит это развитие, т. е. соотношению социальных и классовых сил в стране. В Индии, где попытки монополистической верхушки буржуазии подчинить себе государственный сектор и превратить его в государственно-монополистический капитализм встречают отпор демократического движения, дальнейшее развитие государственного сектора имеет тенденцию к усилению его и антиимпериалистических и антимонополистических потенций, а при устранении монополий явилось бы, говоря словами Ленина, «шагом к социализму»⁸⁶.

Рассматривая программу Джавахарлала Неру с точки зрения ее содержания и в свете результатов, достигнутых за четверть века независимости, можно сделать вывод, что она, будучи субъективно-социалистической по преимуществу, уже включала существенный элемент реального подхода, а именно: признание исторически закономерного характера социалистического преобразования общества и создание непосредственных материальных предпосылок для этого в ходе независимого национального развития, бывшего целью этой программы.

Курс Неру сложился преимущественно в то время, когда Индия, как и ряд других молодых государств Азии и Африки, сбросивших колониальное иго, пережила начальный этап независимого развития. Ныне

главное состоит уже в том, что «борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерасти в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»⁸⁷.

Деятельность Джавахарлала Неру, направленная прежде всего на завоевание и обеспечение национальной независимости Индии, закладывала важные основы и открывала перспективу ее социального прогресса. Становление суверенной Индии, великой страны Азии, создание сильного государственного сектора, развитие плодотворного советско-индийского сотрудничества, важный вклад в дело мира — таковыми предстают в их взаимной связи главные достижения деятельности Джавахарлала Неру.

¹ М. К. Gandhi, The Collected Works, vol. V, New Delhi, 1956, стр. 132.

² Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 13.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ Там же, стр. 46.

⁶ Там же, стр. 31.

⁷ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 386.

⁸ М. К. Gandhi, Indian Home Rule or Hind Swaraj, Ahmedabad, 1946, стр. 97; М. К. Gandhi, Speeches and Writings, 1922, стр. 770.

⁹ К. Маркс, Письмо Л. Кугельману, 17 марта 1968 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 32, стр. 450.

¹⁰ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 28.

¹¹ «The Mind of Mr. Nehru». An Interview by R. K. Karanjia, London, 1960, стр. 25.

¹² Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 23.

¹³ H. Krüger, Har Dayal in Deutschland. Mitteilungen des Institutes für Orientalforschung, Bd X, Heft I, 1964, стр. 44.

¹⁴ «East India». Sedition Committee Report, London, 1918, стр. 44.

¹⁵ «Bande Mataram», A Monthly Organ of Indian Independence, Geneva, 1909, № 1, стр. 1.

¹⁶ «Why India is in Revolt against British Rule», London, 1917, стр. 22.

¹⁷ «VII Congress Socialist International», Compte rendu analytique, Bruxelles, 1908, стр. 325.

¹⁸ S. G. Sardesai, India and the Russian Revolution, New Delhi, 1967, стр. 24.

¹⁹ Там же, стр. 38—39.

²⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 203.

²¹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 402—403.

²² Дж. Неру, Автобиография, стр. 180.

²³ Там же, стр. 182.

²⁴ J. Nehru, Soviet Russia, Bombay, 1929, стр. 15.

²⁵ Pandit Nehru, Speeches and Writings, Allahabad. 1928, стр. 87—88.

²⁶ J. Nehru, Soviet Russia, стр. 49.

²⁷ Там же, стр. 50.

²⁸ J. Nehru, Presidential Address to Lucknow Session of the Indian National Congress, Lucknow, 1946, стр. 5.

²⁹ J. Nehru, What is Russia Now? J. Nehru's Miscellaneous Papers File, New Delhi.

³⁰ J. Nehru, Before and After Independence (Speeches 1922—1950), New Delhi, 1951, стр. 226.

³¹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 185.

³² Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 24.

³³ J. Nehru, Presidential Address..., стр. 15—16.

³⁴ J. Nehru, India Today and Tomorrow, New Delhi, 1959, стр. 38.

³⁵ Там же, стр. 13.

³⁶ Там же, стр. 39, 41.

³⁷ Дж. Неру, Автобиография, стр. 203.

³⁸ Там же, стр. 219.

³⁹ Подробнее см.: Э. Н. Комаров и А. Д. Литман, Мирозрение Мохандаса Карамчанда Ганди, М., 1969.

⁴⁰ «Indian National Congress. Resolutions on Economic Policy and Programme. 1924—1954», New Delhi, 1954, стр. 3—4, 5, 8, 9.

⁴¹ Там же, стр. 10.

⁴² Там же.

⁴³ Дж. Неру, Автобиография, стр. 288.

⁴⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 429.

⁴⁵ Дж. Неру, Автобиография, стр. 627.

⁴⁶ Там же, стр. 627—628.

⁴⁷ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 430.

⁴⁸ «Indian National Congress. Resolutions on Economic Policy and Programme...», стр. 39.

⁴⁹ J. Nehru, Speech at Bangalore, February 6, 1962, New Delhi, 1962, стр. 3.

⁵⁰ «Planning and Development. Speeches of J. Nehru (1952—1956)», New Delhi, 1957, стр. 25.

⁵¹ J. Nehru, A Bunch of Old Letters, New Delhi, 1963, стр. 140—141.

⁵² Дж. Неру, Автобиография, стр. 610.

⁵³ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 77—78.

⁵⁴ J. Nehru, Congressmen's Primer for Socialism. Compiled by H. D. Malavia, New Delhi, 1965, стр. 199.

⁵⁵ Там же, стр. 196.

⁵⁶ H. Mukerjee, The Gentle Colossus, A Study of J. Nehru, Calcutta, 1964, стр. 65.

⁵⁷ J. Nehru, India Today and Tomorrow, стр. 36, 37.

⁵⁸ K. R. Narayan, Nehru's Approach to Social Change, — «National Herald», January 1971.

⁵⁹ G. Chand, The Basic Approach of Jawaharlal Nehru, — «Mainstream», № 39, 1965, стр. 22.

⁶⁰ «Bombay Chronical», 1.1.1945.

⁶¹ Цит. по: K. R. Narayan, Nehru's Approach to Social Change.

⁶² J. Nehru, India Today and Tomorrow, стр. 16.

⁶³ «Patriot», 20.11.1971; «Times of India», 12.11.1971.

- ⁶⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 19.
⁶⁵ Дж. Неру, Внешняя политика Индии, М., 1965, стр. 331.
⁶⁶ Там же, стр. 100.
⁶⁷ Там же, стр. 286.
⁶⁸ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 87, 89.
⁶⁹ Там же, стр. 103.
⁷⁰ Цит. по: B. Vats, Foreign Intrigue Against India, New Delhi, 1967, стр. 93.
⁷¹ J. Nehru, Independence and After. A Collection of Speeches 1946—1949, New York, 1950, стр. 201.
⁷² Дж. Неру, Внешняя политика Индии, стр. 289.
⁷³ Там же, стр. 290.
⁷⁴ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 34.
⁷⁵ В. И. Ленин, Две утопии,— Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 119.
⁷⁶ Там же, стр. 117.
⁷⁷ В. И. Ленин, Демократия и народничество в Китае,— Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 403.
⁷⁸ В. И. Ленин, Две утопии, т. 22, стр. 120.
⁷⁹ Там же, стр. 117.
⁸⁰ Там же, стр. 119.
⁸¹ См.: В. И. Ленин, Демократия и народничество в Китае, т. 21, стр. 403.
⁸² В. И. Ленин, Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы,— Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 384.
⁸³ Там же, стр. 386.
⁸⁴ «Documents Adopted by 8th Congress of the Communist Party of India», New Delhi, 1968, стр. 280.
⁸⁵ В. И. Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться,— Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 193.
⁸⁶ См.: В. И. Ленин, Доклад об очередных задачах Советской власти,— Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 257; см. также: В. И. Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться, стр. 194.
⁸⁷ Л. И. Брежнев, Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза,— «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 18.

А. И. Регинин

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

Важнейшим периодом формирования социально-экономических и политических взглядов Дж. Неру явились 20—30-е годы — время мощных подъемов и радикализации национально-освободительного движения в Индии, углублявшегося общего кризиса капитализма, кризиса колониальной системы империализма, роста влияния идей Великой Октябрьской революции и практики социалистического строительства в СССР¹.

Именно тогда Индийский национальный конгресс (ИНК) выдвинул лозунг борьбы за полную независимость Индии. В процессе освободительного движения эта партия превратилась в ведущую антиимпериалистическую организацию, которая объединяла различные по социально-классовому составу и целям группы. Влияние Конгресса распространялось не только на основные слои национальной буржуазии, часть помещиков и деревенской верхушки, постепенно переходивших к капиталистическим формам ведения хозяйства, но и на мелкую буржуазию города, крестьянство, рабочий класс, интеллигенцию. Одним из центральных факторов, определивших его массовое воздействие, стало широкое распространение в партии гандизма. В этой сложной идеологической системе чрезвычайно противоречиво сочетались весьма разнородные по социально-классовому смыслу принципы. Они своеобразно и отнюдь не в одинаковой степени (а в политическом плане — с несомненным буржуазным преобладанием) отражали интересы тех соци-

альных сил, которые участвовали в освободительном движении под главенством Конгресса.

В гандизме проявились пробуждающееся самосознание народа, его антиимпериализм, борьба против национального угнетения и демократические, антикапиталистические устремления трудящихся масс, особенно крестьянства, их протест против гнета социальной несправедливости, идеи всеобщего равенства и уничтожения эксплуатации, утопические мечтания о создании бесклассового общества крестьян и ремесленников и т. п. Вместе с тем гандизму 20—30-х годов были присущи идеализация патриархального уклада жизни, негативное отношение к развитию промышленности, росту современного города, политическим и экономическим функциям государственной власти и др. Он отчетливо отразил и двойственность позиций национальной буржуазии в освободительном движении, ее стремление сохранить в своих руках руководство им. Наконец, для гандизма было характерно отрицание классовой борьбы как движущей силы общественного развития, призыв к решению социальных конфликтов на основе «теории ненасилия», путем компромисса².

«Комплексность» данной идеологии свидетельствовала, хотя и весьма опосредствованно, о тех изменениях, которые совершались в специфической структуре индийского общества конца XIX — первой половины XX в., в частности о становлении в колониальных условиях национальных капиталистических укладов при количественном преобладании добуржуазных, патриархальных укладов.

Политическим группам, занимавшим ведущее положение в Конгрессе и выражавшим в целом интересы класса индийской буржуазии, удалось удержать под своим контролем руководство массовым освободительным движением, хотя в рамках его активно развивались мелкобуржуазно-демократическое и пролетарское течение.

На протяжении 20—30-х годов под воздействием роста и укрепления демократических сил внутри Конгресса из весьма разнородных социальных элементов постепенно сложилось весьма влиятельное левонационалистическое течение.

Крупнейшим политическим завоеванием этого тече-

ния было то, что в условиях борьбы за национальную независимость ряд его лидеров обосновал идею необходимости социалистического преобразования индийского общества. Социально-классовый характер сил, выдвигавших этот лозунг, во многом мелкобуржуазных, естественно, определял коренные отличия подобных идей от научного социализма. Появление такого лозунга несомненно отражало влияние идей Октября³, а также значительное распространение в массах субъективно-социалистических, стихийно-антикапиталистических воззрений.

Обращение к идее социализма демонстрировало качественное развитие передовых, демократических традиций индийского национально-освободительного движения, его радикального направления. Оно связано с творчеством таких выдающихся политических деятелей и мыслителей Индии конца XIX — начала XX в., как Бал Гангадхар Тилак, Свами Вивекананда, Бипин Чандра Пал, Ауробиндо Гхош, Лала Ладжпат Рай и др.⁴.

В левонационалистическом течении при некоторой схематизации можно наметить две основные тенденции: радикальную и умеренную.

Первая по своей сути являлась мелкобуржуазно-демократической. Ее идеология объективно отразила устремления громадного большинства населения страны, для которого, говоря словами В. И. Ленина, была особенно характерна «слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс»⁵. Общедемократические идеи социального уравниательства, присущие гандизму, разделяли многие деятели радикального направления. Однако в документах, составленных ими, критика ряда основных положений гандизма, прежде всего теории «ненасильственных действий», часто достигала такой остроты, что он отбрасывался как идеология неприемлемая для массового национально-освободительного движения. В противовес ему выдвигались различные революционно-демократические концепции активной, в том числе насильственной, борьбы с английскими колонизаторами, развертывания классового движения трудящихся, а в будущем — социалистического переустройства общества.

Одним из характерных документов такого рода может служить принятая в 1934 г. программа существо-

вавшей внутри Конгресса социалистической партии. В программе содержалось требование предоставления Индии полной независимости и ставилась цель построения общества социалистического образца. Организованная борьба «рабочих, крестьян и других эксплуатируемых классов» определялась как важнейший элемент массового движения. Национализация ключевых отраслей промышленности и предприятий коммунального хозяйства, а также плантаций, банков, страховых компаний, железных дорог, флота рассматривалась в качестве неперемного мероприятия, подчеркивалась важность последовательной национализации всех элементов производства, распределения и обмена, необходимость ликвидации института князей, помещиков и всех других эксплуататорских классов без выплаты им компенсаций, перераспределения земли, уничтожения безземелья, отмены крестьянской задолженности и т. п.⁶

В такого рода документах ощущалось известное влияние идей научного социализма, хотя это была лишь попытка эклектического соединения марксизма с революционной мелкобуржуазной идеологией, попытка, приводившая к развитию националистических, реформистских и отчасти левосектантских тенденций.

Одновременно в Конгресс-социалистической партии складывалась группа активистов, стремившихся полностью встать на позиции научного социализма. Но основная часть руководящих деятелей этой партии разделяла мелкобуржуазно-националистические идеи, призывала к борьбе с развивавшимся в стране коммунистическим движением.

Другую тенденцию левонационалистического течения в ИНК можно назвать умеренной, в известном смысле левореформистской. Главные программные установки лидеров данного течения в той или иной мере содержали как либерально-буржуазные, так и буржуазно-демократические идеи, хотя и здесь мелкобуржуазный радикализм был представлен весьма заметно.

Идеологии этого направления была свойственна комплексность, но она качественно отличалась от комплексности гандизма. В первой практически не отразились взгляды патриархального крестьянства, зато национально-демократические, антикапиталистические, социалистические представления, показывающие общую

радикализацию освободительного движения Индии 30-х годов, а также некоторые прогрессивные буржуазные воззрения были выражены чрезвычайно ярко.

В документах, составленных руководителями этого течения, тоже чувствуется определенное влияние идей научного социализма, однако в них оно ощущается значительно слабее.

Как правило, левореформистские деятели исходили из неприемлемости для Индии и классических буржуазных доктрин, и важнейших, прежде всего политических, положений марксизма. Они считали нужным разработать концепцию, призванную синтезировать некоторые идеи гандизма и элементы социалистических теорий.

Многие принципы гандизма, в особенности теория ненасилия, принимались ими в качестве составных компонентов идеологии не только национально-освободительного движения, но и социалистического преобразования общества, что, впрочем, не мешало некоторым из них критиковать отдельные религиозно-философские, экономические и политические положения гандизма. Это часто была, если можно так выразиться, демократическая ревизия или интерпретация его.

Именно к этому последнему направлению принадлежал Джавахарлал Неру. Он выступил активным сторонником идей социализма еще в конце 20-х годов. Уже тогда он пришел к выводу о неразрывной связи национально-освободительного движения с борьбой за социальные преобразования. Позже он писал о своей деятельности в тот период: «Я всюду говорил о политической независимости и социальной свободе, подчеркивая, что достижение первой из них явится шагом по пути к осуществлению второй. Я стремился пропагандировать идеологию социализма, особенно среди работников Конгресса...»⁷.

На сессии ИНК в 1936 г. Дж. Неру заявил о возможном и желательном перерастании в будущем национально-освободительного движения в борьбу за социализм: «Сегодня Конгресс борется за создание в Индии демократического государства, но не за социализм. В этой борьбе проявляется антиимпериализм Конгресса. Одновременно это означает, что мы стремимся к осуществлению кардинальных изменений в политической

и экономической структуре нашего общества. Я надеюсь, что логика борьбы приведет нас к социализму»⁸.

Дж. Неру была близка одна из существенных идей М. К. Ганди — политическая независимость должна быть непременным условием экономического освобождения и социального прогресса страны. Но в трактовке данного фундаментального положения он занимал позиции, которые в ряде отношений принципиально отличались от гандистских. «Я борюсь за независимость Индии потому, что националист во мне не может мириться с чужеземной властью, — говорил он в 1936 г. — Я борюсь за независимость еще более потому, что она является неизбежной ступенью для проведения социальных и экономических преобразований»⁹.

По его мнению, такие изменения должны произойти в результате социалистического переустройства общества, ибо «единственное решение проблем всего мира, как и проблем Индии, заключено в социализме»¹⁰. Дж. Неру отмечал, что использует это слово в «научном, экономическом» смысле, но что социализм для него «даже нечто большее, чем экономическая доктрина». «Я не вижу иного пути избавиться от нищеты, массовой безработицы, деградации и подчинения индийского народа», говорил он, добавляя, что социализм означает глубокие революционные изменения в политической и социальной структуре, искоренение привилегированных групп в землевладении и промышленности, феодальной и авторитарной системы индийских княжеств и ограничение частной собственности. В общем, говорил он, это означает «новую цивилизацию, кардинально отличающуюся от капиталистического общества»¹¹.

Неру считал, что одна лишь национализация главных отраслей промышленности без радикальных политических и социальных перемен не может рассматриваться как социализм. Знаменитую резолюцию сессии ИНК в Карачи в 1931 г., в которой партия высказывалась за национализацию ключевых отраслей промышленности, транспорта, коммунальных предприятий или «государственный контроль» над ними, он оценивал как «очень небольшой шаг в социалистическом направлении». «Капиталистическое государство легко могло бы принять почти все, содержащееся в этой резолюции»¹².

О социалистических взглядах Дж. Неру до известной

степени позволяют судить документы возглавлявшейся им общественной организации — Национального комитета по планированию, созданного в 1938 г. по настоянию ряда левых руководителей ИНК. Туда входили представители многих политических групп — от весьма консервативно настроенных крупных предпринимателей до деятелей леворадикального направления. Их, по словам Неру, отличали «два подхода: социалистический, предполагающий устранение стимула прибыли и подчеркивающий необходимость справедливого распределения, и подход крупного капитала, стремящийся в максимальной степени сохранить свободное предпринимательство и стимул прибыли и делающий большой упор на производство»¹³. И хотя указанные документы несли на себе следы компромисса, содержание их было весьма прогрессивным, что в значительной мере являлось результатом определяющего влияния председателя Комитета и его единомышленников.

Целью развития Индии провозглашалось «достижение национальной свободы и ликвидация иностранного контроля», «уничтожение ужасающей нищеты народа», «обеспечение приемлемого уровня жизни масс»¹⁴. В качестве непременного условия выдвигалось требование создания «свободного национального правительства, достаточно сильного и достаточно популярного, чтобы осуществить коренные преобразования в социальной и экономической системе»¹⁵.

Признавалась необходимость составления плана экономического развития, включавшего как важнейшую часть индустриализацию. Итоговые показатели планового развития должны были предусматривать рост сельскохозяйственного производства и промышленной продукции, уменьшение безработицы и повышение дохода на душу населения, ликвидацию неграмотности, расширение предприятий коммунального обслуживания, улучшение питания масс, обеспечение их одеждой, жильем, медицинской помощью и т. д.

Реализация планирования ставилась в зависимость от осуществления коренных экономических преобразований. Неру говорил: «Самая суть этого планирования заключалась в широком регулировании и координации. Таким образом, хотя свободное предпринимательство как таковое не устранялось, простор для него был зна-

чительно ограничен. Было решено, что предприятия оборонных отраслей... должны быть государственной собственностью и находиться под контролем государства. Что касается других основных отраслей промышленности, то, по мнению большинства, они тоже должны принадлежать государству, но значительное меньшинство Комитета считало, что достаточно будет установления государственного контроля»¹⁶. Намечалось коммунальные предприятия передать в ведение центральной или провинциальной правительственной организации или же органов местного самоуправления, создать общественную либо «социализированную» систему кредита. «В случае, если банки, страховые общества и другие учреждения не будут национализированы,— писал Дж. Неру,— они должны быть, по крайней мере, поставлены под контроль государства, что привело бы к государственному регулированию капитала и кредита. Было также желательно поставить под контроль экспортную и импортную торговлю»¹⁷.

Для управления государственной промышленностью предполагалось ввести «систему самостоятельных государственных трестов», призванных обеспечить «общественную собственность и контроль». В то же время «можно было бы избежать тех трудностей и недостатков в работе, которые порой имеют место при непосредственном общественном контроле»¹⁸. Выдвигалось также предложение о «кооперативном владении и контроле в промышленности».

Принятые Комитетом принципы, касающиеся аграрной структуры, гласили: «Обрабатываемая земля, рудники, карьеры, реки и леса являются видами национального богатства, которое безусловно, должно быть общественной собственностью народа Индии»¹⁹. Признавалось целесообразным в обработке земли применить кооперативный принцип ведения хозяйства «на основе как индивидуальной, так и совместной собственности». Неру подчеркивал, что у членов Комитета «не было намерения отказаться, во всяком случае на первое время, от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, но после окончания переходного периода предполагалось полностью устранить посредников вроде талукдаров, заминдаров и др. Их имущественные права предполагалось постепенно выкупить»²⁰. В рекомендациях

Комитета предусматривалось, что государство немедленно должно приступить к созданию «коллективных хозяйств» на пустующих землях.

Отмечая несомненную прогрессивность всех этих предложений, Дж. Неру тем не менее понимал, что даже их воплощение в жизнь еще не означает построения социалистического общества. Он писал: «При тех условиях, которые имели место не только в Комитете, но и в Индии в целом, мы не могли в то время намечать переход к социализму. Однако для меня было ясно, что наш план, в том виде, в каком он вырисовывался, неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя. Он ограничивал стимул к стяжательству в обществе, устранял многие препятствия, затруднявшие рост и, таким образом, вел к созданию быстро развивающейся социальной системы. Основой было планирование в интересах простого человека, значительное повышение уровня его жизни... Все это предполагалось осуществлять в условиях демократической свободы и при наличии широкого сотрудничества со стороны хотя бы некоторых групп, которые в обычных условиях были противниками социалистической доктрины. Это сотрудничество казалось мне желательным, хотя бы даже оно и повлекло за собой некоторое сужение и ограничение плана... Хотя плановое хозяйство неизбежно требует в большей мере контроля, координации и известного ограничения свободы, в условиях современной Индии оно... значительно увеличило бы свободу... Если бы мы приняли демократический государственный строй и способствовали бы развитию кооперативных предприятий, можно было в значительной мере устранить угрозу централизации и концентрации мощи»²¹. В приведенных выше формулировках был заключен ряд принципиальных положений концепции общественного развития, которые во многом повлияли на разработку социально-политического курса Неру уже в условиях независимости.

Дж. Неру не скрывал, что по многим политическим и экономическим проблемам он расходится с М. К. Ганди, хотя чрезвычайно высоко ценил этого выдающегося вождя индийского национально-освободительного движения и подчеркивал его влияние на формирование своих взглядов. «Было очевидно,— отмечал Неру в

1933 г., — что мы значительно расходились во взглядах на жизнь, политику и экономику... Я был рад услышать от Гандиджи, что, по его мнению, привилегированные группы следует лишить их привилегированного положения, хотя он делал упор на то, что этого следует добиться не принуждением, а убеждением... Он мог встать, с нашей точки зрения, на ложный путь... в случае необходимости наши пути должны были разойтись»²².

Известно, что в ряде случаев Неру, признававший позитивное значение гандистского метода ненасилия, мирного несотрудничества, тем не менее критиковал «догматический» подход к использованию этого метода. «Для нас,— писал Дж. Неру,— и для всего Национального конгресса в целом ненасильственный метод не был и не мог быть религией, непогрешимым вероучением или догмой. Он мог быть лишь политикой и методом, сулящим определенные результаты, и по этим результатам в конечном итоге и надлежало судить о нем»²³.

В то же время, став президентом Конгресса, Неру стремился объединить различные подходы, не отказываясь, однако, от своих принципиальных позиций. Так, он знал об отрицательном отношении М. К. Ганди к индустриализации и учитывал значение его пропаганды производства кхади — грубой ткани, сотканной на ручном станке. Более того, он поддерживал эту идею, поскольку ручное ткачество и все деревенское ремесло занимает важное место в национальной экономике страны, обладает значительным «социальным, политическим и экономическим потенциалом». Но вместе с тем он рассматривал гандистскую программу развития мелкого производства «скорее как временный фактор в течение переходного периода, нежели как способ решения жизненных проблем». Он писал, что этот период, возможно, будет очень долгим, а в стране, подобной Индии, деревенские ремесла смогут «с успехом играть важную, хотя и подчиненную, роль даже после индустриализации». И все же, продолжает он, «мой идеологический подход кардинально отличается от позиции тех многих в Конгрессе, кто выступает против индустриализации и социализма... Только быстрая индустриализация страны сможет существенно повысить уровень жизни народа и победить нищету»²⁴.

Консервативная часть руководства Конгресса не принимала подхода Неру, направленного против имущественных и политических интересов влиятельных групп в партии. Дж. Неру открыто говорил об этом на съезде партии в Лакхнау в 1936 г.: «Я бы хотел, чтобы Конгресс стал социалистической организацией... Но я понимаю, что большинство в сегодняшнем Конгрессе не готово идти так далеко. Мы — националистическая организация, и мы мыслим и действуем в националистическом плане. Однако уже сейчас достаточно ясно, что *это слишком узкий подход даже для ограниченной цели — достижения политической независимости*, а ведь мы еще говорим о народных массах, об их экономических нуждах. Большинство из нас... не решается предпринять шаги, которые смогли бы напугать некоторых крупных собственников. Многие из этих крупных собственников уже занимают враждебную нам позицию, и мы не можем ожидать от них ничего, кроме противодействия нашей политической борьбе (курсив мой. — Авт.)»²⁵.

В этих словах видно принципиальное отличие политической позиции Неру от взглядов руководителей Конгресса того времени, чьи воззрения допустимо охарактеризовать как либерально-буржуазную или как консервативную интерпретацию гандизма. Критика Дж. Неру роли имущих классов в национально-освободительном движении придавала его концепции радикальный, демократический характер.

Важной частью этой концепции было понимание негативных сторон влияния буржуазных сил («средних классов») на политику Конгресса. Дж. Неру считал, что «верхушка» буржуазных кругов «тесно связана с британским империализмом», хотя «низы» этого слоя, «лишенные собственности» и близко стоящие к другим социальным группам, находящимся в тяжелых экономических условиях, часто выдвигают «прогрессивных политических лидеров и революционеров». По его мнению, политика буржуазных руководителей Конгресса нередко бывает противоречивой. Он называл таких руководителей людьми, «смотрящими одновременно в противоположные стороны». В периоды подъема политической борьбы они готовы идти вперед, но, будучи «тесно связанными с собственностью и материальным достатком,

бояться лишиться этих благ и потому легко поддаются давлению»²⁶.

Лишь на путях сближения Конгресса с массами, демократической борьбой трудящихся усматривал Дж. Неру возможность преодолеть подобное положение: «Руководство со стороны среднего класса неизбежно. Но эти лидеры должны все больше обращать свои взоры в сторону масс и черпать оттуда силу и вдохновение. Конгресс должен быть не только организацией для масс, но организацией самих масс. Только тогда он будет действительно служить народу»²⁷. Он считал, что многие отрицательные стороны деятельности Конгресса определяются тем, что интересы буржуазных кругов оказывают на политику и идеологию партии «большее влияние, нежели нужды народных масс»²⁸.

Чрезвычайно важной представляется выдвигавшаяся Неру идея создания единого демократического, антиимпериалистического фронта, включавшего как представителей прогрессивно настроенных кругов национальной буржуазии, так и широкие слои трудящихся. Он ратовал за объединение Конгресса «со всеми антиимпериалистическими силами страны», т. е. за образование «фронта народных масс и абсолютного большинства средних классов, выступающих за независимость»²⁹. Он резко осуждал попытки консервативных кругов в Конгрессе подменить такой единый фронт «соглашением в среде высших классов за счет интересов масс». По мнению Дж. Неру, это было бы предательством идеалов, провозглашенных ИНК, а партия в таком случае «потеряла бы смысл своего существования». Сформулированная им в 1936 г. идея «народного фронта», по-видимому, несла на себе отпечаток известных положений и практики прогрессивных и коммунистических партий в борьбе с империализмом и фашизмом в Европе. «Смысл единого народного фронта,— подчеркивал Дж. Неру,— заключен в бескомпромиссной борьбе с империализмом, силу же этому фронту должно придавать активное участие в нем крестьян и рабочих»³⁰. На деле это означало призыв к объединению всех левых организаций Индии, включая коммунистов. Несомненно, успехи национально-освободительного движения перед второй мировой войной во многом определялись претворением этих идей в жизнь.

В своих построениях Дж. Неру исходил из связи освободительного движения в стране с мировым революционным развитием и борьбой против фашизма. «Нельзя,— говорил он,— изолировать Индию от всего остального мира», ибо без понимания международных процессов «нельзя понять наши национальные проблемы и найти их решение»³¹.

И далее: «Мы в Индии неизбежно занимаем позицию вместе с прогрессивными силами всего мира в борьбе против фашизма и империализма»³², которые являются «двумя сторонами одного и того же процесса — нового кризиса капитализма... Они представляют реакцию и поддерживают друг друга... Социализм на Западе и пробуждающийся национализм в восточных и других зависимых странах выступают против этого объединения фашизма и империализма»³³. Иными словами, Дж. Неру приходит к принципиальному выводу об объективном характере единства национально-освободительного движения и мирового революционного процесса.

Связывая с социализмом перспективы будущего развития Индии, он особое значение придавал влиянию Великого Октября, опыту социалистического строительства в СССР: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»³⁴. Неру принимал далеко не все революционные преобразования Советской власти, однако открыто заявлял, что в СССР «достигнут удивительный прогресс во многих направлениях»³⁵.

Рассмотренные нами взгляды Дж. Неру явились одной из важнейших составных частей идеологии левонационалистического течения в Конгрессе, способствовали заметной консолидации этого течения. Оно оказало прогрессивное воздействие на политическую и экономическую платформу ИНК, усилив ее антиимпериалистическое содержание. Однако это течение в 30-е годы не получило преобладающего влияния в партии. Его представители, включая Неру, были вынуждены идти на компромиссы с теми лидерами Конгресса, которые выступали с откровенно буржуазно-консервативных, буржуазно-помещичьих позиций.

После 1947 г. в качественно новых исторических условиях деятельность Дж. Неру на посту премьер-министра была направлена на решение коренных социально-экономических и политических проблем независимой Индии.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов основные его концепции воплотились в ряде государственных и партийных документов, прежде всего во втором и третьем пятилетних планах экономического развития, в резолюциях сессий Конгресса в Авади (1955), Нагпуре (1959), Бхубанешваре (1964) и др.³⁶ Вместе с тем эти документы не всегда адекватно отражали воззрения Неру: последние неизменно встречали возражение и настойчивое сопротивление правых, консервативных сил внутри Конгресса и вне его.

В этот период Дж. Неру развивал и углублял свои взгляды на закономерности и конкретные формы общественных преобразований в Индии.

В своих многочисленных выступлениях он продолжал критику разных аспектов (экономического, политического, морально-этического и т. д.) буржуазного строя. Он рассматривал индийское общество 50—60-х годов как разновидность общества капиталистического, отмечая одновременно ряд важных его особенностей. Поэтому критика капитализма велась Дж. Неру не только на примере «западных», но и «местных», индийских, его проявлений³⁷.

Он подчеркивал, что, несмотря на определенные изменения, капиталистическая система на Западе «сохранила свои основные черты» и отнюдь не разрешила собственных проблем. В целом он не разделял широко распространенных представлений относительно ликвидации эксплуататорской сущности современного капитализма и создания в странах Западного общества «всеобщего благоденствия», «социального партнерства», хотя и отдавал известную дань буржуазно-реформистским положениям о «смягчении» противоречий современного капитализма и т. д.

И все же характернее для его позиции следующее высказывание: «Нерегулируемое капиталистическое развитие ведет к тому, что богатые становятся еще богаче,

а бедные еще беднее, в результате чего увеличивается пропасть между ними. Это верно как для стран в целом, так и для районов, классов или групп внутри этих стран»³⁸. Таким образом, автор подводит к мысли, что в условиях капитализма невозможно сократить разрыв между передовыми, «богатыми» буржуазными государствами и отсталыми, «бедными».

В период независимости критика капитализма сохраняется у Неру яркую антиимпериалистическую направленность. Причем он разоблачает как «классические», так и неоколониальные его формы. «Империализм, или колониализм,— пишет Дж. Неру,— подавлял и продолжает подавлять прогрессивные общественные силы. Он неизбежно вступает в союз с привилегированными группами или классами, поскольку он заинтересован в сохранении статус-кво в общественной и экономической жизни. Даже после того, как страна становится независимой, она может оставаться зависимой экономически от других стран»³⁹.

Здесь подчеркивается сугубо реакционная роль империализма, выступающего в развивающихся странах врагом социального прогресса, союзником и опорой самых консервативных сил. Причем, по мнению Неру, местная реакция, вступающая в союз с империализмом и колониализмом, представлена «привилегированными группами или классами». В Индии это не только всевозможные полуфеодалы-землевладельцы, но прежде всего монополистическая верхушка национальной буржуазии. С их помощью империализм стремится сохранить страну в подчиненном положении, поставив под угрозу ее политическую независимость.

Главное в позиции Дж. Неру заключалось в том, что он отстаивал свои прежние убеждения неприемлемости капитализма как общественно-экономической системы, не способной в кратчайшие исторические сроки решить грандиозные объективные задачи национальной реконструкции. Благодаря усилиям Неру этот важнейший вывод стал программным для Конгресса.

Дж. Неру утверждал, что в Индии «капитализм не может увлечь 400 миллионов людей, ибо основан на принципе личной наживы и создает общество, где каждый стремится использовать любую возможность, чтобы эксплуатировать другого». Отвергал он и целесообраз-

ность применения методов экономического развития ведущих капиталистических стран Запада. Ведь им понадобился огромный период, чтобы добиться высокого уровня развития экономики. «Должны ли мы следовать английским, французским или американским путем? — спрашивал Неру. — Разве мы располагаем временем в 100—150 лет, чтобы достичь нашей цели? Это совершенно неприемлемо. Мы просто погибнем в таком случае»⁴⁰.

Именно социализм, считал он, необходим для осуществления важнейших преобразований индийского общества: «Я верю в социализм на протяжении последних пятидесяти лет, буду продолжать верить в него и работать для социализма... Современное мышление во всем мире становится все более социалистическим, и только люди, которые полностью утратили связь с современностью, могут мыслить иначе»⁴¹.

Конкретизируя этот вывод, Дж. Неру утверждал, что в такой стране, как Индия, только социализм дает возможность радикального изменения всей общественной структуры: «Нельзя забывать, что бедность невозможно сразу превратить в богатство посредством какого-то волшебства, применив социалистический или капиталистический метод. Единственный путь лежит через напряженную работу, увеличение производительности труда и организацию справедливого распределения продуктов. Это длительный и тяжелый процесс. В слаборазвитой стране капиталистический метод не предоставляет таких возможностей. Только с помощью планового, социалистического подхода можно достичь непрерывного прогресса, хотя на это потребуется время. В ходе этого процесса постепенно будет меняться наш образ жизни и мышления»⁴². Неру здесь делает акцент на сложности социалистического переустройства общества, которое требует длительной и напряженной работы, увеличения производительности труда и т. д.: «Социализм в конечном итоге — это не только образ жизни, но и определенный научный подход к общественным и экономическим проблемам. Если социализм устанавливается в отсталой и слаборазвитой стране, то он не сразу ликвидирует ее отсталость»⁴³.

Дж. Неру придавал огромное значение идейной, в известной мере, морально-этической стороне лозунга

социалистического переустройства общества. «Часто отмечают, — писал Дж. Неру, — что в Индии наблюдаются некоторый застой и упадок, что нет былого подъема духа именно тогда, когда крайне нужны энтузиазм и напряженная работа... В наших условиях, направленных на обеспечение материального благосостояния страны, мы не уделяем внимания духовной жизни человека. Поэтому, чтобы дать личности и стране определенную цель, что-то вроде того, ради чего стоило бы жить и, если надо, умереть, мы должны возродить какую-то философию жизни и дать, в широком смысле слова, духовную пищу для нашего размышления. Мы говорим о государстве всеобщего благосостояния, о демократии и социализме»⁴⁴.

Раскрывая существо своей концепции, Дж. Неру, естественно, не мог пройти мимо такой кардинальной проблемы, как методы социалистического переустройства общества. Он признавал наличие классов и классовой борьбы, но выдвигал в качестве основополагающего тезис о возможности разрешения классовых противоречий путем мирного синтеза, компромисса. Этот гандистский в своей основе тезис является принципиальным в политической концепции «индийского социализма» Неру.

«Не отвергая и не сбрасывая со счетов классовые противоречия, — говорил он, — мы хотим решить эту проблему мирным путем на основе сотрудничества. Мы стремимся к сглаживанию классовых конфликтов, а не к их обострению и стараемся привлечь людей на свою сторону, вместо того чтобы угрожать им борьбой и уничтожением... Не отрицать классовую борьбу, а устранять ее иными путями, отличными от конфликта и насилие... Теория классовых конфликтов и войн устарела, поскольку она стала слишком опасной в наше время»⁴⁵.

Если в 30-е годы Дж. Неру выражал несогласие с М. К. Ганди, утверждавшим, что с помощью методов ненасилия и убеждения возможно лишить имущие классы экономической и политической власти, то теперь он выдвигал, по сути, те же гандистские положения. Ему казалось, что ликвидировать позиции «привилегированного класса, господствующего над другими классами, такими, как рабочие и крестьяне», и провести на основе этого социалистические преобразования можно

без «классовых конфликтов и войн», без насилия: «Вероятно, проблема классовой борьбы не вставала перед Ганди с такой же остротой, как перед нами,— говорил Дж. Неру.— Но предложенное им решение этой проблемы более приемлемо для нашего времени и для нашей страны, чем какое-либо другое. Гандистское решение заключается в синтезе противоположных интересов, сотрудничестве и сосуществовании»⁴⁶.

Именно в этом, по всей вероятности, сказалось влияние буржуазно-реформистских, утопических идей на мировоззрение Дж. Неру. Здесь лежит корень его во многом критического отношения к ряду проблем теории марксизма, к некоторым аспектам политической жизни в СССР, коммунистического движения в Индии и т. д. Однако сама практика экономического и политического развития независимой Индии наносила серьезные удары по подобным взглядам Неру. Она неопровержимо свидетельствовала о нарастании классовых противоречий и конфликтов, о широком применении насилия со стороны имущих классов, использующих государственный аппарат против наиболее решительных массовых выступлений трудящихся.

Вместе с тем Дж. Неру в своей политической концепции индийского социализма стремился найти место накопленному опыту массовых демократических движений, которые представляются ему необходимым средством волеизъявления, «давления народных масс» на правящие круги в определенных политических целях⁴⁷.

Каково же основное экономическое содержание концепции социализма Дж. Неру 50—60-х годов? Надо сказать, что эта программа во многом развивала мысли, высказывавшиеся им еще в период борьбы за независимость Индии. Как и ранее, главной задачей оставалось кардинальное улучшение жизни народа, трудящихся. Первое неперемное условие, о котором он говорил в 30-е годы, выполнено: Индия сбросила власть иноземных колонизаторов, стала суверенным государством. Теперь он формулирует новую задачу — завоевание экономической самостоятельности: «Одной политической свободы для улучшения жизни народных масс еще недостаточно, необходима еще и экономическая свобода».

В этой связи Неру вновь обращается к идее осуществления коренных социально-экономических и поли-

тических преобразований, ведущих к ускоренному развитию страны на основе широкого планирования. «В противном случае,— подчеркивал он,— мы будем растрачивать наши весьма ограниченные средства. Планирование означает не просто разработку различных проектов или схем, а продуманный подход к тому, как укрепить базу и усилить темпы развития, с тем чтобы развитие общества шло во всех направлениях»⁴⁸.

Показательно, что Дж. Неру настаивал не на частичном, ограниченном планировании, распространяющемся лишь на ту или иную отрасль производства или даже сферу хозяйства, а на широком плане, охватывающем всю национальную экономику. Он писал: «Не говоря уже об общей бедности Индии, мы сталкиваемся с ужасающей нищетой в ряде крупных районов страны. Мы всегда стояли перед трудным выбором: сосредоточить ли внимание на развитии производства в отдельных районах с благоприятными условиями, не занимаясь некоторое время беднейшими районами, или попытаться развивать одновременно и отсталые районы, чтобы уменьшить разрыв в их развитии? Нужно подвести итог и выразить его в едином плане».

Речь шла о разработке планов, призванных учитывать прежде всего стратегические национальные перспективы. «Общегосударственные планы,— отмечал Неру,— таким образом, ставят цели как на ближайший период, так и на более длительные сроки. Лишь цели, поставленные на длительный период, дают правильную перспективу. Без них текущее планирование малоэффективно и может завести в тупик. Поэтому планирование всегда должно быть перспективным и строго соответствовать поставленным задачам»⁴⁹.

Подчеркивалась необходимость демократического осуществления планов экономического развития, участия в их выполнении широких масс. «Пятилетние планы,— говорил Неру,— часть той войны, которую Индия ведет против нищеты и невежества. Одни только резолюции, лозунги или энтузиазм нескольких министров и государственных чиновников не в состоянии выиграть этой войны. Нужно, чтобы она велась миллионами людей»⁵⁰.

Индустриализация страны мыслилась одной из центральных проблем национальной реконструкции, реализуемой с помощью планирования⁵¹.

«Если Индия не сможет развить основные отрасли промышленности (производство стали и машиностроение), то она всегда будет зависеть от внешнего мира и придется в большом количестве тратить иностранную валюту», — замечал Неру. Он подчеркивал, что развитие тяжелой промышленности необходимо и для подъема сельского хозяйства: «Надо иметь в виду, что расширение тяжелой промышленности (в частности, производства стали) способствует прогрессу и в сельском хозяйстве. Таким образом, существует тесная взаимосвязь между этими отраслями, и ни одна из них не может успешно развиваться самостоятельно»⁵².

В данном контексте Дж. Неру оценивает и роль государственного сектора в экономике Индии. По его мнению, государственное, а не частное предпринимательство в состоянии вынести на себе главную тяжесть при проведении индустриализации: «Крупные проекты под силу только государственному сектору, ибо требуется длительное время для получения продукции. Частные же предприниматели заинтересованы в быстром возврате вложенных средств»⁵³.

Стремление обеспечить ведущую роль госсектора в осуществлении индустриализации и вообще в развитии страны определялось и принципиальными идеологическими соображениями в соответствии со всей концепцией Дж. Неру — она связана с проблемой взаимоотношений государственного и частного секторов, их значения и места в экономике. «Мы убеждены, — указывал он, — что индустриализация страны должна базироваться на тяжелой промышленности, т. е. на машиностроении, черной металлургии... мы желаем избежать образования монополий частных лиц в тяжелой промышленности, ибо полагаем, что это затормозило бы процесс уменьшения неравенства и общий прогресс. Мы думаем, что ключевые отрасли индустрии должны по мере возможности находиться под государственным контролем»⁵⁴.

В ответ на обвинения со стороны защитников интересов частного капитала в том, что политика правительства Неру налагает на частный капитал «ненужные ограничения», а «возможности частного предпринимательства недооцениваются», Дж. Неру заявил, что «государственный капитализм при всех его недостатках

был единственным путем развития в данный момент. Неограниченная свобода частной инициативы ослабила бы страну»⁵⁵.

Мысль об особой социальной значимости госсектора в ходе осуществления социалистической программы постоянно подчеркивается Неру. Так, рассматривая проблему «ликвидации пропасти между огромным большинством нуждающихся, голодных людей и кучкой богатых», он говорил, что при решении этой кардинальной проблемы «государственный сектор — главное, нравится это кому-либо или нет»⁵⁶.

В центре острой политической дискуссии в стране всегда находился вопрос о роли и месте частного сектора в системе «смешанной» экономики Индии. Дж. Неру следующим образом выражал свое отношение к данному вопросу: «Общегосударственный план должен быть гибким. Он не должен исходить из догматических принципов; он должен учитывать существующие факторы. В современной Индии план *может и должен поощрять частное предпринимательство в ряде отраслей*, хотя оно обязательно должно быть приведено в соответствие с общегосударственным планом и подвергаться необходимому регулированию (курсив мой. — Авт.)»⁵⁷.

В его выступлениях обосновывалось положение о том, что с предприятиями государственного сектора связано будущее Индии, цели ее экономического и политического развития. Именно эти предприятия, по словам Джавахарлала Неру, дают уверенность в успехе намеченных планов. Одновременно он подчеркивал важность и частного сектора: «Я стремлюсь поощрять частное предпринимательство потому, что считаю полезным поощрять то, что помогает росту и развитию национального производства»⁵⁸.

Таким образом, в концепции Дж. Неру и государственный и частный секторы экономики рассматривались как «динамические ускорители на пути строительства социалистического общества»⁵⁹. Но их социальные функции были для него далеко не одинаковы, в известной мере противоположны.

В обстановке обострения социально-политической борьбы во второй половине 50-х годов он акцентировал внимание на отрицательных социально-экономических

и политических последствиях деятельности частного сектора: «Я ни в коем случае не считаю,— говорил он в 1959 г.,— частное предпринимательство существенным элементом демократической структуры... Госсектор всегда будет иметь приоритет там, где он может более доходно и экономично функционировать... Мы желаем также, чтобы частный сектор действовал успешно, и поощряем его в отведенной ему огромной сфере, а не сдерживаем его рост. Но когда он пытается ущемить государственный сектор, это недопустимо»⁶⁰. На ежегодной конференции промышленников Индии Дж. Неру открыто формулировал свою негативную позицию по отношению к монополистическому капиталу⁶¹.

Неру отмечал: «Частный сектор играет важную роль в развитии страны. Однако необходим контроль над ним со стороны государства, чтобы предотвратить сосредоточение экономической власти и богатства в руках меньшинства»⁶². И далее: «Мы не заинтересованы в успехах частного сектора, ибо он усиливает неравенство»⁶³.

И все же, по мысли Дж. Неру, интересы экономического развития не требовали тогда широкой национализации крупной капиталистической собственности. Он называл себя принципиальным противником всеобщей национализации, хотя исходил из того, что «со временем» правительство будет вынуждено национализировать «важнейшие отрасли — банки, страховые компании и горнодобывающую промышленность»⁶⁴.

Большое место в разработанной Дж. Неру стратегии промышленного развития независимой Индии занимали проблемы ограничения монополистических тенденций, использования под государственным контролем иностранного капитала (государственного и частного), защиты государством мелкого производства и сельского ремесла от конкуренции крупного капитала и т. д. Особенно важно, что демократическая интерпретация этих проблем становилась все более отчетливой во второй половине 50-х — начале 60-х годов. Это нашло отражение во втором пятилетнем плане, в Джайпурской и Бхубанешварской резолюциях Конгресса.

Важной составной частью программы Дж. Неру явились также положения о необходимости ликвидации системы «землевладельцев-посредников» (помещиков-заминдаров), проведении в жизнь законов о мак-

симу землевладения, о наделении малоземельных безземельных крестьян землей, о добровольном кооперировании крестьянства и др. Последней проблеме Дж. Неру придавал особое значение. При его участии была составлена резолюция сессии ИНК в Нагпуре (1959), где требование проведения добровольной кооперации крестьянства было поставлено в повестку дня работы правящей партии и ее правительства, несмотря на то что эта мера вызывала резкие возражения правых. Он считал, что «кооперация является единственным путем развития сельского хозяйства в Индии... особенно в условиях господства мелких и мельчайших земельных владений кооперирование — наиболее правильный путь»⁶⁵. Связывая принцип кооперации с планом построения социализма, он указывал, что «разговоры о социализме бесполезны, когда крестьянам принадлежат крохотные клочки земли»⁶⁶.

Развивая идеи 20—30-х годов, Дж. Неру приложил немалые усилия к установлению и укреплению дружеских отношений Индии с СССР и другими социалистическими странами. Широко известно, что он высоко ценил помощь Советского Союза в индустриализации, строительстве ряда крупнейших предприятий в государственном секторе экономики Индии. Можно сказать, что исторический опыт Страны Советов в немалой степени повлиял на создание Дж. Неру концепции планирования и индустриализации. Прочные экономические и политические связи между обоими государствами несомненно содействовали прогрессивному развитию Индии. «За эти годы,— говорил Дж. Неру на митинге советско-индийской дружбы в Москве 8 сентября 1961 г.,— значительно развились советско-индийские контакты и сотрудничество, расширились также наши торговые и культурные связи. Сотни индийских студентов приезжают сюда для учебы и технической подготовки. С помощью СССР в Индии построено или продолжается строиться много больших заводов, и сотни советских специалистов участвовали в Индии в этой работе, которую мы считаем чрезвычайно важной... Я глубоко благодарен правительству Советского Союза за помощь, которую оно нам оказывало и продолжает оказывать»⁶⁷.

Рассмотрение основных социально-экономических и политических взглядов Дж. Неру позволяет констатировать их комплексный характер. В его воззрениях с большой силой проявились антиимпериалистические, национально-демократические, антикапиталистические устремления индийского народа. Если в отношении гандизма справедливо говорить о том, что он отразил пробуждение национального самосознания, то применительно к идеологическим построениям Неру допустимо сказать, что они отразили уже качественно новый этап в развитии этого самосознания, его рост и усиление национально-демократических тенденций.

Еще до завоевания независимости страны борьба трудящихся масс Индии, их «стихийный социализм» заметно воздействовали на формирование общественно-политических взглядов Неру. Более того, несомненное влияние оказали на них идеи научного социализма, воспринятые, правда, лишь частично, односторонне. Его понимание социализма отличалось от научного, марксистско-ленинского, но Неру был убежден в превосходстве социалистического строя, видел в социализме будущее Индии, стремился к его достижению и признавал неодолимость социалистических идей. Именно поэтому демократизм, радикализм и социалистические тенденции представлены в мировоззрении Джавахарлала Неру неизмеримо сильнее, нежели в гандизме. Оно не было, как гандизм, отягощено патриархально-крестьянскими и мелкобуржуазно-националистическими чертами.

По-видимому, это в известной мере обуславливалось прогрессивными сдвигами в национально-освободительном движении 30-х годов, а в дальнейшем — усилением демократических тенденций в общественной жизни Индии периода независимости. Если до 1947 г. взгляды Дж. Неру были приемлемы лишь для влиятельного меньшинства в руководстве Конгресса, то в условиях независимости они становятся одной из важнейших составных частей идеологии ИНК, оказывая огромное (в ряде моментов решающее) влияние на программу правящей партии (особенно в середине 50-х — начале 60-х годов).

Тем не менее эти взгляды постоянно подвергались критике со стороны главным образом консервативных буржуазно-помещичьих сил, которые сумели во многом воспрепятствовать практической реализации принятой ИНК программы социально-экономических преобразований. Некоторые положения общественно-политической концепции Неру в 50—60-е годы приняли более сдержанную форму. Во многом это объяснялось, по-видимому, соотношением социально-классовых сил, ведущих борьбу вокруг проблем развития страны, сопротивлением мощных правых группировок прогрессивным преобразованиям, наконец, стремлением Неру как лидера страны, вынужденного считаться с реальной расстановкой сил, обеспечить максимальное (в его понимании) национальное единство».

Радикализм и демократизм Неру более всего проявлялись при характеристике целей общественного развития, задач социального прогресса, экономических путей национальной реконструкции. В трактовке же методов осуществления необходимых социально-экономических и политических изменений заметно влияние буржуазно-реформистских, утопических концепций. Поэтому в целом идеологическую систему Джавахарлала Неру можно рассматривать как разновидность субъективно-социалистических, либерально-утопических воззрений⁶⁸.

Выдающийся мыслитель и государственный деятель, он внес исторический по своему значению вклад в дело национального освобождения и социально-экономического прогресса своей родины, при том, что и его общественно-политические взгляды и его практическая деятельность не были свободны от серьезных противоречий. С именем Неру, с проведением «курса Неру» справедливо связываются достижения индийского народа, демократических сил страны в области экономического развития и на внешнеполитической арене. Однако вопреки провозглашенным Конгрессом «социалистическим программам» в Индии наблюдались отрицательные процессы, присущие буржуазному общественному развитию: углубление экономического неравенства, рост и укрепление монополий, ухудшение условий жизни значительных категорий трудящихся, увеличение массовой безработицы, гнета нищеты и социальной несправедливости. Подобные процессы особенно усилились в 60-е го-

ды. Все это означало, что многие основные цели программы Дж. Неру оказались нереализованными.

Надо отдать должное его политическому мужеству — он неоднократно указывал на такие процессы. Анализируя, например, социальный характер «смешанной экономики» Индии, он констатировал: «Это капиталистическая экономика со значительным государственным контролем или капиталистическая экономика плюс общественный, непосредственно управляемый государством сектор. Но по существу это капиталистическая экономика»⁶⁹. Осенью 1963 г. он отмечал, что выросшие и укрепившиеся в Индии монополии есть та главная реакционная сила, которая стоит на пути осуществления «социалистических программ» Конгресса. «Чем могущественнее за последние годы стали монополии, — писал Неру, — тем дальше ушла Индия в сторону от социализма», ибо «монополии — враги социализма»⁷⁰.

Думается, что эти негативные тенденции в общественной жизни страны тесно связаны и с глубокими противоречиями, слабостями самой «социалистической программы» ИНК, во многом отражавшей буржуазный характер власти Конгресса. Его программа предполагала построение «социализма сверху», руками фактически самой буржуазии, путем частичных экономических реформ, не затрагивающих основ классовой структуры общества. Правящая партия открыто выступала против тех левых партий, которые, опираясь на массовое движение трудящихся, требовали ликвидировать монополию буржуазии на политическую власть и выдвигали лозунг единства всех левых и демократических сил в борьбе с реакцией. Такая политика привела Конгресс во второй половине 60-х годов к глубокому кризису и серьезному ослаблению его позиций.

Лишь победа в конце 60-х — начале 70-х годов политической линии индийского правительства во главе с Индирой Ганди, линии, направленной на дальнейшее развитие и углубление «курса Неру», осуществление широкой программы социально-экономических преобразований, способствовала увеличению влияния Конгресса на массы и открыла перед левыми и демократическими силами, в том числе и внутри ИНК, возможности совместной борьбы за социальный прогресс страны.

¹ Подробнее см.: Дж. Неру, Автобиография, М., 1955; Его же, Открытие Индии, М., 1955; Ш. Г. Сардесаи, Индия и революция в России, М., 1969; «Новейшая история Индии», М., 1959; J. Nehru, Before and After Independence, vol. 1—2, New Delhi, 1951; J. Nehru, Glimpses of World History, London, 1933; J. Nehru, Soviet Russia, Bombay, 1949; H. Mukerjee, The Gentle Colossus. A Study of Jawaharlal Nehru, Calcutta, 1964.

² Подробнее см.: Э. Н. Комаров, А. Д. Литман, Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди, М., 1969. Авторы этой книги впервые в советской историографии отчетливо формулируют вывод о комплексном характере идеологии гандизма. Они пишут: «Ганди возглавлял общенациональное антиимпериалистическое движение, которое объединяло различные классы и слои индийского общества... Деятельность Ганди в качестве лидера этого широкого и очень разнородного по социальному и классовому составу движения обусловила комплексный характер его мировоззрения и идейно-политических позиций». Авторы приходят к выводу, что «в целом гандистское руководство национально-освободительным движением отражало главенствующую роль в нем национальной буржуазии как политически наиболее сильного класса тогдашнего индийского общества», (стр. 227—231). О мировоззрении Ганди см. также: О. В. Мартынов, Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди, М., 1970; S. A. Dange, Mahatma Gandhi and History, New Delhi, 1969.

³ Разумеется, исключительно важную роль в распространении идей Великого Октября, научного социализма в Индии сыграло коммунистическое движение в стране (подробнее см.: А. К. Гхош, Статьи и речи, М., 1969; «Проблемы коммунистического движения в Индии», М., 1973).

⁴ Подробнее см.: «Новая история Индии», М., 1961; «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака», М., 1958; А. В. Райков, Пробуждение Индии (деятельность национально-революционных организаций в 1900—1918 гг.), М., 1968; Л. В. Митрохин, Индия о Ленине, М., 1971; L. P. Sinha, The Left Wing in India (1919—1947), Muraffarpur, 1967.

⁵ В. И. Ленин, Письма о тактике, — Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 144.

⁶ См. «All-India Congress-socialist Party. Constitution, Programme and Resolutions of the I-st Conference of the Party and Report of the Organising Secretary», Bombay, 1934.

⁷ Дж. Неру, Автобиография, стр. 202.

⁸ Цит. по: M. V. Ramana Rao, A Short History of the Indian National Congress, Delhi, 1959, стр. 180.

⁹ J. Nehru, Presidential Address, Indian National Congress. Fortynineth Session, April 1936, Lucknow, Allahabad, 1936, стр. 16.

¹⁰ Там же, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 15—16.

¹² Дж. Неру, Автобиография, стр. 88.

¹³ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 430—431.

¹⁴ Там же, стр. 429—432.

¹⁵ Там же, стр. 429.

¹⁶ Там же, стр. 432—433.

¹⁷ Там же, стр. 433—434.

¹⁸ Там же, стр. 433.

¹⁹ Там же.

- 20 Там же.
 21 Там же, стр. 434—435.
 22 Дж. Неру, Автобиография, стр. 424.
 23 Там же, стр. 97.
 24 J. Nehru, Presidential Address..., стр. 17—18.
 25 Там же, стр. 16—17.
 26 Там же, стр. 11.
 27 Там же, стр. 12.
 28 Там же.
 29 Там же, стр. 14.
 30 Там же.
 31 Там же, стр. 4.
 32 Там же, стр. 6.
 33 Там же, стр. 5.
 34 Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 24.
 35 J. Nehru, Presidential Address..., стр. 5—6.
 36 См. «Speeches of J. Nehru (1952—1956)», Delhi, 1956; «Second Five Year Plan», New Delhi, 1956; «Third Five Year Plan», New Delhi, 1961; «Congress Bulletin», New Delhi, 1963, № XII — 1964, № 1—11. О классовой сущности «социалистической программы» Конгресса, стремлении индийской буржуазии использовать «социалистические лозунги» правящей партии для укрепления своих экономических и политических позиций, наконец, о борьбе различных идейных течений внутри Конгресса вокруг «социалистической программы» партии см. подробнее: А. К. Гхош, Статьи и речи, М., 1962; Т. Ф. Девяткина, Индийский национальный конгресс (1947—1964), М., 1970; П. В. Куцобин, Современная Индия, М., 1963; Л. И. Рейснер, Г. К. Широков, Планирование в Индии, М., 1969; «Проблемы экономического и социального развития независимой Индии», М., 1967; А. И. Регинин, Некоторые вопросы идеологии партии Индийский национальный конгресс,— «Идеологические течения современной Индии», М., 1969; Э. Н. Комаров, А. И. Чичеров, Тенденции политического развития современной Индии,— «Идеологические проблемы современной Индии», М., 1970.
 37 Дж. Неру, Основной подход,— «Проблемы мира и социализма», Прага, 1959, № 4, стр. 40—42.
 38 Там же, стр. 40—41.
 39 Там же, стр. 41—42.
 40 J. Nehru, Towards a Socialist Order, New Delhi, 1956, стр. 4.
 41 «The Eastern Economist», New Delhi, 1961, vol. XXXVI, № 5, February 3, стр. 417.
 42 Дж. Неру, Основной подход, стр. 42.
 43 Там же.
 44 Там же, стр. 41.
 45 «The Mind of Mr. Nehru». An Interview by R. K. Karanjia, London, 1961, стр. 77—79.
 46 Там же, стр. 77.
 47 Там же, стр. 68.
 48 Дж. Неру, Основной подход, стр. 42.
 49 Там же, стр. 43.
 50 «Times of India», 7.I.1961.
 51 «Lok Sabha Debates, Eleventh Session», vol. 16—17, New Delhi, стр. 398.

- 52 «Times of India», 20.III.1960.
 53 «Times of India», 20.III.1960.
 54 T. Mende, Conversation avec Nehru, Paris, 1956, стр. 135, 165.
 55 «Times of India», 20.III.1960; «Indian Affairs Record», New Delhi, 1956, vol. II, № 10.
 56 «National Herald», Lucknow, 31.I.1961; «Times of India», 14.I.1961.
 57 Дж. Неру, Основной подход, стр. 42.
 58 «Hindustan Times», 15.I.1960.
 59 «Congress Bulletin», New Delhi, 1959, № 1—2, стр. 44—45.
 60 «The Indian Worker», Bombay, 12.I.1959, стр. 11.
 61 «The Hindu Weekly Review», Madras, 16.III.1959, стр. 4.
 62 «Times of India», 23.VIII.1960.
 63 «Times of India», 14.I.1961.
 64 J. Nehru, Socialism and Nationalisation,— «Congress forum», vol. I, 1963, № 3, стр. 11—15.
 65 «Times of India», 23.VIII.1960.
 66 «Times of India», 6.I.1961.
 67 Дж. Неру, Внешняя политика Индии, М., 1965, стр. 285—286.
 68 См. об этом: Э. Н. Комаров, Критика буржуазного общества и эгалитаристские концепции в Индии,— «Народы Азии и Африки», 1967, № 7, стр. 51. Автор пишет: «...прогрессивная в конкретных условиях Индии концепция Неру может быть охарактеризована главным образом как весьма сложный вариант субъективного социализма. При этом своеобразие концепции Неру видится нам в том, что наряду с утопическим и субъективным началом в его взглядах есть также и существенный элемент реального, а именно признание исторически закономерного характера социалистического преобразования общества и его значения для национального возрождения Индии».
 69 «AICC Economic Review», Delhi, 15.IX.1957, стр. 6—7; «Hindustan Times», 18.I.1961.
 70 «Congress Bulletin», 1963, № 9—11, стр. 55.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

Истоки мировоззрения

Джавахарлал Неру был не только выдающимся государственным и политическим деятелем, но и оригинальным мыслителем, взгляды которого сыграли существенную роль в активизации и радикализации индийского национально-освободительного движения и в известной мере определили характер идеологии правящей партии Национальный конгресс в условиях независимости.

Мировоззрение Неру претерпело сложную эволюцию и развивалось под воздействием различных социально-политических и идеологических факторов. Важнейшим из них была его непосредственная связь с борьбой индийского народа за национальный суверенитет. Свободолюбивые, патриотические идеи он воспринял еще в доме своего отца Мотилала Неру, одного из виднейших лидеров Конгресса, и оставался верным им всю жизнь.

Неру всегда шел в ногу со временем, вбирая все новое, что рождала передовая демократическая мысль и что вырастало из практики антиимпериалистической борьбы. Активно участвуя в ней в качестве ведущего деятеля Конгресса, он испытал сильное влияние гандизма, официальной идеологии этой крупнейшей политической партии страны. Впрочем, накопленный опыт политической борьбы, знакомство с прогрессивными учениями Запада, глубокое понимание нужд и чаяний народа, наконец, острая проницательность, творческий подход к теоретическим вопросам обусловили критическое отношение Неру к гандизму. Он восхищался Махатмой Ганди как личностью, высоко ценил его как

руководителя и идеолога индийского национально-освободительного движения, но вместе с тем отвергал его религиозный подход к политике, приверженность к старине, аскетизм, апологетику бедности и страданий и т.п. Особенно аргументированные возражения выдвигались против абсолютизации ненасилия. Неру отмечал, что, превратившись в застывшую догму, идея ненасилия «утрачивает свою притягательную силу для разума и занимает свое место среди догматов веры и религии. Она даже становится опорой привилегированных групп, которые используют ее для сохранения статус-кво»¹.

Критический подход к ряду коренных принципов гандизма, однако, отнюдь не означал нигилистического неприятия этого учения в целом. Напротив, Неру видел в нем действенную идейно-теоретическую основу индийского национально-освободительного движения, а в определенной мере и источник собственного мировоззрения.

Большое влияние на формирование его взглядов оказала общественная мысль Запада, и в частности Англии, где он получил среднее и высшее образование. Это влияние в разной мере и в разнообразных формах проявлялось на протяжении всей его жизни, и особенно отчетливо в первые годы после возвращения на родину. «Индия была у меня в крови, — писал он, — и многое в ней меня инстинктивно глубоко волновало. И все же я подходил к ней почти как чужеземный критик... Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружелюбно расположенный европеец»².

Но все более активное включение в политическую борьбу, выступления в городах и селах на многочисленных митингах, непосредственное соприкосновение с жизнью миллионов простых людей, особенно крестьянства, существенно изменили его представления. «Я установил связь с движением *кисанов* (крестьянским движением). Эта связь укрепилась в последующие годы и оказала большое влияние на мои взгляды... и с тех пор образ Индии, живущий в моем сознании, неотделим от этой массы голых, голодных людей»³, — отмечал он.

Контакт с массами помог Неру глубже понять силу воздействия на общественное сознание всех слоев индийского народа национальных духовных традиций. Он

считал необходимым всемерно учитывать их при работе идеологических принципов, приспособлять традиции к новым историческим условиям. Это не заслоняло от него того факта, что в ряде случаев рационалистический дух традиций вытеснялся иррационализмом и слепым преклонением перед прошлым. В связи с этим он подчеркивал необходимость творческого усвоения и использования духовного наследия. «Индия должна порвать со многим из ее прошлого и не допустить, чтобы оно доминировало над настоящим... Но это не означает разрыва с тем в этом прошлом, что живет и способно дать жизнь новому... Мы никогда не забудем идеалы, которые двигали наш народ... и не перестанем гордиться этим нашим благородным наследством»⁴. В нем, по мнению Неру, содержалось много положительного, что предопределило длительный, многовековой непрерывный процесс исторического развития Индии и ее культуры. «Мы выжили,— говорил он,— благодаря тому хорошему, что заложено в наших традициях, и мы намерены следовать им и далее»⁵.

Воззрения самого Дж. Неру явились наглядной иллюстрацией этого утверждения: они действительно не были свободны от идейных влияний веданты и упанишад. Он часто повторял, что его всегда привлекала адвайта-веданта, что многие, и прежде всего идеалистические, идеи, складывавшиеся в процессе формирования его миросозерцания, по своему характеру приближались к ведантистским. Правда, в упанишадах и веданте Неру привлекали не столько мистика и интуитивизм, сколько в первую очередь и главным образом рационалистические и диалектические идеи. Он писал: «Мне трудно постигнуть метафизическую сторону вопросов, рассматриваемых в упанишадах, но на меня произвел большое впечатление самый подход к проблеме, которая столь часто окутывалась мраком догм слепой веры. Это был подход философский, а не религиозный. Меня привлекают сила мысли, пытливость, рационалистическая подоплека»⁶.

В том же направлении шло воздействие и других древнеиндийских духовных традиций. Неру указывал, например, на значение буддийской доктрины и особенно шести классических систем индийской философии для складывания определенного типа мышления или некоего

«национального мировоззрения», неотъемлемой частью которого он считал и свои личные взгляды. Не удивительно, что в конце жизни, отвергая попытки представить их в форме некоего «изма» или «доктрины Неру», он скромно отмечал, что они суть продукт эволюции прежде всего индийской общественной мысли и естественный результат влияния неувядаемых национальных идейно-философских традиций. Более того, Неру считал, что сфера их воздействия отнюдь не ограничивается областью мировоззрения, а распространяется и на сферу политики. «Мы пытаемся,— отмечал он,— развить наш подход соответственно нашим собственным традициям и потребностям»⁷.

Особое место в идейных истоках мировоззрения Джавахарлала Неру занимала философия марксизма. Он хорошо знал труды ее основоположников, читал марксистскую литературу, внимательно следил за процессом распространения идей марксизма-ленинизма в Индии. Неизгладимое впечатление произвело на Неру посещение в 1927 г. Советского Союза. По возвращении на родину он заявил: «Мое мировоззрение стало более широким... Я чувствовал, что стал теперь лучше разбираться в международных вопросах, лучше понимать современный мир, находящийся в процессе постоянного изменения»⁸.

Изучение трудов Маркса и Энгельса позволило Неру не только глубже осмыслить события внутренней и международной жизни, но и уяснить значение марксизма для понимания взаимосвязи явлений объективной действительности и закономерностей ее развития. Не раз отмечая достоинства этого учения, он выражал готовность принять определенные принципы марксистской философии в качестве составного элемента собственного мировоззрения. «Многое в марксистском философском мировоззрении я мог принять без каких бы то ни было затруднений: его монизм, единство духа и материи, движение материи и диалектику непрерывного изменения, совершающегося как путем эволюции, так и скачками в результате действия и взаимодействия причины и следствия по формуле: тезис, антитезис, синтез»⁹.

Чрезвычайно высоко оценил Неру вклад, внесенный В. И. Лениным в развитие марксизма. В своих книгах и выступлениях он неоднократно ссылается на великого

вождя трудящихся и цитирует его произведения, открывенно выражая свое восхищение титанической силой его ума и последовательностью действий.

Неру подчеркивал, что марксистский метод всецело соответствует уровню научных знаний и потому данный Марксом анализ общественно-исторического процесса безусловно правилен: «Теория и философия марксизма осветила много темных уголков в моем сознании. История наполнилась для меня новым содержанием. Марксистское толкование пролило на нее поток света, и она предстала предо мной в виде разворачивающейся драмы, в которой имелись закономерность и цель... Особенно привлекали меня в марксизме отсутствие в основном догматизма и научный подход»¹⁰.

Разумеется, степень влияния марксистской философии на формирование воззрений Джавахарлала Неру не следует преувеличивать: в общем комплексе идейных воздействий оно не было решающим. Несомненно прав К. Дамодаран, когда говорит: «Он (Неру.— *Авт.*) был подготовлен к восприятию ряда положений марксизма, философии диалектического материализма и применению их к условиям Индии и современного мира. Но было бы ошибочным утверждать, что его философские взгляды соответствовали марксистским»¹¹. С. Сардесаи тоже отмечает, что «Неру никогда не принимал марксизм целиком»¹².

Действительно, Неру не только не стал марксистом, но и неоднократно заявлял, что это учение не приносило ему «полного удовлетворения», что в некоторых своих аспектах оно было ему чуждо, что на многие вопросы оно вообще не дает ответа и это вынуждает его обращаться к другим типам мировоззрения. После обретения Индией независимости, когда Неру возглавил правительство, являвшееся по своей классовой сущности правительством национальной буржуазии, он нередко подвергал марксизм критике с абстрактно-гуманистических позиций за то, что тот якобы не соответствует неким общечеловеческим идеалам, «абсолютным» моральным ценностям, принципам демократии, свободы личности (в буржуазно-ограниченном понимании) и т. п.

Таким образом, мировоззрение Неру впитало в себя принципы разнородных идеологических течений, но не было тождественно ни одному из них. Едва ли можно

признать справедливым предположение К. Дамодарана, что усилия Неру были направлены на достижение «определенного синтеза марксистской идеологии и гандистских принципов»¹³.

К этим двум компонентам, которые к тому же подвергались известной трансформации в сознании Неру, добавлялись положения других идеологических систем, но прежде всего его собственные идеи, явившиеся плодом самостоятельного глубокого осмысления новой действительности и выдвинутых ею проблем. Иными словами, не укладываясь полностью в рамки какого-либо конкретного «изма», мировоззрение Неру представляет собой комплекс философских идей преимущественно рационалистического и гуманистического характера, основанный на критическом усвоении и переработке прогрессивных духовных традиций Индии, мировоззренческих принципов идеологии индийского национально-освободительного движения, некоторых положений европейского рационализма и ряда методологических философских идей марксизма.

Философия и ее роль в общественной жизни

Не будучи профессиональным философом и рассматривая философию преимущественно с позиций политического и государственного деятеля, Джавахарлал Неру видел в ней, с одной стороны, всеобъемлющее учение о бытии и его познании, позволяющее понять наиболее общие процессы поступательного движения мира, а с другой — инструмент, средство интеллектуального или морального оправдания, теоретического обоснования и подкрепления тех политических доктрин, которых он сам придерживался и которым следовал в своей практической деятельности. Неру придавал большое значение философии для выработки соответствующего подхода к наиболее общим проблемам исторического развития, равно как и к конкретным социально-экономическим и политическим вопросам, и отмечал, что издавна испытывает влечение «к действию, не оторванному от мысли, а вытекающему из нее», что между ними должна быть полная гармония¹⁴. В этом, по его мнению, источник внутренней гармонии личности, глубокого нравственного

удовлетворения и счастья. В выступлении, обращенном к индийской молодежи, он указывал: «Чем ближе и интегрированное мышление и действие, тем более активными они становятся... Счастливейший человек тот, чье мышление и действие скоординированы»¹⁵.

Экстраполируя данные принципы на философию, Неру считал, что последняя всецело должна отвечать задачам и потребностям «действия», т. е. быть практически целеустремленной; он не раз говорил, что не питает пристрастия к отвлеченным, схоластическим спекуляциям, оторванным от жизни.

Неру различал два типа мировоззрения: обыденное как выражение отношения любого человека к окружающей действительности и теоретически разработанный, систематизированный комплекс философских принципов, творцами и носителями которых служат идеологи. Мировоззрение рядового человека является либо продуктом его собственного осмысления жизни, либо результатом заимствования у других, либо сочетанием того и другого. Система взглядов идеолога выступает как плод творческого анализа и обобщения исторического развития философской мысли, а также реальных процессов объективной действительности и потребностей «действия», или практики. Но во всех случаях философия, по представлениям Неру, должна быть связана с жизнью, с насущными нуждами человека.

В свою очередь философские воззрения, концепции и теории, по мнению Неру, не есть итог чистой филиации идей, следствие саморазвития некоей абсолютной идеи: философия во всех разновидностях имеет определенную социально-историческую обусловленность, ее учения «неизбежно являются продуктами породившей их среды и соответствуют уровню развития человеческого мышления, создавшего их»¹⁶. Такой подход несомненно отличался от абстрактно-спиритуалистических толкований, характерных для большинства индийских философ-идеалистов.

Однако, признав в самой общей форме социально-историческую обусловленность философии, Неру не сделал следующего шага к признанию ее классово-партийного характера, хотя шел именно в этом направлении, когда тонко подметил, что «политические взгляды групп и классов определяются их экономическими интереса-

ми» и потому, естественно, отмечены печатью классовой ограниченности¹⁷. Применительно к философии он отвергал какие-либо классовые критерии, ибо полагал, что поскольку она имеет дело с наиболее общими категориями и общечеловеческими принципами, постольку не может быть достоянием или монополией тех или иных общественных сил. Социально-историческая обусловленность философии в конечном итоге сводилась у Неру к ее национально-исторической самобытности. В этом смысле он говорил о «национальном мировоззрении», выражающем специфические особенности мышления народа, которые складывались на протяжении многих веков. «В Индии,— писал он,— философия, хотя и ограниченная в своей высшей сфере избранным кругом, получила более широкое распространение, чем в других странах, и оказала сильное влияние на формирование национального мировоззрения и на развитие некоего характерного склада ума»¹⁸.

Тем не менее, руководствуясь положением о принципиально активной роли философии в развитии общественного сознания, Неру приходил к выводу, что индийская философия этой роли не выполняет и в основе своей остается далекой от насущных проблем. Правда, она в отличие от религии не «пресекала тенденцию к изменениям и прогрессу», а, напротив, «поощряла мысль и исследование. Но она обычно жила в своей башне из слоновой кости, была оторвана от жизни и ее повседневных проблем, сосредоточиваясь на конечных целях, неспособная связать эти проблемы с жизнью человека»¹⁹.

Любопытно отметить, что причины отставания и отрыва философии от жизни Неру искал не в сфере «чистого сознания», не в области филиации идей, а в социально-исторической среде, продуктом которой, по его мнению, и являются определенные философские учения. Одной из таких причин он считал кастовую систему, которую рассматривал как крупнейший анахронизм социальной структуры Индии, серьезную помеху на пути прогресса во всех областях ее жизни, в частности в сфере идеологии. «В прошлом,— констатировал он,— каста приводила не только к подавлению некоторых групп, но и к отделению теоретического и школьного образования от ремесла и к отрыву философии от действительной жизни и ее проблем. Это был аристократический под-

ход, основывающийся на традиционализме. Это мировоззрение должно полностью измениться, ибо оно целиком идет вразрез с современными условиями и демократическим идеалом (курсив мой.— Авт.)»²⁰.

Будучи трезвым мыслителем и дальновидным политиком, Джавахарлал Неру понимал, что социальная активность должна базироваться на творческом, динамичном мировоззрении, способном теоретически обосновать проводимые мероприятия и, более того, указать реальные, конструктивные пути и средства осуществления общественно-политических идеалов. Одну из серьезных слабостей индийского национально-освободительного движения, идейно-теоретический фундамент которого составляла идеология гандизма, он усматривал именно в известном пренебрежении к вопросам мировоззрения, к философско-рационалистическим выводам и обобщениям. Неру справедливо отмечал, что «Гандиджи всегда делал упор не на интеллектуальный подход к проблеме, а на характер и благочестие» и это невольно приводило к своеобразной теоретической индифферентности и беспечности особенно при выдвижении и обосновании целей освободительной борьбы. «Сейчас кажется удивительным,— писал он,— насколько мы игнорировали теоретическую сторону нашего движения, его философию, насколько мы были невнимательны к выдвижению какой-либо определенной цели, которой мы должны были руководствоваться в своей деятельности»²¹.

Впрочем, уже в данном вопросе — о необходимости творческого, действенного, динамичного мировоззрения и оценке в этой связи философии гандизма — Джавахарлал Неру обнаруживает непоследовательность и противоречивость. Прежде всего нужно сказать, что он не проводит строгого разграничения между гандизмом — определенной идеологической системой и его философией — частью этой системы. Понятие «философия гандизма» понимается им в широком плане, как совокупность всех идейно-теоретических принципов этого учения. Естественно, что двойственное отношение к гандизму распространяется и на его философские принципы.

Известно, что после завоевания независимости Индии Неру особенно настойчиво говорил об «идеологическом вакууме» и необходимости заполнить его некоей активной «философией жизни», призванной обогатить

или даже заменить гандизм. В свое время он предупреждал, что гандизм, представляющий собой «расплывчатую буржуазную идеологию», может «исчерпать свою способность приносить пользу» в новых исторических условиях, когда «националистические стремления» уступят место социальным²². Это, собственно, и произошло после завоевания независимости страны.

Однако, осознавая ограниченность гандистской философии, несоответствие ее новым условиям и субъективно стремясь выйти за ее рамки, Неру на деле не только не порвал с гандизмом, но, напротив, продолжал неизменно обращаться к нему как к источнику идей и принципов для выработки определенного подхода к жизненным вопросам.

Не удивительно, что вопреки своим прежним критическим оценкам философии Ганди с точки зрения ее действительности в условиях независимости страны Неру теперь утверждал, что именно она остается той самой «философией жизни», которой надлежит руководствоваться: «Я бы назвал нашу эпоху подлинно гандистской эпохой, а осуществляемую нами политику и философию политикой и философией, которым учил нас Ганди»²³. Более того, именно в последней (Неру с полным основанием связывал ее с национальными духовными традициями) он видел единственное средство разрешения зонникских проблем. «Я думаю,— продолжал он,— что подход и философия, которые мы унаследовали от Ашоки, Ганди и других великих мыслителей и правителей, философия принципов „живи и давай жить другим“, ненасилия, терпимости и сосуществования, дают единственное практическое решение проблем нашего времени»²⁴.

Иными словами, отмежевываясь от так называемого традиционализма, справедливо указав на его ограниченность, Неру в конечном итоге сам провозгласил в качестве динамичной «философии жизни» традиционно гандистскую систему взглядов.

Это тем не менее не служит и не может служить аргументом в пользу отождествления воззрений Ганди и Неру. Колебания, двойственное отношение к гандизму отражают лишь страстные идейно-философские искания Неру и неспособность, а в силу конкретных социально-исторических условий и невозможность для него окон-

чательно порвать с идеологией, способствовавшей утверждению у власти национальной буржуазии, объективным выразителем интересов которой он сам был в качестве премьер-министра.

Взгляды Неру на ряд вопросов соответствовали определенным концепциям гандизма, но во многом не имели с ним ничего общего и даже противоречили некоторым коренным его принципам. И это в первую очередь относится к философским воззрениям Неру, которые, как уже говорилось, не образуют законченной системы, а представляют собой, по меткому выражению Р. К. Каранджиа, «мозаику», составленную из многих оригинальных, глубоких, хотя порой и не лишенных противоречивости идей, объединенных, однако, общей гуманистической, демократической тенденцией.

Соотношение религии и науки

Проблема соотношения религии и науки стала традиционной для индийской философии нового и новейшего времени. Она занимала также и Джавахарлала Неру, но его подход к ней был свободен от апологетики религии, принижения науки и фидеистского толкования «единства» религии и науки, столь характерных для академических школ и теологических разновидностей индийского идеализма. Он кардинально отличен и от гандистской трактовки религии.

Неру понимал, что выдвигание религии в качестве определяющей мировоззренческой основы идеологии национально-освободительного движения может отвлечь его участников от социально-экономических вопросов, в решении которых он видел важнейшее содержание и главную цель борьбы против колониального господства. Поэтому он всячески противодействовал доминирующей тенденции соединения политики с религией и возведения последней в один из центральных принципов общественно-политической деятельности. «При условии обеспечения защиты религии, культуры и т. д., — утверждал он, — главными проблемами, естественно, становятся экономические проблемы, не имеющие ничего общего с религией, которую исповедует тот или иной человек. Следовательно, возможна классовая, но не религиозная борьба...»²⁵.

Как консервативная и реакционная сила, религия подвергалась основательной критике со стороны Джавахарлала Неру прежде всего в общественно-политическом плане: «Зрелище того, что в Индии и других странах зовется религией или, во всяком случае, официальной религией, вселяло в меня ужас, и я часто осуждал ее и не желал иметь с ней ничего общего. Она, видимо, почти всегда олицетворяет слепую веру и реакцию, догму и идолопоклонство, суеверие и эксплуатацию и сохранение привилегированных групп... Религиозное мировоззрение не помогает, а, напротив, препятствует моральному и духовному развитию народа... Официальная религия неизменно превращается в организацию, преследующую своекорыстные интересы, и таким образом, неизбежно становится реакционной силой, противостоящей изменениям и прогрессу»²⁶.

Особенно возмущала Дж. Неру культивируемая религией мораль подчинения, безропотности и пассивности. Он гневно протестовал против санкционирования и увековечения бедности и страданий. И когда в конце 20-х годов Ганди начал сбор средств, объявляя, что они нужны для *даридранараяна*, т. е. для «бога бедняков» или «господа, живущего в бедняке», Неру решительно осудил это прославление бедности. Он писал: «Господь был прежде всего богом бедняков, они были его избранниками. Я полагаю, что таков принцип религии повсюду. Я не мог с этим согласиться, ибо бедность казалась мне отвратительным явлением, с которым надо бороться и которое надо искоренять, а отнюдь не поощрять каким бы то ни было образом»²⁷.

Вместе с тем религия представлялась ему силой и прямо противоположного свойства, способной вызывать в людях яростные приступы ненависти и приводить к насилию и убийствам. Индийская действительность давала тому весьма убедительные доказательства. Достаточно отметить вспышки индуско-мусульманской вражды, достигшие апогея в период раздела Индостана. На протяжении всей своей сознательной жизни Неру выступал убежденным, непримиримым противником коммунизма, источник и причину которого он усматривал не только в колониальном господстве, но и в воинствующем мракобесии религиозных фанатиков. «Религия, — констатировал он, — в той форме, в какой

ее исповедовали и использовали подобным образом ее приверженцы, принадлежавшие к различным вероисповеданиям, казалась мне проклятием и препятствием для прогресса как общества, так и личности. Религия, которая была призвана поощрять духовную чистоту и братские чувства к ближнему, стала источником ненависти, ограниченности, низости и самого низменного корыстолюбия»²⁸.

Дж. Неру осуждал религию не только в социально-политическом плане, но и с мировоззренческих, идейно-философских позиций. Вскрывая ее враждебность ясному мышлению, ценностям разума, интеллекта, Неру справедливо считал, что она уводит человека от рационального изучения реальных жизненных проблем в область беспочвенных догм, окутанных туманом мистики и таинственной обрядности, и приходил к выводу: «Нам надо освободиться от этого узкого религиозного мировоззрения, от этой безумной склонности к сверхъестественным и метафизическим спекуляциям, от этого ослабляющего влияния религиозно-обрядового и мистического эмоционализма на дисциплину ума, которые мешают нам понять самих себя и весь мир. Мы должны вплотную заняться настоящим, этой жизнью, этим миром, этой природой, которая окружает нас в своем бесконечном разнообразии... Поэтому Индия должна умирить свою религиозность и обратиться к науке»²⁹.

Однако при всей четкости и категоричности подобных утверждений критический подход Неру к проблеме религии все же не был последовательно атеистическим. Нередко можно обнаружить открытые или завуалированные уступки идеалистическим принципам, имеющим теологическую, фидеистскую окраску. Так, отвергая слепую, догматическую веру, он тем не менее признавал необходимость сохранения какой-то веры. Считая абсурдной идею бога, он не отрицал наличия за пределами физического, материального мира некоего духа (или его элементов), которому даже свойственно творческое, созидательное начало. «Верим ли мы в бога или нет, — писал он, — невозможно не верить во что-то, назовем ли мы это созидающей животворной силой, или жизненной энергией, присущей материи, которая сообщает ей способность к самодвижению, переменам и развитию, или каким-нибудь другим именем — чем-либо, что столь

же реально, хотя и неуловимо, как реальна сама жизнь по сравнению со смертью. Созаем ли мы это или нет, большинство из нас преклоняет колени, принося жертвы перед невидимым алтарем какого-то неизвестного бога»³⁰.

Неру ратовал за сочетание «материального» и «духовного» подходов к явлениям жизни или постепенного восхождения от одного к другому, поскольку второй нередко расценивался им выше первого. При этом сама идея духовности в представлении Неру приобретала такое абстрактно-мистическое выражение, что он вынужден был признать невозможность принципиально отделить ее от религии: «Я не связан с какой-либо догмой или религией, но верю — пусть это называют или не называют религией — во врожденную духовность человеческих существ»³¹. Несколько позднее он попытался подменить идею «врожденной духовности» понятием «духовного совершенства», но суть от этого не менялась. «Я верю, — говорил он, — в нечто — назовите это религией или чем вам угодно, — что возвышает человека над его обычным уровнем и придает человеческой личности новые духовные качества и нравственную глубину»³².

Гуманист, всемерно преданный идеям человеческого прогресса, Неру высоко ценил роль науки в развитии общества. Он отчетливо сознавал, что одна из важнейших особенностей современной эпохи состоит в небывалом ускорении научно-технического прогресса и что без науки нельзя добиться ощутимых сдвигов в социально-экономическом положении страны. Поэтому он неустанно ратовал за внедрение научных знаний во все области производства и культуры Индии, за широкую подготовку национальных кадров ученых и специалистов.

Неру понимал и идеологическое, общеполитическое значение науки, ее огромную роль в формировании мировоззрения человека и даже в изменении общественного сознания широких социальных слоев и целых народов. Профессор Хирен Мукерджи отмечает, что Неру «больше, чем любой из его современников в Индии, делал акцент на науке как новом евангелии мира и одновременно умело связывал ее с гуманистическими идеями»³³.

Действительно, стремясь выразить в теоретически обобщенной форме свои взгляды на науку, Неру неиз-

менно подчеркивал, что она полностью революционизировала человеческую жизнь, что «дух науки» указывает путь, который ведет человека к прогрессу, содействует решению жизненных проблем. «Научный подход,— писал он,— дерзновенный и вместе с тем критический дух науки, поиски истины и новых знаний, отказ принимать что-либо без проверки и без испытания, способность менять прежние выводы перед лицом новых фактов, доверие к установленному факту, а не к предвзятой теории, жесткая дисциплина ума — все это необходимо не только для применения науки, но и для самой жизни и разрешения ее многих проблем»³⁴.

И если религия, констатировал Неру, пытается заключить истину в «жесткие формы и догмы», то наука, по существу своему враждебная догматизму и окостенелости мысли, раскрепощает истину, открывает ее разуму человека и ориентирует на практическое применение ее. Наука меняет представления людей о самих себе, поскольку увеличивает их власть над силами природы.

Вместе с тем у науки, по мнению Неру, много «минусов». Наиболее важный из них он усматривал в ее якобы сугубо эмпирическом характере, в том, что ее интересуют только осязаемые факты: «Неизвестны конечные цели, отсутствует даже понимание ближайшей цели, ибо наука ничего не сказала нам о какой-либо цели жизни. И у человека, столь могущественного в своей власти над природой, не было сил для власти над собой»³⁵. Далее, поскольку наука не в состоянии выйти за рамки позитивного эмпирического знания, постольку и научный метод имеет отнюдь не всеобщее приложение. В частности, вне пределов досягаемости науки находятся способности чувствовать искусство и поэзию, эмоции, вызываемые красотой, внутреннее признание добра и другие нравственно-эстетические явления. В этом случае на помощь ей должна прийти философия. Объединенные вместе, они открывают возможность создания более целостного представления о мире.

Если бы Неру сосредоточил внимание на обосновании единства науки и философии, он внес бы существенный вклад в решение одной из важнейших проблем развития философской мысли современной Индии. Но он прибегает к альянсу науки и философии лишь для того,

чтобы показать, что и последний не способствует проникновению в сферы, расположенные за «границами» физического мира и эмоционально-эстетических восприятий. «С помощью философии наука может продвинуться немного дальше и даже пуститься в плавание в открытое море. А когда и наука и философия откажут нам, придется положиться на такие другие возможности восприятия, которыми мы, очевидно, обладаем»³⁶.

Джавахарлал Неру старательно избегает четкого определения и ясной характеристики этих «других возможностей восприятия», но вся логика его рассуждений подводит к выводу о том, что под ними он разумеет нечто, напоминающее религиозную интуицию, мистическое «видение», интроспекцию, т. е. традиционный для систем индийского идеализма, особенно ведантистского толка, комплекс средств постижения той реальности, которая объявляется находящейся за пределами физического мира и именуется абсолютной, божественной и т. п. Иными словами, концепция «других возможностей восприятия» помимо тех, что выдвигает наука и философия, есть, по сути, концепция религии, призванной их дополнить.

Так от критики религии Неру приходит к ее косвенному оправданию и становится на позиции, объективно ведущие к прокламированию союза или синтеза религии и науки. Правда, в беседе с Р. К. Каранджиа он говорил, что у него нет особого стремления выработать некое подобие синтеза, однако допускал, что на деле такой синтез должен быть и к этому имеются определенные предпосылки: «Как Вы знаете, четыре великие религии оказали и продолжают оказывать влияние на Индию, между тем мы весьма преуспеваем в области техники и индустриализации и без какого-либо видимого конфликта между наукой и религией. Возможно, высшим назначением Индии остается выработка такого синтеза (курсив мой.— Авт.)»³⁷.

Бытие и его познание

В мировоззрении Неру онтология никогда не приобретала роли обособленного учения о наиболее общих принципах, касающихся сущности бытия. И несмотря на сильное влияние веданты, в системе которой именно

онтология занимает одно из важнейших мест, он не питал особого пристрастия к спекуляциям относительно сущности бытия. Интеллектуалистический и одновременно прагматический характер мышления диктовал ему потребность коснуться данной проблемы лишь в той мере, в какой это необходимо для выработки некоей общей схемы или даже системы мироздания в целях более ясного осознания общественно-исторического процесса.

Нельзя сказать также, чтобы Неру придерживался строго оформленных, логически последовательных онтологических взглядов. Да он и не ставил перед собой подобной задачи: «Жизнь слишком сложна, и в ней, насколько мы способны понимать ее при нынешнем уровне наших знаний, слишком много нелогичного, чтобы можно было втиснуть ее в рамки определенной доктрины»³⁸. Тем не менее он высказал ряд чрезвычайно оригинальных мыслей, не соответствовавших традиционным и весьма распространенным в Индии представлениям.

Прежде всего, воздавая должное идеям веданты, Неру вместе с тем отвергал ведантистский взгляд, согласно которому окружающий мир нереален, иллюзорен и являет собой лишь бледное отражение так называемой абсолютной реальности Брахмана. Вопреки мнению большинства индийских философов-идеалистов о спиритуалистическом характере философской мысли древней Индии Неру утверждал, что в его стране, как и в других странах, трезвый подход к действительности и мистификация ее развивались бок о бок и далеко не равномерно. «Тем не менее,—отмечает Неру,—в основе индийской культуры лежала не идея потусторонности или бессмысленности мира. Даже когда, на языке философии, мир рассматривался как *майя*, или то, что принято считать иллюзией, то это понятие было не абсолютным, а лишь относительно по отношению к тому, что считалось истинным бытием... а сам реальный мир воспринимали таким, каков он есть». Неру констатирует далее, что в Индии в периоды расцвета ее культуры наблюдался восторг перед жизнью, наслаждение ею, любовь к природе, получившие великолепное отражение в литературе и искусстве: «Немыслимо, чтобы все эти проявления энергичной и богатой жизни могли

быть порождены культурой или мировоззрением, основанным на идее о призрачности или никчемности мира. Ясно, что ни одна культура, основанная на идее о призрачности мира, не могла бы просуществовать несколько тысячелетий»³⁹.

Неру не сомневался в объективном характере окружающего мира, и реальность в его представлении — не духовная, божественная сущность, а материальный мир во всей его сложности и многообразии. По-видимому, материалистическая тенденция в его мировоззрении определила и его отношение к древнеиндийской материалистической философии, которая, по его мнению, в течение многих веков имела широкое распространение в Индии и оказывала сильное влияние на сознание народных масс. Неру подчеркивал, что неустанные стремления сторонников религиозно-идеалистических учений дискредитировать материализм свидетельствуют о том, какую серьезную опасность он представлял для его противников — прежде всего жрецов и других служителей ортодоксальной религии, видимо и уничтоживших всю материалистическую литературу. Он откровенно восхищался смелыми выступлениями древнеиндийских материалистов против традиционных верований и института жрецов, их решительным восстанием против «всех форм волшебства и суеверий», трезвым подходом к проблеме бытия и его познания.

Однако онтологические воззрения самого Неру нельзя считать последовательно материалистическими, ибо наряду с признанием объективного существования материи он не исключал независимую от нее реальность духа. Вместе с тем интерпретация этого положения дается не столько с дуалистических позиций, сколько в стиле пантеизма, склонность к которому отмечал сам Неру, хотя при этом и предупреждал, что не следует возвращаться «к старому пантеистическому мировоззрению»⁴⁰.

При всем своем принципиально критическом отношении к религии, неприятию суеверий и предрассудков, неприязни к вере в сверхъестественное, к мистике и фидеизму Неру, как уже отмечалось, разделял идеалистические представления о некоей творческой духовной силе, заключенной в материи или находящейся вне ее. Иногда он даже говорит об автономной реальности духа

наряду с материей, о наличии или необходимости достижения равновесия между ними и т. п. Однако все эти идеалистические элементы и тенденции не приводили Неру к мистицизму, не могли воспрепятствовать его здравому, рационалистическому пониманию и толкованию проблем бытия и познания. Отправным моментом его интерпретации этих проблем служило безусловное признание существования материального мира. Неру был убежден, что человек может через «наблюдения над *внешней материальной реальностью* при помощи опыта и практики, через эксперименты и ошибки, нащупывать путь ко все более широкому знанию и истине (курсив мой. — Авт.)»⁴¹.

В гносеологических воззрениях Неру доминировали позитивные идеи относительно науки, которую, на что уже указывалось, он непосредственно противопоставлял религии. Последняя, по его убеждению, враждебна самому существу познания окружающего мира: «В силу своих предвзятых понятий она умышленно закрывает глаза на действительность из-за страха, что эта действительность может и не отвечать им. Она основывается на истине и столь уверена в том, что открыла эту истину — и притом истину во всей ее полноте, — что не дает себе труда искать ее; она беспокоится лишь о том, чтобы внушать другим эту истину. Желание познать истину — это совсем не то, что желание верить»⁴².

В то же время Неру непоколебимо верил в неограниченные возможности науки, и это привело его к оптимизму в вопросах познания. Он был решительным противником скептицизма и агностицизма⁴³. Отмечая естественное стремление человека к познанию окружающей действительности, Неру подчеркивал, что имеются все условия для осуществления подобного стремления. Но достигается это только при научном подходе к процессу познания. Важнейшие компоненты такого подхода — осмысление реальных фактов, выведение соответствующих умозаключений и практическая проверка их. «Необходимо действовать путем наблюдения, точного установления фактов, осторожных выводов в соответствии с научными методами... Мы всегда должны держаться за якорь точного объективного знания, проверенного разумом и, что еще важнее, опытом и практикой»⁴⁴.

Нетрудно усмотреть в этом подходе к проблеме познания несомненное влияние соответствующих гносеологических принципов диалектического материализма: здесь, по сути, воспроизведено положение о том, что путь познания истины идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Неру, по-видимому, был хорошо знаком и с известными «Тезисами о Фейербахе» К. Маркса, в которых четко определено значение практики как средства доказательства истинности, т. е. действительности и силы, посюсторонности мышления человека. В отличие от махистов, выносивших, по выражению В. И. Ленина, практику за пределы науки, за пределы теории познания, Неру отстаивал необходимость связи науки и практики, органического включения последней в процесс познания бытия.

Впрочем, понимание практики было у Дж. Неру абстрактным и ограниченным. Избегая дефиниций, он вкладывает в это понятие такое содержание, которое позволяет трактовать практику как проявление всякой человеческой деятельности. Он и сам чаще всего говорит о деятельности или, точнее, о действии в самом широком смысле слова. При этом «действие» приобретает у него крайне общее значение активного проявления себя индивидуумом по отношению к окружающей среде и остается далеким от выражения специфически человеческой, социальной формы освоения и преобразования природы и общественного бытия. К тому же «действие» у Неру получало сильную эмоциональную окраску, что еще более затемняло конкретную сущность этой категории. Так, говоря о присущей ему лично непрестанной потребности в действии, он сводит к нему даже мыслительный процесс и внутренние переживания. «Эта потребность в действии, — писал он, — это стремление ощущать жизнь через действие оказали влияние на весь строй моих мыслей и на всю мою деятельность. Длительное размышление, помимо того что оно уже само по себе является определенного рода действием, становится частью будущего действия. Оно не является чем-то совершенно абстрактным, происходящим в пустоте и оторванным от жизни и деятельности. Прошлое превращается в нечто такое, что ведет к настоящему, к моменту действия, из которого рождается некое буду-

щее... Когда я лишен возможности активно действовать, я ищу такого подхода к прошлому и к истории»⁴⁵.

В своих гносеологических представлениях Неру приближался к пониманию соотношения абсолютной и относительной истины, хотя и крайне редко употреблял эти понятия. Он чаще говорил о вечной истине, не давая ей четкого определения, но интерпретируя ее таким образом, что по смыслу и содержанию она более всего соответствует абсолютной истине и не имеет ничего общего с той метафизической трактовкой понятия «вечная истина», которая была подвергнута уничтожающей критике Ф. Энгельсом. Неру считал, что вечная истина состоит из бесконечной суммы частных, относительных истин, ввиду чего она не поддается познанию целиком и окончательно: «Эта бесконечная, вечная и неизменная истина не может быть понята во всей ее полноте несовершенным разумом человека, который может лишь охватить самое большее некоторую небольшую сторону ее, ограниченную временем и пространством и господствующей идеологией эпохи»⁴⁶.

Последняя оговорка свидетельствует о том, что Джавахарлал Неру признавал конкретность истины, ее зависимость от определенных условий, места и времени. Весьма важно также его замечание об обусловленности истины господствующей идеологией эпохи, под которой (идеологией) подразумевается доминирующая форма общественного сознания на конкретном этапе исторического развития. Например, в средневековье превалировало религиозное сознание, тогда как для новейшей эпохи характерен научный тип мышления. Каждая из этих форм сознания оказывает конкретное воздействие на процесс познания истины. Неру поясняет, что в прошлую эпоху многие аспекты истины были скованы догмой, другие же аспекты вообще оставались скрытыми.

При таком положении вещей истина утрачивает свою динамичность, становится статичной и препятствует прогрессу разума и человечества.

С развитием научных знаний, по мере того как разум расширял сферу своего проникновения в сущность бытия, происходила смена господствующих идеологических систем, открывались новые аспекты истины, хотя ее вечная, неисчерпаемая основа оставалась неизменной.

«Поэтому, — резюмирует Неру, — истину приходится постоянно искать, обновлять, облекать в новую форму и развивать, с тем чтобы в том виде, в каком ее понимает человек, она могла идти в ногу с развитием его мышления и развитием человеческой жизни. Только тогда она станет живой истиной для человечества, может удовлетворить его существенные потребности и дать ориентировку в настоящем и на будущее»⁴⁷.

Таким образом, Неру обнаруживает творческий, диалектический подход к проблеме истины, рассматривая ее в движении, конкретно-исторической обусловленности и практической целеустремленности. И в этом тоже в определенной степени сказалось влияние методологических принципов марксистской философии.

Что же касается встречающихся в трудах Неру упоминаний о несовершенстве и известной ограниченности человеческого разума, то это уже дань традиционно ведантистским представлениям. Отмечая наличие пределов возможностей разума, Неру осторожно предлагает не отказываться полностью от интуиции. Правда, подобным туманным призывом, по сути, и исчерпывается эта уступка ведантизму. Она порождена лишь попытками Неру откликнуться на вопрос, волновавший, как замечает он, мыслителей упанишад, а именно: каким образом познающему познать самого себя?

Во всей же остальной обширной сфере познания, утверждал Неру, надлежит опираться исключительно на принципы разума и науки и подвергать практической проверке полученное знание: «Отдавая себе отчет в ограниченности разума и научного метода, мы, тем не менее, должны цепляться за них со всей силой, ибо без этой прочной основы мы не сможем понять основательно ни истины, ни реальности. Лучше понять часть истины и применить ее к нашей жизни, чем вовсе ничего не понять и беспомощно барахтаться, напрасно пытаясь проникнуть в тайну существования»⁴⁸.

Идеи «научного гуманизма»

Важнейшая проблема, привлекавшая Джавахарлала Неру в идейно-теоретическом плане, — проблема человека. Он исходил из того, что помимо социально-эконо-

мических и политических мотивов индивидуум, выполняя свои общественные функции и устанавливая тем самым определенные отношения с окружающей средой, руководствуется известными философскими предпосылками. «В основе любых человеческих отношений — политического, социального или экономического характера — всегда лежит какая-то философия. С изменением этих отношений должен измениться и их философский фундамент, с тем чтобы он мог соответствовать им и использовать их наилучшим образом. Обычно философия отстает от событий, и это отставание порождает все трудности»⁴⁹.

В связи с этим Неру неустанно стремился познать философские принципы, определяющие помыслы и деятельность современного человека, и в то же время выработать творческий подход к самой проблеме человека, позволяющий наметить действенные пути и средства преобразования его природы, а вместе с ней и условия его существования. Неру проявлял живой интерес к обширному комплексу вопросов, решение которых объективно вело к формированию целостного, концептуального представления о личности и обо всем комплексе ее общественно-исторических связей. По его собственному свидетельству, такими вопросами были: жизнь личности и общества, гармоническое развитие человека, приведение в должное соответствие его внутреннего мира и окружающей среды, урегулирование отношений между личностью и коллективом, облагораживание и совершенствование человека, социальный прогресс и непрерывные человеческие искания⁵⁰.

Уже сам по себе перечень упомянутых вопросов показывает, что в философской интерпретации проблемы человека Неру стоял на гуманистических позициях. При этом гуманизм ставился им в прямую зависимость от научного подхода к явлениям жизни. «Гуманизм и научный дух, — писал он, — все более сливаются, порождая своего рода научный гуманизм»⁵¹. С точки зрения последнего он и пытался решать интересовавшие его вопросы.

Человек, по мнению Неру, должен не только находиться в центре мировоззрения, но и быть целью любой практической деятельности. В интервью Р. К. Каранджиа он указывал, что «человеческий фактор — это

коренной и важнейший фактор всякого подлежащего исполнению дела»⁵².

В человеке Дж. Неру видел венец творения, возвышенную и могущественную созидающую сущность, способную с помощью разума и посредством практической деятельности изменить лицо мира, преобразовать действительность. «Игрушка могущественных сил природы, ничтожная пылинка в этой огромной вселенной, он (человек. — Авт.) бросил вызов стихийным силам и попытался с помощью своего разума, этой колыбели революции, овладеть ими. Какие бы ни существовали боги, нечто божественное определено есть в человеке, как есть в нем что-то и от дьявола»⁵³.

В данном случае упоминание о «божественном в человеке» — лишь литературно-художественный прием, хотя в плане теоретическом Неру не оставлял без внимания эту популярную идею веданты. Однако, неоднократно ссылаясь на то, что индийская мысль вообще базируется на признании наличия в человеке божественных элементов, он в своей концепции личности старается избегать столь откровенно теологического принципа. Идея божественности трансформируется у Неру в понятие духовности, которую он в отличие от других индийских философов рассматривает не столько как самодовлеющую абстрактную сущность, сколько в плане духовно-нравственного прогресса человека.

Последний трактуется в двух аспектах: материальном и духовном. Первый связан преимущественно с внешним миром, окружающей средой, второй — с внутренним миром личности. Соотношение этих двух аспектов составляет в концепции Неру определяющую черту общественного развития, один из важнейших показателей степени совершенства социального строя. «В любой культуре и в любом народе, — пишет он, — обнаруживаются параллельные течения во внешней жизни и внутреннем мире человека. Там, где они встречаются или держатся близко друг к другу, наблюдаются равновесие и устойчивость. Там, где они расходятся, возникают конфликт и кризис, терзающие разум и душу»⁵⁴.

Джавахарлал Неру вплотную подошел к пониманию решающего значения внешних, объективных в своей основе факторов для утверждения равновесия и гармонии. Он указывал, что личность может достигнуть гар-

монического совершенства только на базе социальной гармонии. Более того, внутреннее развитие личности и даже нации в целом ставилось им в прямую зависимость от социальной и политической свободы. «Угнетенный и эксплуатируемый класс,— утверждал он,— не может развиваться внутренне. Нация, находящаяся в политическом и экономическом подчинении у другой нации и подвергающаяся притеснениям, не может развиваться внутренне»⁵⁵.

Иными словами, проблему соотношения внешнего и внутреннего в развитии личности и общества Неру переводит в общественно-политическую плоскость и связывает с борьбой за национальную независимость страны и социальное раскрепощение народных масс. Эта глубокая мысль свидетельствовала о серьезном сдвиге в его взглядах, существенно отличавшихся от бытующих в Индии абстрактно-этических, религиозно-идеалистических концепций гуманизма, в которых он выступает как чисто духовная проблема.

Правда, в последние годы своей жизни Неру уделял много внимания вопросам внутреннего, духовно-нравственного развития личности. Он не сумел до конца разобраться в комплексе вопросов, которые преднамеренно муссирует буржуазная философия и социология на Западе, равно как и в Индии: является ли зримый материально-технический прогресс общества одновременно и прогрессом человека? Способствует ли развитие науки и техники его духовному росту или, напротив, ведет к нравственному обеднению и деградации? Впрочем, Неру никогда не доходил до мрачных прогнозов «заката Европы» и вместе с ней личности, как это делал, например, Э. Шпенглер, никогда не разделял и гандистского нигилизма в отношении современной цивилизации. Он отчетливо осознавал, что видимое противоречие между научно-техническим прогрессом и духовным развитием человека есть отражение объективного конфликта в социальной жизни, основанной на господстве частной собственности. Однако из-за классово-исторической ограниченности своего мировоззрения он не сумел определить конкретные пути и средства, могущие привести к действительной, а не только декларативной ликвидации частной собственности и тем самым к преодолению этого противоречия. Революционное

уничтожение того социального строя, на котором зиждется частная собственность и который сам зиждется на ней, Неру рассматривал как проявление насилия, связанного якобы с подавлением личности, и тем независимо от своих субъективных побуждений закрывал себе дорогу к правильному решению проблемы соотношения материального и духовного прогресса.

Признавая пагубным общественный строй, базирующийся на социальном неравенстве и эксплуатации, но не указывая действенных, т. е. *революционных*, мер его преобразования, он по существу ограничивал свой «научный гуманизм», ибо переносил проблему человека из области социально-политической в духовно-нравственную сферу. Идеалы «научного гуманизма» при всем их благородстве и возвышенности в конечном итоге оставались абстрактно-теоретическими.

Вот почему Джавахарлал Неру не сумел избежать иллюзорных, утопических представлений о противоречии между научно-техническим прогрессом и духовно-нравственным развитием личности и вскрыть динамику взаимодействия этих двух общественно-исторических процессов. Будучи свидетелем острых конфликтов на капиталистическом Западе, а также сложных противоречий и коллизий в самой Индии, он все это распространял на весь мир и сводил к противоречию между материальной и духовной сторонами развития человечества вообще.

Дж. Неру многократно отмечал, что в послевоенном мире образовался своего рода «духовный вакуум», что человечество испытывает «духовный голод» в связи с тем, что слишком много внимания уделяется материальным интересам. В известной статье «Основной подход» он назвал «трагическим парадоксом нашего века» разрыв между материальным процветанием и духовным истощением цивилизации: «Наряду с этими достижениями в покорении природы наблюдается странная картина, характеризующая отсутствием у людей вообще моральных устоев и самоконтроля. Побеждая силы природы, они не в состоянии одержать победу над собой»⁵⁶.

Руководствуясь такими соображениями, Неру в последние годы своей жизни уделил большое внимание проблеме духовности, духовного подхода к жизни. Он

утверждал, что ни одна цивилизация не может считаться полноценной, если наряду с материальным прогрессом не достигнет определенного уровня духовности «Материальный прогресс без духовного равновесия может оказаться катастрофическим»⁵⁷. Поэтому одну из первостепенных задач, стоящих перед человечеством, он видел в подъеме духовного уровня общества. Не удивительно, что создание гармонического человека связывалось уже не столько с его социальным освобождением, сколько с его нравственным совершенствованием⁵⁸.

В то же время Неру оставался далеким от какой бы то ни было абсолютизации идей духовности. Последняя по-прежнему интерпретировалась им в плане решения жизненных проблем с точки зрения духовных и материальных потребностей, она мыслилась не как самодовлеющий фактор, а как необходимое дополнение к материальному прогрессу, ведущее к достижению высших культурных и нравственных идеалов. Неру указывал, что для воспитания всесторонне развитой личности необходимо всемерно совершенствовать «духовный характер» человечества наряду с обеспечением материального процветания, ибо лишь таким образом можно будет «противостоять испытаниям и отвечать задачам завтрашнего дня»⁵⁹.

Единство и примирение противоположностей

Джавахарлал Неру не только не создал целостной, стройной философской системы, но и не придерживался какого-либо определенного философского метода. Он лишь руководствовался принципом, согласно которому познание должно опираться на научный метод, общий подход к жизни должен быть научным. Он нередко упоминал о синтетическом и аналитическом методах, о формально-логическом умозаключении и сравнительном исследовании. Тем не менее проблема выработки общефилософского метода, по-видимому, не очень занимала Неру. Представляется удивительным, что при блестящем знании истории всемирной философии, при высокой личной философской культуре он даже не упоминает о диалектике и метафизике как философских методах.

И все же под воздействием стихийной диалектики

древнеиндийской философии и особенно диалектического материализма взгляды Неру обнаруживают сильные диалектические тенденции. Надо сказать, что эти тенденции в немалой мере обусловлены также и специфическими чертами личности Неру: его живой, творческой, деятельной натуре органически чужды были пассивность, консерватизм, застой, неподвижность. И этот эмоционально-психологический комплекс, усиленный идейными влияниями, получил своеобразное теоретическое выражение.

Прежде всего Неру безоговорочно считал, что природа, общество, личность и познание находятся в состоянии неперестанного движения, изменения и развития. Такое состояние имманентно присуще объективному миру и не связано с каким-либо первотолчком или внешней причиной. Правда, у Неру эти идеи преимущественно преобладают в социально-политической проекции. Так, говоря о своем понимании ряда кардинальных проблем международных отношений, он подчеркивает, что современный мир находится в «процессе постоянного изменения»⁶⁰.

В то же время Неру распространял диалектику и непосредственно на область мышления человека, на его представления, идеи и теории, подчеркивая, что и они подвержены процессу изменения и неперестанного развития. «Даже те основные принципы,— писал он,— которые классифицируются как неизменные, теряют свою свежесть и реальность, когда их принимают как нечто само собой разумеющееся и когда прекращаются поиски их. Идеи истины, красоты и свободы увядают, и мы становимся пленниками мертвящей рутины... Отсутствие всяких изменений означает смерть»⁶¹.

В методологическом плане особенно привлекала Неру проблема единства, борьбы и примирения противоположностей. Он неоднократно отмечал, что жизнь насыщена противоречиями, и это естественное проявление ее подлинного существа, что она полна радости и печали, созидания и разрушения, взлетов и падений, роста и увядания. «Жизнь — это неперестанная борьба человека с человеком, а также борьба человека с окружающими его условиями. Это физическая, интеллектуальная и моральная борьба...»⁶². И любопытно отметить, что смысл жизни Неру видел не столько в конеч-

ном результате, сколько в самом процессе этой борьбы⁶³.

Первое и наиболее общее выражение противоположностей — старое и новое: в процессе всякого развития всегда что-то стареет и отживает, что-то рождается и обновляется. Поэтому нет и не может быть каких-либо вечных и неизменных канонов и в мышлении. «Хотя одна мысль влечет за собой другую, причем каждая из них обычно связана с меняющимися условиями жизни, тем не менее идеи переплетаются между собой: старые и новые развиваются бок о бок друг с другом, непримиримые и зачастую противоречащие одна другой. Даже разум отдельного человека представляет собой клубок противоречий, и его действия трудно примирить между собой»⁶⁴.

В борьбе противоположностей Неру усматривал как причину гибели и разрушений, так и подлинный источник созидания. Конкретным воплощением такой идеи он считал национально-освободительную борьбу народа, которая влечет за собой жертвы и страдания, но вместе с тем открывает путь к возрождению и прогрессу. Он писал: «Мы сможем добиться возможности строить в своей стране, лишь пройдя через пустыни столкновений и разрушений»⁶⁵. И после достижения независимости Индии он анализировал социально-политические и экономические процессы, опираясь на концепцию противоположностей и нередко непосредственно апеллируя к ее принципам. В 1955 г., например, он отмечал наличие двух противоположных сил в современной Индии: силы, действующей во имя единства, причем не только политического, но и культурного, и силы, направленной на разрушение и разъединение. Снятие противоречий между ними является, по мысли Неру, одной из важнейших проблем, выходящих за пределы чисто академического интереса, от осознания и решения которых зависит будущее страны⁶⁶.

Развитие через борьбу противоположностей отнюдь не сводилось им к конгломерату изменений, в своей совокупности выражающих лишь плавную эволюцию. Он нередко склонялся к идее скачка в развитии, означающего переход к новому качеству на более высоком уровне. Эта идея опять-таки связывалась с задачей возрождения Индии, которое, как он считал, вполне на-

требовало, подготовлено всем ходом исторического развития и осуществимо только на основе кардинальных мер — укрепления национальной независимости и коренных социально-экономических преобразований. «Мы достигли в Индии такой стадии, когда никакими полумерами нельзя решить наших проблем, когда никакой прогресс на одном участке не является достаточным. Необходим *большой скачок* и прогресс по всей линии, иначе альтернативой будет величайшая катастрофа (курсив мой. — Авт.)»⁶⁷.

И все же процесс развития противоречий и противоположностей в жизни Джавахарлала Неру в конечном итоге мыслил как их уравнивание, примирение и синтезирование. Даже идея скачка в сущности выражает именно эту тенденцию. Хирен Мукерджи справедливо отметил, что в подходе к различным социально-политическим и идеологическим явлениям выразилась «гениальная способность Неру к эклектизму (связанному, возможно, с индийской традицией) и к примирению противоположных образов мысли и действия посредством компромиссов и уступок»⁶⁸.

Будучи горячим и последовательным сторонником мирного сосуществования государств, Неру распространял этот принцип в трансформированной форме примирения и синтеза на всю совокупность противоречий и противоположностей в объективной действительности, включая противоречия в области идеологии. Само понятие «сосуществование» он толковал именно в таком плане: «Это — умственный или духовный подход, синтезирующий различия и противоположности, способствующий пониманию и усвоению разнообразных религий, идеологий, политических, социальных и экономических систем»⁶⁹.

Опираясь на эти представления, Неру прокламировал возможность и даже необходимость выработки нового мировоззрения, которое он именовал философией синтеза или третьей идеологией. Он говорил о стремлении «создать *прагматический синтез* различных систем политической философии» и отмечал, что для Индии с древнейших времен до наших дней характерен «скорее *синтезис*, чем *антитезис*»⁷⁰. По его мнению, «философия синтеза» должна адсорбировать лучшие черты материализма и идеализма и преодолеть присущие им «одно-

сторонность» и «ограниченность». Более того, он даже указывал на целесообразность примирения марксизма и буржуазной идеологии. «Как свидетельствуют практика и опыт Индии,— говорил он,— в новом типе экономического развития, основанном на соединении лучших черт марксистского социализма и капиталистической демократии, может возникнуть *новый синтез* двух противоположных идеологий»⁷¹.

Реальным воплощением «нового синтеза» Неру считал концепцию «индийского социализма», которая благодаря его усилиям стала важнейшей составной частью официальной идеологии партии Индийский национальный конгресс. Хотя идеи социализма привлекали Неру еще на заре его политической деятельности и он заявлял, что верит в социализм вот уже более пятидесяти лет, все же концептуальное оформление эти идеи получили лишь в условиях независимости Индии.

Разумеется, «индийский социализм» Неру существенно отличается от теории научного социализма Маркса, Энгельса и Ленина. Тем не менее Неру отчетливо сознавал, что социализм — единственное средство покончить с нищетой миллионных масс трудящихся, и неоднократно подчеркивал, что конечная цель последнего — благосостояние народа.

Не удивительно поэтому стремление Неру рассматривать и трактовать в качестве «философии жизни» не только гандистское учение, но и собственно идею социализма: «Я убежден, что единственным ключом к разрешению мировых проблем и проблем Индии является социализм. Социализм представляет собой даже нечто большее, чем только экономическое учение; это — философия жизни, и в качестве таковой она также привлекает меня...»⁷².

Таким образом, логика развития мировоззрения Джавахарлала Неру, глубокого мыслителя-гуманиста, непримиримого противника колониального и социального угнетения, последовательно вела его к восприятию передовых идей современности. Теоретическую основу его политической деятельности составляли трезвый рационализм, гуманизм и исторический оптимизм, вера в творческие силы народа и твердая уверенность в необходимости создания в стране «общества социалистического образца».

Философские взгляды Неру оказали большое влияние на развитие прогрессивных демократических течений в общественной мысли современной Индии. По словам видного деятеля КПИ Ш. Г. Сардесаи, это влияние имело исключительное значение именно благодаря тому, что «Неру решительно становился на сторону прогресса, демократии и свободы, против империализма, фашизма и местного обскурантизма».

Из его воззрений вытекало, что марксизм является социальной философией, научно объясняющей историю и наполняющей жизнь смыслом. Этим Неру объективно помог тысячам молодых индийцев преодолеть ограниченность гандизма и национализма и прийти к социализму»⁷³.

Его приверженность идеям национальной независимости и социальной справедливости, научно-технического и культурного прогресса, мира, свободы и социализма получила признание мировой демократической общественности и высоко оценена в нашей стране. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин говорил на митинге, посвященном памяти Неру: Он «не был нашим единомышленником в области идеологии. Его философские взгляды были далеки от марксизма, но он был деятелем, который в ряде коренных вопросов современности... занимал позицию, отражавшую подлинные интересы миллионов людей».

Он видел пороки и язвы капиталистического общества, социальный и национальный гнет и стоял за прогрессивные преобразования в жизни...

Джавахарлал Неру был одним из образованнейших людей современной Индии, проявлял живой интерес к самым насущным проблемам современности, обладал широким кругозором и всегда осуждал ограниченный догматический подход к живой развивающейся действительности. Он верил в силу человеческого разума, в безграничные возможности научного познания мира, в неодолимость общественного прогресса и поступательного развития человечества. Большую роль в его понимании путей и законов общественного развития сыграло его знакомство с мировоззрением марксизма-ленинизма»⁷⁴.

Образ этого замечательного человека, борца за освобождение своей родины от колониального ига, вы-

дающегося общественного и государственного деятеля и оригинального мыслителя, останется в памяти потомков.

- ¹ Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 571.
- ² Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 47.
- ³ Дж. Неру, Автобиография, стр. 63, 69.
- ⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 560.
- ⁵ Дж. Неру, Внешняя политика Индии, М., 1965, стр. 108—109.
- ⁶ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 91.
- ⁷ «The Mind of Mr. Nehru», London, 1961, стр. 68, XVI.
- ⁸ Дж. Неру, Автобиография, стр. 185.
- ⁹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 24.
- ¹⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 383—384.
- ¹¹ K. Damodaran, Indian Thought, Bombay, 1967, стр. 470.
- ¹² S. G. Sardesai, India and the Russian Revolution, Delhi, 1967, стр. 61.
- ¹³ K. Damodaran, Indian Thought, стр. 472—473.
- ¹⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 16.
- ¹⁵ «J. Nehru's Speeches», vol. III, Delhi, 1958, стр. 472.
- ¹⁶ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 189.
- ¹⁷ Дж. Неру, Автобиография, стр. 567.
- ¹⁸ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 189.
- ¹⁹ Там же, стр. 562.
- ²⁰ Там же, стр. 572—573.
- ²¹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 88.
- ²² Там же, стр. 386.
- ²³ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 23.
- ²⁴ Там же, стр. 86.
- ²⁵ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 414—415.
- ²⁶ Дж. Неру, Автобиография, стр. 395—398.
- ²⁷ Там же, стр. 213.
- ²⁸ Там же, стр. 635.
- ²⁹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 572.
- ³⁰ Там же, стр. 565.
- ³¹ J. Nehru, Homage, Delhi, 1958, стр. 119.
- ³² «The Mind of Mr. Nehru», стр. 33.
- ³³ H. Mukerjee, The Gentle Colossus, Delhi, 1964, стр. 218.
- ³⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 563.
- ³⁵ Там же, стр. 562—563.
- ³⁶ Там же, стр. 563.
- ³⁷ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 34.
- ³⁸ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 26.
- ³⁹ Там же, стр. 83.
- ⁴⁰ Там же, стр. 23, 611.
- ⁴¹ Там же, стр. 25—26.
- ⁴² Дж. Неру, Автобиография, стр. 530.
- ⁴³ К. Дамодаран утверждает, что в трудах Неру всегда присутствует «элемент агностицизма», и иллюстрирует это, в частности, сомнениями в существовании души и ее загробной жизни (см. K. Damodaran, Indian Thought, стр. 470—471). По нашему мнению, такой скептицизм не имеет ничего общего с агностицизмом

как гносеологическим принципом, выражающим отрицательное отношение к вопросу о познаваемости мира.

- ⁴⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 26.
- ⁴⁵ Там же, стр. 17.
- ⁴⁶ Там же, стр. 561.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, стр. 563.
- ⁴⁹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 552.
- ⁵⁰ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 26.
- ⁵¹ Там же, стр. 615.
- ⁵² «The Mind of Mr. Nehru», стр. 69.
- ⁵³ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 29.
- ⁵⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 82.
- ⁵⁵ Дж. Неру, Автобиография, стр. 400.
- ⁵⁶ J. Nehru, Congressmen's Primer for Socialism, New Delhi, 1964, стр. 190.
- ⁵⁷ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 103.
- ⁵⁸ См. там же, стр. 34.
- ⁵⁹ Там же, стр. 106.
- ⁶⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 185.
- ⁶¹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 556—557.
- ⁶² Там же, стр. 617.
- ⁶³ Дж. Неру, Автобиография, стр. 622.
- ⁶⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 186.
- ⁶⁵ Дж. Неру, Автобиография, стр. 118.
- ⁶⁶ «J. Nehru's Speeches», vol. III, стр. 414.
- ⁶⁷ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 559.
- ⁶⁸ H. Mukerjee, The Gentle Colossus, стр. 174.
- ⁶⁹ «The Mind of Mr. Nehru», стр. 89.
- ⁷⁰ R. K. Karanjia. The Philosophy of Mr. Nehru, London, 1966, стр. 40, 58.
- ⁷¹ Там же, стр. 69.
- ⁷² «Правда», 9.VI.1964.
- ⁷³ Ш. Г. Сардесай, Индия и революция в России, М., 1967, стр. 98—99.
- ⁷⁴ «Правда», 9.VI.1964.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
В ТРУДАХ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

Философско-историческая концепция Дж. Неру представляется весьма важной с точки зрения понимания не только мировоззрения ее создателя, но и развития индийской общественной мысли в новое и новейшее время. По мере развертывания освободительного движения в различных социальных и политических слоях, принимавших в нем участие, пробуждался и рос интерес к прошлому родины, к познанию и осмыслению ее истории. В то же время усиливалась активность и тех, кто выступал против национально-освободительного движения, в первую очередь идеологов колониализма. История Индии все чаще использовалась в качестве прямого аргумента в нараставшей идейно-политической борьбе.

Давно замечено, что интерес к истории закономерно обостряется в духовной жизни того или иного государства на определенных этапах его развития, в эпоху бурных конфликтов и преобразований, ибо тогда чрезвычайно актуальной становится задача понимания настоящего и предвидения будущего. В Индии попытки дать анализ прошлого страны предпринимались многими деятелями освободительного движения. Но вряд ли какая-либо из подобных концепций оказала столь глубокое воздействие на умы индийцев, как философско-историческая концепция Неру. Помимо других причин мы видим объяснение этому в том, что она открыто и смело увязывалась с прогрессивными целями и нуждами национально-освободительной борьбы, вобрала в себя идеи радикально-демократических сил, в том,

что она являлась важным этапом и итогом эволюции философской, общественно-политической и исторической мысли Индии, в том, наконец, что в ней по-своему отразились современные ей сдвиги всемирно-исторического значения, новая эпоха, в которую вступил мир после Октября. Надо, однако, иметь в виду, что философско-исторические воззрения Неру по ряду принципиальных вопросов обнаруживают противоречивость и непоследовательность. Это — результат идейно-политических противоречий, характерных для эволюции национально-буржуазной мысли в период кризиса колониального господства в Индии.

Одним из определяющих принципов философско-исторических построений Неру является признание взаимосвязи и взаимообусловленности событий и фактов истории. Обращаясь к индийским историкам, он говорил: «Любой объект исследования (даже специфический объект) может быть рассмотрен в связи с каким-то большим целым. Иначе он не имеет реального значения и будет лишь занятным случаем, интересным только для вас. Следовательно, если речь идет о понимании какого-либо объекта, то это должно быть понимание объекта в известной взаимосвязи. И не иначе. Далее. Если вы затронули вопрос о связи одного события с другим, то это открывает огромную область, поскольку все связано со всем: ничто не изолировано. Каждый аспект жизни связан так или иначе с другим; и каждый аспект жизни одной нации связан с жизнью других наций»¹.

Обращал внимание Неру также на закономерность связи исторических событий, а наряду с этим и на роль случайности в истории, нередко подмечая диалектику закономерного и случайного. Это проявилось, например, в его трактовке научных достижений в древней Индии. «Поразительные успехи, достигнутые индийцами в математике, сейчас хорошо известны, и признано, что основы современной арифметики и алгебры были заложены еще в древней Индии», — писал Неру. И продолжал: «Мы должны... предположить, что этими грандиозными изобретениями мы обязаны не просто минутному просветлению некоего случайного гения, значительно опередившего свою эпоху, но что это был, в сущности, продукт социальной среды и что эти изобретения отвечали некоей

насушной потребности своего времени. Несомненно, чтобы сделать открытие и удовлетворить потребность эпохи, нужен был гений высшего порядка, но не будь такой потребности, отсутствовало бы и стремление найти какой-то выход, и даже если бы открытие было сделано, оно было бы забыто или отложено до возникновения более благоприятной обстановки для его использования»².

Взгляды Неру на историю основывались на учете факта изменения социального состояния³. Ему было чуждо представление о жизни как о чем-то застывшем, неизменном, данном раз и навсегда. Он мыслил историю как процесс.

В его сочинениях встречаются упоминания о единстве всемирно-исторического процесса и о повторяемости событий и этапов. Более того, когда эта мысль сочетается у него с идеей законосообразности, он рассматривает всемирную историю с позиций взаимосвязи общемировых и национальных явлений и в ряде случаев обнаруживает за ней диалектику общего и особенного в историческом процессе. Эта тенденция прослеживается в его труде «Взгляд на всемирную историю»⁴, причем прослеживается отчасти в самом принципе построения книги, в порядке изложения. Каждый очерк книги, посвященный какому-нибудь кардинальному событию или явлению индийской истории, обязательно «окружен» серией других очерков, посвященных синхронно происходившим в мире событиям и процессам⁵. История Индии представлена здесь под углом зрения основных тенденций мирового развития, что позволяет понять ее как результат неравномерности мирового процесса в целом, выявить в ее особенностях проявление общих тенденций истории человечества и сделать попытку проанализировать сами эти особенности. В 1955 г. Неру объяснял: «Я написал работу „Взгляд на всемирную историю“ для того, чтобы увидеть свою страну и свой век в истинной перспективе мировой истории»⁶. Не случайно и то, что многие «индийские» сюжеты даны в аналитическом сопоставлении с сюжетами истории других стран. Причем Неру довольно часто проводил эти сопоставления, руководствуясь не хронологическим их совпадением (хотя и они, конечно, присутствуют в книге, помогая выявлению взаимовлияния

различных стран), а сходством некоторых существенных тенденций, так, как он их понимал.

«Стадия кустарной промышленности затем охватила не только Англию, но и весь мир, каждую страну, где была промышленность. Высокой степени развития она достигла и в Индии. Но если в Англии кустарная промышленность почти полностью исчезла, то в Индии она сохраняется до сих пор... Ткацкий станок и крупная машина существуют бок о бок... Ткани, которыми мы пользуемся,— это кхади. Они изготовлены вручную... и являются, следовательно, в полной мере продуктом кустарной промышленности и темных лачуг Индии. Новые механизмы... нанесли сильный удар по различным отраслям кустарной промышленности Англии. Они все больше заменяли труд человека, делали работу более легкой, производимой с меньшими усилиями. Я коснусь немного нашего движения за производство кхади... Это движение и чарка не означают конкуренции с крупной машиной. Многие впадают в подобную ошибку и утверждают, что чарка означает движение вспять к средневековой, отбрасывает машины и все, что несет нам индустриализация. Это неверно. Наше движение не направлено против индустриализации, как таковой, или против фабрик и машин. Мы хотим, чтобы Индия имела все лучшее, и как можно быстрее. Но, принимая во внимание существующие в ней условия, и особенно ужасающую нищету наших крестьян, мы должны убедить их прятать в свободное время. Этим они не только несколько улучшат условия своей жизни, но и помогут уменьшить нашу зависимость от иностранных тканей, в результате которой из нашей страны изымается так много средств»⁷. Такими словами заканчивает Неру очерк «Появление большой машины» в книге «Взгляд на всемирную историю».

Значительное внимание Дж. Неру уделял теоретическому анализу исторического процесса с точки зрения соотношения изменчивости и устойчивости, рассматривающихся во времени и пространстве. Это выражается в осмыслении соотношения прошлого, настоящего и будущего. В теоретических построениях Неру допустимо вычленять две стороны.

Во-первых, в пределах *каждого* исторического этапа или явления он рассматривал прошлое, настоящее и бу-

дущее в их единстве. Он писал: «Мы необычная страна и необычный народ. Прошлое как-то переплелось с нашим настоящим и даже с будущим. Так мы и живем в этом прошлом, настоящем и будущем»⁸.

Однако в пределах одного и того же периода ему виделось не просто единство перечисленных категорий, но и различия между ними, даже противоположность их. Что же есть прошлое? «Прошлому, — писал Неру, — свойственны неподвижность, постоянство. Оно не меняется и несет на себе печать вечности, подобно написанной маслом картине или статуе из бронзы или мрамора. Не затрагиваемое бурями и волнениями настоящего, оно сохраняет свое достоинство и спокойствие, заставляя смятенный дух и измученный разум искать убежище в его сводчатых катакомбах»⁹. Стремясь определить настоящее, Неру подчеркивал, что это момент исторического процесса, отличный от прошлого (и будущего), и выделял также его качественную определенность — то, что ему свойственны конфликты и проблемы, еще не разрешенные или находящиеся в процессе разрешения. Настоящее, по определению Неру, — это «момент действия», «стремление к действию», которое составляет «самую суть жизни»¹⁰. Будущее он осознавал как момент движения истории, указывая на то, что оно имеет реальные корни, основу, заложенную в настоящим в виде тенденции, и на то, что оно — идеал, цель, субъективное выражение тенденции, к осуществлению которой направлена деятельность людей в настоящем.

Во-вторых, противоречивое единство прошлого, настоящего и будущего Неру усматривал не только в каждом историческом этапе или явлении, но и в историческом процессе, взятом как целое. Больше того, объяснение противоречивости и единства (взаимопроникновения и взаимоотрицания) прошлого, настоящего и будущего он выводил из того, что таковые суть проявления движения, изменения истории, понимаемой как процесс: «Прошлое превращается в нечто такое, что ведет к настоящему, к моменту действия, из которого рождается некое будущее, и все три неразрывно друг с другом переплетены и взаимосвязаны»¹¹. Здесь идея непрерывности исторического процесса выражена в общей форме.

Выступая 13 декабря 1946 г. в Учредительном собрании Индии по случаю внесения «Резолюции о целях», Джавахарлал Неру говорил: «Мы подошли к концу одной эры и, возможно, очень скоро вступим в новую эпоху. Я возвращаюсь мысленно к великому прошлому Индии, к пяти тысячелетиям индийской истории, от самого ее зарождения, которое почти можно считать зарей истории человечества, и до наших дней... Я думаю о будущем — надеюсь, еще более великом, — стоя на рубеже, отделяющем замечательное прошлое от еще более замечательного будущего... Не знаю почему, но мне кажется, что в этом мгновении перехода от старого к новому есть что-то чарующее, какие-то чары, подобные тем, которые ощущаешь, когда ночь сменяется днем; и хотя день, возможно, пасмурный, но все же это день, — ведь когда тучи рассеются, мы снова увидим солнце... Сейчас мы стоим на рубеже этой уходящей эпохи, готовясь вступить в новую»¹². Здесь идея единства непрерывности и прерывности исторического процесса конкретизирована применительно к истории Индии.

Подобный подход Неру нельзя считать случайностью. Он по существу объясняется стремлением доказать особую важность для исторического процесса именно тех явлений, которые составляют настоящее, доказать решающий характер современности, его ведущую роль в истории. Неру всячески подчеркивал воздействие прошлого на будущее, однако считал, что в конечном счете будущее определяется в настоящем. Он писал: «Моя замороженность историей проистекала не от знакомства с разрозненными событиями, совершавшимися в прошлом, но скорее от их связи с тем, что подводило к настоящему. Только в таком случае история получала во мне отклик. Иначе она предстала бы чем-то случайным, не связанным с моей жизнью или этим миром»¹³. И в другой работе: «Будущее Индии не зависит... даже от ее прошлого, если не иметь в виду, что будущее вырастает из настоящего, а настоящее — из прошлого»¹⁴. Правда, диалектический характер этих категорий не был ясен Неру до конца, но ценно то, что он видел определенную их взаимосвязь и различия между ними.

Идеи взаимосвязи изменчивости и устойчивости, пре-

рывности и непрерывности в истории тесно переплетались в его концепции с идеями взаимосвязи постепенности и скачкообразности, эволюции и революции в жизни общества. Тема «революции» настолько широко представлена в его трудах, что ей можно было бы посвятить специальное исследование. Мы ограничимся лишь констатацией того, что не было, кажется, ни одного крупного революционного сдвига в истории, которому он не уделил бы внимания. Он писал о революционных переворотах в области техники и производства, науки и культуры, в области социальных и политических отношений, делая при этом много метких и тонких наблюдений. Неоднократно возвращался он к анализу и оценке промышленного переворота и современной научно-технической революции, много писал о буржуазных революциях, о национально-освободительной борьбе в странах Востока. Но ничто не привлекало его в такой степени, как исторический опыт Великого Октября и индийское национально-освободительное движение.

Революция, по мысли Неру, представляет собой важнейшую форму общественных изменений, форму (момент) единого процесса движения, ускоряющую все развитие в целом. В работе «Взгляд на всемирную историю» он писал: «Почему мы провозглашаем: „Да здравствует революция“? Почему мы хотим революции и изменений? Индия, конечно, нуждается в коренных сдвигах. Но даже после того, как они произойдут и Индия будет независимой, мы не останемся неподвижными. Ничто в мире, в чем есть жизнь, не остается неподвижным. Вся природа изменяется день ото дня и от минуты к минуте; лишь смерть останавливает рост. Чистая вода должна течь, а если вы преградите ей путь, она начнет застаиваться. Точно так и жизнь человека и жизнь нации... Время от времени совершаются сильные взрывы. Происходят крупные революции, подобные Великой французской революции сто сорок лет назад или русской революции тринадцать лет назад. И мы сегодня находимся в середине революции. Конечно, мы хотим независимости. Но мы хотим и чего-то большего. Мы хотим очистить застоявшиеся водоемы и впустить в них чистую свежую воду»¹⁵. Подчеркивая огромное значение скачкообразных, революционных

перемен в жизни общества, Неру весьма определенно указывал на их связь с другой формой изменений — эволюционной, постепенной: «История демонстрирует нам два принципа работы — принцип непрерывности и принцип изменения. Казалось бы, они противоречат друг другу, и все же в каждом есть что-то от другого»¹⁶. Разумеется, характеристика революции и эволюции в значительной степени абстрактна; к тому же Неру явно преувеличивал эволюционный момент в развитии. Примечательно, однако, что он признавал огромную роль революции и стремился установить ее место в историческом процессе.

В концепции Дж. Неру обнаруживается понимание истории как процесса прогрессивного развития — поступательного движения от низшего к высшему. Размышление о прогрессе в целом, в различные эпохи, в различных странах и в различных сферах общественной жизни, рассмотрение его в качестве критерия анализа и оценки общественных явлений весьма характерны для Неру. Он искал ответа на вопрос, *куда*, в каком направлении, от чего к чему движется история. Эти поиски заметны уже в его рассуждениях об устойчивости и изменчивости, эволюции и революции, о прошлом, настоящем и будущем, их субординации (сравнительной значимости) с точки зрения хода исторического процесса.

Представляется очевидным, что, анализируя движение истории в категориях «прошлое», «настоящее» и «будущее», т. е. во времени, он осознал, что подобный анализ не показывает, приводит ли это движение к качественному изменению социального состояния и какие различия существуют между теми или иными периодами (этапами) истории, связано ли это движение с переходом от более низкой ступени развития к более высокой, является ли оно поступательным.

В очерке «Урок истории» есть такие слова: «Изучение истории покажет нам, как трудно, но уверенно двигался мир по пути прогресса; как на смену первым простым животным приходили более сложные и развитые; как в конечном счете появилось производящее животное — человек и как с помощью силы своего разума он превзошел всех. Рост человека от варварства к цивилизации — вот что должно быть предметом истории...».

И далее: «Справедливо, что в прошлом многих стран — Индии, Египта, Китая, Греции и других — были периоды взлетов и что многие из этих стран пережили упадок и движение вспять. Но даже это не заставит нас потерять мужество. Мир — огромное пространство, и временный подъем и упадок какой-либо страны нельзя распространять на весь мир»¹⁷. Это и многие другие высказывания Неру, его оценки различных событий и этапов истории подводят к выводу, что идея поступательного развития общества как проявление взаимосвязи между отрицанием старого и утверждением нового составляла одну из идей его мировосприятия.

Проблема качественных изменений в общественной жизни, изменений в ее структуре, совершающихся в ходе поступательного движения, чаще всего разрабатывалась Неру применительно к процессам преемственности. Он прослеживал этот процесс в развитии орудий труда, политических и социальных институтов, в сфере духовной деятельности, в массовом сознании, в науке, религии, философии, искусстве, морали, в быту — везде и всюду без исключения. Он находил преемственность в развитии каждой страны (в развитии некоторых стран находил ее особенно сильной) и мира в целом, считал, что она пронизывает историю человечества насквозь — от седой древности до наших дней — и тянется в будущее.

Здесь вновь надо вернуться к его интерпретации взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, ибо, выясняя их соотношение, Неру и определял роль преемственности. Он подчеркивал неоднородность прошлого, наличие в нем противоположных тенденций. «Некоторые тенденции, — писал он, — двигают нас вперед, другие замедляют наше движение... и вынуждают смотреть назад»¹⁸.

Решительные его возражения вызывала идеализация прошлого, особенно того, что оказалось нежизнеспособным: «Ничто, конечно, не является более благотворным и более достойным, нежели богатое наследие; но ничто не является более опасным, нежели слепая приверженность к этому наследию. Нация не может прогрессировать, если она просто имитирует своих предков»¹⁹. Вместе с тем Неру отрицал и нигилистическое, огульно пренебрежительное отношение к прошлому. «Мы не мо-

жем, — предупреждал он, — легко играть... с могучими тенденциями, которые составляют историю»²⁰.

Этим двум искаженным представлениям противопоставлялся более гибкий и реалистический подход. Призывая к критическому освоению прошлого Индии, стремясь сохранить позитивные стороны ее наследия, Неру указывал, что должно порвать «со всем тем прахом и грязью веков, которые покрыли ее и мешают видеть ее внутреннюю красоту и значение, с наростами и уродствами, исказившими и сковавшими ее дух, заключившими его в жесткие рамки и приостановившими ее рост»²¹. При этом он нередко отождествлял преемственность с поступательностью развития, абсолютизировал роль преемственности и судил об этой категории абстрактно.

Когда Неру отправлялся от идеи поступательности истории, отрицания и преемственности в процессе создания нового и отмирания старого, он в ряде случаев выдвигал вопрос об источнике развития, о его стимулах, усматривая их в столкновении противоречивых тенденций. Формой проявления противоречий Неру считал конфликт²². Подчеркивая объективный характер последнего, он писал своему английскому корреспонденту: «Не думаю, что можно развеять конфликты как некие чары с помощью дружеского общения доброжелательно настроенных людей. Очевидно, природа конфликтов более глубока и даже самые лучшие люди играют относительно незначительную роль, когда в противоборство друг с другом вступают широкие стихийные силы. Мы в меру своего разумения можем лишь попытаться понять исходные причины и искать пути ликвидации этих конфликтов»²³.

Вместе с тем противоречие, по Неру, еще не обязательно конфликт. Таковой создается, когда противоречия, имеющие объективный характер, осознаются и воплощаются в противоречивых человеческих интересах. Именно с этого момента в философско-исторической концепции Джавахарлала Неру возникает проблема соотношения в истории объективного и субъективного; того, что не зависит от воли и желания человека, и того, что связано с активной деятельностью людей, руководствующихся определенными целями и устремлениями.

Глубокие суждения высказывал Неру о соотношении роли масс и личности в истории. Он отнюдь не преуменьшал значение личности, особенно выдающейся.

Более того, он связывал ее роль с активной функцией мышления, теоретического сознания, с тем, что лидеры призваны понять реальность истории и донести свое понимание до сознания масс. «Необходимость изменения,— писал Неру,— следует признать и открыто об этом заявить. Если руководящие деятели и теоретики не осознают до конца этой необходимости и не заявят о ней, то как они могут надеяться на то, что им удастся склонить кого-либо к своей точке зрения или воспитать народ в нужном духе? События являются, несомненно, лучшими воспитателями, но, чтобы осознать их значение и предпринять затем соответствующие действия, эти события необходимо понять и истолковать»²⁴. Поясняя эту мысль, он говорил: «Мы не можем укрываться за туманными и эмоциональными фразами, а должны признать... факты и приспособиться к ним, с тем чтобы стать творцами истории, а не ее беспомощными жертвами»²⁵.

В то же время Неру, как правило, не фетишизировал роль личности и обращал свой взор к народным массам, в которых видел основную силу исторического прогресса. Комментируя в «Автобиографии» точку зрения английских колониальных властей относительно причин подъема освободительной борьбы в Индии, он отмечал: «Английское правительство... считает, что в беспорядках в Индии повинны в значительной мере „агитаторы“». Это поразительно нелепая идея... Народ был главным действующим лицом, а за его спиной стояли, подталкивая его, великие исторические силы, которые подготавливали его к восприятию призывов своего вождя (речь идет о М. К. Ганди.— *Авт.*). Если бы не эта историческая обстановка и политические и социальные силы, никакие вожди или агитаторы не могли бы заставить народ действовать»²⁶.

В одной из своих программных статей, «Куда идет Индия?», он следующим образом оценивал роль трудящихся в индийском национально-освободительном движении: «Все основы и все мотивы национального движения вытекают из желания добиться экономических сдвигов, из желания сбросить бремя, которое давит массы, и желания покончить с эксплуатацией индийского народа. Если это бремя останется и увеличится еще больше, то не потребуется особых усилий, чтобы понять,

что борьба будет не только продолжаться, но и интенсивно возрастать. Личности и лидеры могут появляться и исчезать, они могут устать или поддаться слабости, они могут заключать компромиссы или совершать предательства, но эксплуатируемые и страдающие массы вынуждены продолжать борьбу, ибо их наставником является голод»²⁷.

Иными словами, концепция Неру демонстрирует определенное понимание исходного значения объективных факторов в истории и активной целенаправленной деятельности, рассматриваемой в качестве силы, изменяющей саму историческую реальность. Эта проблема анализируется Джавахарлалом Неру и в аспекте выявления роли классов и отдельных индивидуумов в общественном развитии.

Общество рисовалось ему в качестве миллионов отдельных личностей. Хотя он иногда, в весьма ограниченном смысле, употреблял слово «толпа», обычно он решительно возражал против сведения общества к безликой однородной массе. Он акцентировал внимание на этом своем подходе, когда речь шла о трудящихся массах: «Я не идеализирую массы и стараюсь по возможности не думать о них как о теоретической абстракции. Индийский народ во всем его великом многообразии представляет для меня нечто вполне реальное, и, несмотря на его многочисленность, я стараюсь представлять его себе в образе отдельных личностей»²⁸.

И все же он стремился дифференцировать население именно на определенные слои и группы и утверждал, что общество делится на различные классы. Чем же, по Неру, обусловлено подробное деление и как в этой связи ставился им вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов в истории? Хотя в его трудах имеется так называемое функциональное объяснение природы классов и классовой борьбы, ему не было чуждо и понимание того, что классовые различия и противоречия существуют объективно и корни их надо искать в материальном производстве и отношениях собственности. Излагая в работе «Взгляд на всемирную историю» концепцию К. Маркса, он подчеркивал: «Маркс постоянно говорил об эксплуатации и классовой борьбе. У многих из нас несправедливость, которую мы видим вокруг, вызывает гнев и раздражение. Но, согласно

Марксу, это не вопрос злых или добрых, благородных суждений. Эксплуатация не есть вина того, кто эксплуатирует. Господство одного класса над другим было естественным результатом исторического прогресса, и в свое время оно уступает место другому строю... Маркс не проповедовал классовый конфликт. Он показал, что этот конфликт существует в действительности и в той или иной форме существовал всегда»²⁹. К этому можно добавить, что Неру связывал нередко наличие классов с институтом частной собственности, который, поскольку речь идет о современности, был, по его словам, «весьма вреден для общества»³⁰.

Показательно также, что в свете концепции классов и классовой борьбы Неру не раз анализировал состав участников национально-освободительного движения, оценивал движение в целом, рассматривал социально-политические силы, которые ему противостояли, а также судил о лидерах и организациях, действовавших на индийской политической арене. В упоминавшейся уже работе «Куда идет Индия?» он писал: «Чего мы добиваемся? Свободы? Свараджа? Независимости? Статуса доминиона? Эти слова могут означать и много, и мало и вообще ничего не означать... За чью именно свободу мы боремся, ведь под покровом национализма скрывается много пороков и соединяется много конфликтующих элементов? Есть Индия феодальных князей, Индии крупных заминдаров, мелких заминдаров, работников умственного труда, аграриев, промышленников, банкиров, мелкой буржуазии, рабочих. Существуют интересы иностранного капитала и интересы местного капитала, иностранных служб и местных служб. Национализм ставит местные интересы выше, чем иностранные, но дальше этого не идет. Националист пытается игнорировать классовые различия, т. е. пытается сохранить социальный статус-кво. Он воображает, что, когда страна станет свободной, различные интересы будут как-то приноровлены друг к другу. Представляя по существу движение среднего класса, национализм и действует главным образом в интересах этого класса. Ясно, что в государстве имеются серьезные конфликты между различными интересами и всякая законодательная или политическая акция, благоприятная для одних, может быть вредна для других. То, что хорошо для индийских

князей, может быть чрезвычайно плохо для народа их княжеств; то, что полезно заминдару, может разорить множество его арендаторов; то, что требуется иностранному капиталу, может подорвать рост промышленности в стране. Нет ничего более абсурдного, нежели предположение, что различные интересы внутри нации могут быть приспособлены друг к другу без того, чтобы причинить кому-либо ущерб. На каждом шагу что-то должно быть принесено в жертву чему-то другому»³¹.

Подчеркивая объективный характер классового деления общества и вытекающие отсюда классовые противоречия, Неру отмечает, что интересы и идеи тех или иных классов обуславливаются объективными материальными причинами: «Если есть что-либо поучительное в истории, то оно состоит в том, что политические взгляды групп и классов определяются их экономическими интересами. Ни разум, ни моральные соображения не заслоняют этих интересов. Отдельных лиц можно убедить, они могут отказаться от своих особых привилегий, хотя это бывает довольно редко, но классы и группы так не поступают. Поэтому попытка убедить правящий привилегированный класс отказаться от власти и поступиться своими несправедливыми привилегиями до сих пор всегда терпела неудачу, и, по-видимому, нет никаких оснований утверждать, что она удастся в будущем... Привыкнув с давних пор к мысли, что его (привилегированного класса.— *Авт.*) высокое положение и привилегии необходимы для блага общества, он всякое противное мнение воспринимает как ересь. Закон, порядок и сохранение статус-кво становятся главными добродетелями, а попытки восстать против них — главными грехами»³².

Однако, полагал Неру, на известных этапах развития страны, несмотря на различие интересов, может складываться единство социально противоположных сил, вызванное к жизни потребностью достижения общей цели. Примером этого, по его мнению, служит национально-освободительное движение. Что лежало в основе подобного единства? — спрашивал он. И отвечал: «Основой национального движения были главным образом экономический гнет и безработица. Это вызвало подъем антибританских настроений всех групп и смутное желание свараджа или свободы. Чувство

враждебности формировало общие узы, следствием чего были общие действия, но побуждения различных групп были не одинаковы. Сварадж имел свое значение для каждой группы: безработный средний класс видел впереди работу, крестьяне — освобождение от помещичьего гнета и т. д.»³³. Впрочем, таким подходом не исчерпывается понимание Неру классов и классовой борьбы, поскольку ему также была свойственна фетишизация единства и сотрудничества.

Знаменательно, однако, что, развивая именно ту линию своих философско-исторических построений, которая была связана с осознанием им значения классов и классовой борьбы, он оказывался подчас близок к пониманию социальной (классовой) обусловленности сознательного выбора людьми своих действий, поступков и идей. «Мы не можем избежать необходимости сейчас или позднее ответить на вопрос, за свободу для какого класса или классов Индии мы боремся в первую очередь, — писал Неру. — Имеем ли мы в виду прежде всего массы крестьян и рабочих или другой низший класс?.. Чью сторону мы примем, когда возникнет конфликт?»³⁴. В подобной постановке вопроса обнаруживается один из важных мотивов философско-исторических построений Неру, побуждавших его обратиться и к решению более общей проблемы — о соотношении свободы и необходимости. Эта проблема получила весьма солидную концептуальную разработку в его произведениях. Можно даже говорить о его концепции «свободы». Но мы коснемся лишь некоторых ее аспектов, а именно тех, где Неру рассматривает соотношение названных категорий в связи с движением истории.

Уместно заметить, что он отвергал абсолютизацию свободы воли как неприемлемую крайность. Сопоставляя свободу с активным осмысленным действием в настоящем, а объективную обусловленность этого действия с прошлым, он не соглашался с представлением об активном действии (настоящем) как о мимолетном и ничем не вызванном акте. По поводу взглядов Аутобиндо Гхоша, например, трактовавшего настоящее как «чистый и девственный момент», мгновение между прошлым и будущим, которое возникает и тут же исчезает, Неру писал: «Это звучит красиво, но что оно в сущности значит? Девственный момент, появляющийся

из-за завесы будущего во всей своей обнаженной чистоте, приходящий в соприкосновение с нами и тотчас же превращающийся в загрязненное и истасканное прошлое. Мы ли его грязним и оскверняем? Или в действительности сам этот момент не является столь уж девственным, поскольку он неразрывно связан со всей грязью прошлого?»³⁵. Отвергал Неру и то, что он называл «абсолютным детерминизмом»: «Вера в абсолютный детерминизм... неизбежно ведет к полной пассивности, к прижизненной смерти. Все мое ощущение жизни восстает против нее»³⁶.

Таким образом, Неру не принимал ни того, ни другого подхода к решению проблемы свободы и необходимости. Приведенные ранее его суждения, в особенности по таким вопросам, как соотношение масс и личности, общества и классов, дают основание считать, что необходимость он нередко трактовал в качестве исторической объективной обусловленности действий человека. О том же свидетельствует и его интерпретация прошлого — прошлого народа и индивидуума. Он имел при этом в виду, что «комплекс прошлых событий» оказывает влияние на «внутренние стремления» и личности и масс. Отсюда проистекала убежденность, что целенаправленная деятельность людей в истории не может не соотноситься с объективным ходом общественного развития, с исторической необходимостью. В одной из речей, посвященных обзору мировых событий 40-х годов нашего века, Неру говорил: «В Азии в течение прошлых лет действовало множество исторических сил и произошло много хорошего и много не слишком хорошего, как бывает всегда, когда действуют беспристрастные исторические силы. И они все еще действуют. Мы пытаемся как-то повлиять на них, направить их по определенному руслу, но в главном они будут продолжать действовать по-своему и не остановятся до тех пор, пока не достигнут своей цели и не выполнят свою историческую миссию»³⁷.

Тем не менее Неру настойчиво подчеркивал значение активной деятельности, в которой связь с прошлым и зависимость от него объясняют действие в настоящем, но не определяют его механически и фатально. Он полагал, что целенаправленные действия возможны лишь как проявление раскрепощенного разума, раскрепощен-

ного народа, раскрепощенной личности. Прошлое отчасти формирует такую возможность, ибо содержит в себе объективные противоречивые тенденции, которые могут и должны быть осознаны, а затем претворены в жизнь во имя интересов тех или иных (для Неру в первую очередь прогрессивных) сил. Потому-то он и считал, что говорить о свободе следует в связи с обязанностями, в связи с ответственностью. «Чем больше я думаю об этом (о том, что такое свобода.— Авт.), тем больше я убеждаюсь, что такой вещи, как абстрактная свобода, не существует. Свобода всегда сопровождается ответственностью. Свобода, будь то свобода нации, свобода индивидуума или свобода группы, налагает обязанности... Следовательно, всякий раз, когда мы рассматриваем вопрос о свободе, мы должны также думать и об ответственности, которая неотделима от свободы. Если ни ответственность, ни обязанности не увязываются с ней, то она постепенно увядает»³⁸.

Речь должна идти, по мысли Неру, о создании, завоевании условий, помогающих человеку осознать себя, свои интересы, свои цели, чтобы осуществить их. Речь должна идти о том, что свобода индивидуальной воли неотделима от задачи все более глубокого преобразования действительности. «Политическая свобода, независимость,— писал Неру в разгар национально-освободительного движения,— без сомнения, имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страны, ни человеческая личность не могли свободно развиваться»³⁹. Ознакомление с его интерпретацией данных категорий в рамках всей его концепции показывает, как и в ряде других случаев, что диалектика взаимосвязи между ними не раскрыта, а каждая из них абсолютизируется.

Представляется все же, что, когда Неру прибегает к признанию активной, преобразующей роли человека и соотносит ее с объективными условиями и тенденциями истории, он оказывается перед весьма существенной проблемой взаимосвязи целей и средств деятельности, возможности их выбора и их значения в конкретных обстоятельствах.

При рассмотрении этих вопросов Неру во многих

случаях отправлялся от идеи необходимости и возможности переустройства общества в процессе активной преобразующей деятельности человека. Он неоднократно повторял, что человек способен изменить окружающую действительность и изменяет ее. «Подлинная история,— писал Неру,— имеет дело не с узким кругом лиц в том или ином районе, а с народом, который составляет нацию, который работает и производит все блага жизни, который сотнями различных путей действует на другие народы и испытывает на себе их влияние. Такая история человека действительно была бы захватывающим повествованием. Это было бы повествование о многовековой борьбе с природой и ее стихийными силами, с дикими животными и джунглями и, наконец (это труднее всего), с представителями рода человеческого, которые пытались держать человека в подчинении и эксплуатировать его ради собственной выгоды. Это повествование о борьбе человека за средства к жизни. И поскольку некоторые вещи, а именно пища, кров, одежда в странах с холодным климатом, необходимы, постольку те, кто распоряжался всем этим, распоряжался человеком». Отмечая далее нарастание внутренних противоречий общества, Неру тем не менее подчеркивал, что человек продолжал свою преобразующую деятельность, и прогресс приносил позитивные результаты. «Мы видим,— писал он,— как история уходила вперед от своего тусклого прошлого; люди производили все больше и больше, специализировались в различных областях деятельности, обменивали одни продукты на другие, и таким образом росла торговля. Мы видим также, как развивались новые и усовершенствованные средства коммуникаций... Поскольку росло производство, росло и изобилие в мире в целом, люди, по крайней мере некоторые, получили больше досуга. Итак, то, что называется цивилизацией, развивалось»⁴⁰.

Неизменно в процессе переустройства действительно и под ее воздействием рождались цели деятельности человека. Эти цели могли меняться по мере развития общества, но сама цель оставалась всегда. Она возникала из осознания человеком объективных обстоятельств и противоречий общественного прогресса, из потребности модифицировать эти обстоятельства. Такова одна из плодотворных идей, высказанных Неру в этой связи.

Разъясняя, каким образом формировались цели освободительного движения в Индии, Неру прямо заявлял, что они вытекали из объективных потребностей общественного развития страны. «Ближайшая цель Индии,— писал он в годы борьбы за независимость,— может быть определена лишь в свете прекращения эксплуатации ее народа. Является ли нашей целью человеческое благополучие или же сохранение классовых привилегий в своекорыстных интересах сибаритствующих групп? Каждый из нас должен ясно и недвусмысленно ответить на этот вопрос. Мы не можем заниматься кабинетными словопроениями, если ставкой является судьба наций и миллионов человеческих существ. Ныне, когда в политику вовлечены массы, прошло время дворцовых интриг, игры в политику, пактов и компромиссов. Манеры простых людей не те, что приняты в гостиных; нам и не следует беспокоиться о том, чтобы научить массы каким-нибудь манерам. Их школа — это школа событий, а их учитель — их страдания. Они учатся своей политике в ходе великих движений, которые обнаруживают подлинную природу классов и личностей»⁴¹. И Неру делал следующий вывод: «Наш идеал и цель не могут идти вразрез с историческими тенденциями»⁴².

В размышлениях Неру о средствах или методах достижения цели, т. е. о средствах и методах переустройства общества, содержится указание на то, что средства и цели вытекают из конкретных условий борьбы и не являются потому застывшими, неизменными. Неру с пониманием относился к тезису марксизма, что метод действия не есть нечто застывшее и неизменное, а должен меняться сообразно обстоятельствам. Он указывал на положение В. И. Ленина о необходимости решать вопрос о конкретных средствах борьбы в зависимости от конкретной ситуации. Неру был убежден в том, что деятельность самого В. И. Ленина блестяще доказала правильность этой точки зрения⁴³. Таким образом, в тех случаях, когда Неру говорил о зависимости целей и средств от конкретных условий исторического развития, о том, что соотношение целей и средств друг с другом должно соответствовать данным условиям, он в той или иной степени склонялся к выявлению диалектической взаимосвязи идеалов и методов их достижения.

Логическим продолжением рассуждений Неру о

субъективным и объективным в истории служат его мысли о роли духовного и материального факторов в развитии человечества. Как видно из приведенных высказываний, он подчеркивал значение каждого из них. Однако важно, как трактовал он их соотношение в контексте исторического развития. Позиция Неру по этому вопросу довольно отчетливо обнаруживается в его взглядах на критерий общественного прогресса.

Одним из важных показателей последнего он считал успехи в области материального производства и социальных отношений и подчас в них усматривал причину изменений в других сферах жизнедеятельности человека. Помимо уже приведенных высказываний можно сослаться на его рассуждения, например, о достижениях техники, оцениваемых им как свидетельство прогресса человечества и источник этого прогресса. Он говорил: «Я полагаю, что крупнейшим сдвигом в истории человечества было появление земледелия. Потом появилась ирригация. Я думаю, увлекательной задачей было бы изучить, как развитие ирригации повлияло на человеческий прогресс»⁴⁴. Рассматривая роль крупного машинного производства, он писал: «С самых ранних пор он (человек.— Авт.) изготовлял орудия и старался улучшить их. Его преимущества перед другими животными, а многие из них были сильнее человека, заключалось в том, что он владел орудиями... Орудия и машины... освободили человечество от оков природы. С помощью орудий и машин человек нашел более легкий способ производства необходимых предметов. Он... обрел больший досуг. А это привело к прогрессу искусств, цивилизации, мысли и науки»⁴⁵.

Не менее важным для прогресса человека считал Неру завоевания в духовной сфере, в сфере сознания. Многие страницы его работ посвящены возвеличиванию успехов науки и культуры, воспеванию силы и мощи разума, пронизаны искренней верой в него, восхищением духовными ценностями, созданными человеком. Однако нередко это приводило к преувеличению роли духовных факторов в истории, к пониманию их как абсолютно самостоятельной силы, определяющей направление и ход развития общества. «В конечном счете,— заявлял он,— именно человеческой мысли мы обязаны всем, что видим вокруг себя. Цивилизация есть продукт человеческой

мысли»⁴⁶. Начав в работе «Взгляд на всемирную историю» с утверждения, что отличие человека от высших животных заключается в способности мыслить, что человек стремился к знанию и с его помощью расширял свои горизонты и продвигался вперед, Неру приходил к выводу, что постепенно человек все больше убеждался в том, как он далек от завершения своих поисков, если таковые вообще имеют конец. Ответить с уверенностью на вопрос, в чем же заключались эти «искания», Неру не мог. Так у него рождались сомнения и в поступательном развитии человеческого духа и в прогрессе человечества. «Многие люди сегодня,— писал он в середине 30-х годов,— склонны хвастать нашей великой цивилизацией и чудесами науки. Конечно, наука создала чудеса... Но следует помнить, что во многих отношениях человек не достиг слишком большого прогресса в сравнении с животными. Возможно, в некоторых отношениях иные животные до сих пор превосходят его»⁴⁷.

Таким образом, хотя Неру и был, бесспорно, горячим и искренним поборником прогресса и внес огромный личный вклад в борьбу за свободу и развитие своей страны, в теоретическом плане вопрос о критериях общественного прогресса не получил у него однозначного решения. В равной степени для него остался нерешенным вопрос о диалектике соотношения материальных и духовных факторов в жизни общества, что наложило отпечаток на всю его философско-историческую концепцию.

В ней как бы прослеживаются две линии: одна связана с материалистическими и диалектическими прозрениями, другая прямо противоположна ей. Нет таких произведений Неру, где какая-нибудь из этих линий полностью отсутствовала бы. Видимо, с тех пор как завершилось формирование его взглядов, они не претерпели изменений по существу, хотя, конечно, подход к решению отдельных проблем менялся, равно как менялись и расставленные им акценты. Обращает на себя внимание тот факт, что первая линия преимущественно и наиболее рельефно обнаруживалась в сочинениях конца 20-х — середины 40-х годов, тогда как вторая — в 50—60-е годы. Но ни та, ни другая не исчезали совершенно, и в принципиальных звеньях его концепции обе присутствовали постоянно. На наш взгляд, речь может идти

поэтому не об эволюции философско-исторических воззрений Неру, а лишь о смещении акцентов, что, разумеется, не было случайным.

Каким же образом с точки зрения логической возникло в одной и той же концепции два совершенно несовместимых подхода? Поскольку у Дж. Неру речь шла об обнаружении и вскрытии внутренних противоречий исторического процесса, постольку он выступал как тонкий и вдумчивый аналитик, опирающийся на данные объективной действительности. Это определило наличие в его взглядах материалистической тенденции в решении некоторых вопросов. Когда же речь заходила о путях снятия выявленных противоречий, о путях их преодоления, он, как правило, допускал преувеличение одного или даже каждого из двух основных аспектов явления. В результате рождались лишь новые трудности и потребность вновь решать вопрос о способах преодоления противоречий.

Имея в виду две противоположные тенденции в философско-исторической концепции Неру, следует отметить, что он сам хорошо видел эти противоречия и стремился разрешить их в рамках так называемого синтеза. Это стремление выявляется применительно ко всем принципиально важным проблемам его концепции и составляет ее отличительную черту в целом. Поскольку Неру пытался конструировать подобный синтез и поскольку последний был тесно связан с абсолютизацией духовных факторов в жизни человека и человечества, постольку его философско-исторические построения неизбежно приобретали идеалистический характер. Но его мирозерцанию вообще, стилю его исторического мышления в частности была свойственна, по нашему мнению, еще одна важная особенность.

Анализ теоретических исканий Дж. Неру показывает, какую поистине мучительную неудовлетворенность испытывал этот мыслитель, оставаясь в рамках созданной им самой концепции «синтеза», как она сковывала и стесняла его, как пытался он вырваться за ее пределы. Так нередко и случалось, когда он сопоставлял логику своих теоретических рассуждений с логикой жизни, с живой действительностью, с необходимостью ее решительной переделки. Нельзя сказать, что эти искания Неру привели его на каком-то этапе к отказу

от своей концепции или обусловили переход на позиции последовательного материализма и диалектики, но можно сказать, что названная особенность его миросозерцания усиливала стихийно материалистическую линию в его философско-исторической концепции, делая эту линию более ясной, более весомой, более значимой. Не приходится сомневаться, что именно эта линия его построений сделала всю его концепцию важным звеном развития индийской философско-исторической мысли.

¹ «J. Nehru's Speeches», vol. I, Calcutta, 1958, стр. 357.

² Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 225—228.

³ Здесь использован термин акад. Г. П. Францова (См. «Исторические пути социальной мысли», М., 1965, стр. 21 и сл.).

⁴ J. Nehru, Glimpses of World History, New Delhi, 1967.

⁵ Так, очерки о позднесредневековой Индии («Бабур», «Ахмед бар», «Упадок и крах Могольской империи в Индии», «Сикхи и марахти») предваряются серией очерков, рисующих основные события, которые совершаются в тот же или более ранний период в Европе («Европа в смятении», «Ренессанс», «Восстание протестантов и крестьянская война», «Самодержавие в Европе XVI—XVII вв.», «Битва Нидерландов за свободу», «Англия обезглавливает своего короля»). Вслед за названными очерками индийской серии вновь идут очерки, посвященные событиям европейской истории («Битва идей в Европе XVIII в.», «Европа накануне великих перемен», «Появление большой машины», «Индустриальная революция начинается в Англии»). Затем вновь идут очерки об Индии — теперь уже периода XVIII—XIX вв. и т. д.

⁶ «J. Nehru's Speeches», vol. III, Delhi, 1958, стр. 474.

⁷ J. Nehru, Glimpses..., стр. 360.

⁸ «J. Nehru's Speeches», vol. III, стр. 421.

⁹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 15.

¹⁰ Там же, стр. 15, 17, 18.

¹¹ Там же, стр. 17.

¹² Дж. Неру, Внешняя политика Индии, М., 1965, стр. 35—36.

¹³ «J. Nehru's Speeches», vol. II, Calcutta, 1954, стр. 378.

¹⁴ Там же, стр. 433.

¹⁵ J. Nehru, Glimpses..., стр. 8.

¹⁶ «J. Nehru's Speeches», vol. III, стр. 414.

¹⁷ J. Nehru, Glimpses..., стр. 6.

¹⁸ «J. Nehru's Speeches», vol. II, стр. 161.

¹⁹ «J. Nehru's Speeches», vol. II, стр. 433.

²⁰ «J. Nehru's Speeches», vol. III, стр. 472.

²¹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 560.

²² «J. Nehru on Socialism. Selected Speeches and Writings», New Delhi, 1964, стр. 13.

²³ «A Bunch of Old Letters Written Mostly to Jawaharlal Nehru and some Written by him», Bombay, 1960, стр. 131.

²⁴ Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 551.

²⁵ Там же, стр. 550.

²⁶ Там же, стр. 303—304.

²⁷ «J. Nehru on Socialism», стр. 25.

²⁸ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 56.

²⁹ J. Nehru, Glimpses..., стр. 565.

³⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 567.

³¹ «J. Nehru on Socialism», стр. 12.

³² Дж. Неру, Автобиография, стр. 567, 569.

³³ J. Nehru, Glimpses..., стр. 745.

³⁴ «J. Nehru on Socialism», стр. 13.

³⁵ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 15—16.

³⁶ Там же, стр. 16.

³⁷ Дж. Неру, Внешняя политика Индии, стр. 69.

³⁸ «J. Nehru's Speeches», vol. III, стр. 454.

³⁹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 185.

⁴⁰ J. Nehru, Glimpses..., стр. 60, 61.

⁴¹ «J. Nehru on Socialism», стр. 25—26.

⁴² Там же.

⁴³ См.: Дж. Неру, Автобиография, стр. 616.

⁴⁴ «J. Nehru's Speeches», vol. II, стр. 66.

⁴⁵ J. Nehru, Glimpses..., стр. 356—357.

⁴⁶ «J. Nehru's Speeches», vol. II, стр. 382.

⁴⁷ J. Nehru, Glimpses..., стр. 177, 178.

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ**

В своей книге «Открытие Индии» (1944) Неру вспоминал: «Шесть или семь лет назад один американский издатель предложил мне написать для сборника, который он готовил, статью о моем мировоззрении. Эта идея показалась мне заманчивой, но я колебался, и чем больше я над этим размышлял, тем меньше мне хотелось браться за перо»¹. Далее он сообщает, что так и не написал эту статью, потому что у него появились **сильные сомнения** и он не знал, в чем же сущность его мировоззрения.

Внешнеполитические взгляды Дж. Неру, составляющие часть его общего мировоззрения, тоже претерпели **некоторые изменения**, и попытаться проследить их — значит способствовать лучшему пониманию этого великого индийца, которого волновала судьба не только его народа, но и всего человечества.

Мировоззрение Дж. Неру начало складываться еще в период его учебы в Кембриджском университете, но определенный подход к проблемам международной жизни сформировался уже после того, как он, возвратясь на родину в 1912 г., включился в активную политическую деятельность. Когда разразилась первая мировая война, он весьма отрицательно отнесся к тому, что английские колонизаторы использовали в своих целях людские и материальные ресурсы Индии. Несколько позже такая позиция Дж. Неру получила признание и известную поддержку в Национальном конгрессе.

Надо сказать, что эта партия, целиком поглощенная внутрииндийскими делами, не уделяла надлежащего внимания событиям на международной арене, хотя и

1920 г. была принята резолюция о внешней политике, отражавшая стремление установить сотрудничество с соседними странами. В том, что с середины 20-х годов интерес конгрессистов к международным проблемам усилился, была немалая заслуга Неру. В конце 1926 г., будучи в Европе и узнав о созываемом в Брюсселе конгрессе угнетенных народов, он направил лидерам Индийского национального конгресса письмо с предложением принять в нем участие и был уполномочен представлять там свою партию.

В тот период Неру вдохновлялся идеей необходимости совместных действий угнетенных народов и левого крыла рабочего движения: «Становилось все более ясно, что борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности, и предпринять совместные действия»². Он стал членом созданной в Брюсселе Антиимпериалистической лиги, среди руководителей которой был Ромен Роллан; активное участие в деятельности Лиги принимали коммунисты. Брюссельский конгресс и заседания Комитета Лиги помогли Неру, как он сам впоследствии признавал, разобраться в некоторых проблемах колониальных и зависимых стран³.

Через несколько месяцев, в дни празднования десятилетия годовщины Октября, Дж. Неру приехал в Советский Союз. В Москве он встретился с Председателем ЦИК М. И. Калининым и народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным⁴. Суммируя позже свои впечатления от посещения СССР и ознакомления с его экономической политикой, он писал: «В то время, когда остальной мир задыхался в тисках депрессии и в некоторых отношениях возвращался вспять, в советской стране на наших глазах созидался новый большой мир. Следуя заветам великого Ленина, Россия заглянула в будущее и думала только о том, что должно быть, тогда как другие страны лежали придавленные мертвой рукой прошлого и тратили свои силы на то, чтобы сохранить бесполезные реликвии минувшей эпохи. На меня, в частности, произвели сильное впечатление сообщения о больших успехах, достигнутых при советской власти в отсталых районах Средней Азии. Поэтому в конечном счете я был всецело на стороне России; существование и пример Советского

Союза были светлым и отрадным явлением в темном и мрачном мире»⁵.

Такое отношение Дж. Неру к Советскому Союзу явилось в конце 20-х — начале 30-х годов одним из главных факторов, определявших его подход к вопросам внешней политики.

Анализируя борьбу на международной арене и подчеркивая стремление Англии ослабить и сокрушить первое в мире социалистическое государство, Неру указывал: «Трения, которые наблюдаются сегодня, — это трения между Англией и Россией, а не между Индией и Россией». И далее: «Мы должны решительно сказать, что не намерены быть пешками в империалистической игре Англии, пешками, которые можно двигать куда вздумается»⁶. Заявление, что Индия не будет участвовать в империалистической войне, и требование ни при каких обстоятельствах не принуждать ее к вступлению в какую бы то ни было войну вошли в качестве основных положений в резолюцию, принятую Конгрессом в конце 1927 г., по существу первую резолюцию, с которой начал определяться его внешнеполитический курс. В последующие годы эти положения неоднократно подтверждались Национальным конгрессом и стали главными принципами его внешней политики в предвоенный период.

Приход Гитлера к власти в Германии, агрессия фашистской Италии против абиссинского народа и события в Испании вызвали у Неру ненависть к нацизму и фашизму; в них он видел воплощение того самого империализма, против которого вел борьбу индийский народ. Одним из характерных фактов этого периода в жизни Неру явился его отказ от встречи с Муссолини, когда Неру в марте 1936 г. возвращался на родину из Швейцарии через Рим⁷. Но зато летом 1938 г. он отправился в борющуюся Испанию, где встречался с премьер-министром и другими членами республиканского правительства, с командующим войсками генералом Листером, бойцами и командирами Интернациональной бригады.

Выполняя просьбу министра иностранных дел Альвареса дель Вайо, с которым имел беседу в Женеве, он сразу же по возвращении в Индию организовал отправку в Испанию судов с продовольствием⁸.

Осенью того же года Неру побывал в Лондоне, Париже, Женеве, Судетской области, Праге, наблюдая за событиями, позволившими нацистской Германии начать перекраивать карту Европы. Он получил возможность следить за действиями западных держав, попустительством Гитлеру. Неру пытался убедить лидера лейбористской партии К. Эттли и других политических деятелей Англии в необходимости дать отпор нацизму, но они отговаривались тем, что нужно-де «принимать в расчет многие иные (!) соображения». На подобные рассуждения Неру ответил в английской газете «Манчестер Гардиан» от 8 сентября 1938 г. статьей, в которой писал: «Мы в Индии не хотим ни фашизма, ни империализма и больше, чем когда-либо, убеждены, что они сродни друг другу и угрожают свободе и миру во всем мире. *Индия с негодованием отвергает внешнюю политику Англии и не будет соучастником последней.* Мы приложим все силы, чтобы разорвать путы, связывающие нас с этим столпом реакции... Если начнется война, английский народ будет неизбежно втянут в нее. Каким образом тогда нынешнее английское правительство, проявляющее *неизменные симпатии к фашистскому и нацистскому государствам*, будет способствовать делу демократии и свободы? До тех пор пока у власти находится это правительство, фашизм всегда будет стоять на пороге Англии (курсив мой.— Авт.)»⁹. Опубликование статьи, разоблачавшей профашистскую политику английского правительства (причем критика шла от пребывавшего в Англии бесправного индийца), было актом большого личного мужества Дж. Неру.

Известный канадский историк М. Бречер указывает, что с середины 30-х годов Неру считался в Конгрессе признанным авторитетом по международным делам и играл главную роль в определении внешнеполитической линии партии: «Ни один человек в Конгрессе или правительстве, даже сардар Патель, не оспаривал когда-либо права Неру осуществлять контроль в этой сфере»¹⁰. Так было, например, в 1938 г., когда Национальный конгресс послал в Китай отряд врачей с необходимыми оборудованием и материалами. И хотя тогдашний председатель Конгресса не одобрял каких-либо мероприятий, направленных против Японии, Германии или Италии, он, учитывая настроения в партии и Индии вообще, не

воспротивился этому проявлению солидарности с жертвой агрессии японского империализма¹¹.

Представляется, что приведенная оценка М. Бречера справедлива для предвоенных и послевоенных лет: в годы второй мировой войны разногласия Дж. Неру с М. К. Ганди по вопросам внешней политики принимали подчас весьма острый характер. Ганди вплоть до августа 1942 г. утверждал, что Индия ни при каких обстоятельствах не должна участвовать в войне. Неру же после начала войны, принимая во внимание ее характер, пришел к выводу, что Индия может выступить вместе с Англией и другими государствами против фашистских держав при условии признания ее политической независимости. Именно эта точка зрения Неру получила отражение в заявлении Рабочего комитета Конгресса, принятом 14 сентября 1939 г., вскоре после того, как английский вице-король объявил Индию (без согласия ее народа) воюющей стороной. В заявлении говорилось: «Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, она непременно должна покончить с империализмом в своих собственных владениях... Свободная демократическая Индия с радостью объединится с другими свободными странами ради совместной обороны от агрессии и в целях экономического сотрудничества». Рабочий комитет призывал английское правительство «недвусмысленно заявить, каковы его цели в этой войне в отношении демократии, империализма и предполагаемого нового порядка и, в частности, как эти цели будут распространены на Индию и осуществлены в настоящем»¹².

Несмотря на то что Англия игнорировала этот призыв, в Конгрессе начались споры между Дж. Неру, А. К. Азадом и некоторыми другими руководителями партии, с одной стороны, и М. К. Ганди — с другой: он настаивал на своей пацифистской позиции. В 1940 г. эти споры обострились настолько, что едва не привели к коллективной отставке большинства членов Рабочего комитета партии¹³.

Еще более серьезные разногласия возникли в Конгрессе в первой половине 1942 г. Они были вызваны угрозой военного вторжения Японии в Индию. Ганди решительно заявил, что если японская армия и вторгнется в пределы Индии, то она придет сюда не как

наш враг, а как враг англичан»¹⁴. На этот раз большинство руководителей Конгресса пошло за М. К. Ганди, и только Дж. Неру и Абул Калам Азад считали, что в случае вступления японцев на индийскую землю народ должен оказать им сопротивление всеми имеющимися средствами.

Разгром нацистской Германии и милитаристской Японии во второй мировой войне привел к общему ослаблению реакции на международной арене, к изменению соотношения сил в пользу борцов за свободу и демократию. В Индии начался мощный подъем национально-освободительного движения. Перед Конгрессом встала задача выработать свою внешнеполитическую линию, учитывая новые условия международной жизни и близкую перспективу превращения партии в правящую. Первая попытка определить внешнеполитический курс Индии была сделана Дж. Неру в его беседе с Б. Шива Рао после возвращения последнего из Сан-Франциско, с конференции, учредившей Организацию Объединенных Наций¹⁵.

В начале беседы Неру сказал, что если ООН окажется неэффективной организацией, то в ближайшем будущем станет возможным создать Азиатскую федерацию для «совместной защиты от внешней агрессии» и против «экономического проникновения». Исходя из старых культурных связей азиатских и африканских народов, Дж. Неру почти с уверенностью предсказывал реальность образования «тесного союза стран, прилегающих к Индийскому океану, как для обороны, так и в целях торговли». Он заявил также, что эти страны будут «сотрудничать в области внешней политики».

В конце беседы Неру сделал упор уже не на «возможность», а на «вероятность» созыва конференции для обсуждения выдвинутой им идеи. Причем местом встречи он назвал Индию. Хотя Дж. Неру подчеркнул, что конференция не будет направлена против Америки, какой-либо другой державы или группы держав, идея создания Азиатской федерации имела столь выраженный антиимпериалистический и антиколониальный характер, что этого не могли скрыть никакие оговорки¹⁶.

Эта беседа знаменательна тем, что попытка определить внешнеполитический курс новой Индии связывалась с предложением о военно-политическом союзе

стран бассейна Индийского океана. От подобной идеи, как мы увидим, Неру вскоре отказался. Но пока, в первые месяцы 1946 г., он весьма активно занялся осуществлением плана созыва конференции: во время поездки в Бомбей собрал 100 тыс. рупий для покрытия расходов по ее организации, во время посещения стран Юго-Восточной Азии заручился поддержкой лидеров национально-освободительного движения — Аун Сана в Бирме, Сукарно в Индонезии и т. д.¹⁷ И в дальнейшем, несмотря на огромную занятость, он уделял большое внимание работе по подготовке к конференции.

Поскольку в Индии и ряде других азиатских государств еще шла борьба за политическую независимость, а африканские народы только начинали подниматься на борьбу, было решено: а) пригласить на конференцию лишь азиатские страны и назвать ее Конференцией по отношениям между странами Азии, б) проводить конференцию не на правительственном уровне, а с участием ученых и представителей общественности, в) поручить работу по подготовке конференции созданной за три года до того неправительственной организации по изучению международных проблем — Индийскому совету по международным отношениям¹⁸.

Следует отметить, что в первых проектах повестки дня важнейшее значение придавалось проблеме совместной обороны азиатских стран. Так, в начале мая 1946 г. один из влиятельных членов этого Совета, уже упоминавшийся Б. Шива Рао, излагая соображения Неру в письме Организационному комитету по подготовке конференции, указывал, что «центральное место должен занимать вопрос обороны и безопасности района Индийского океана». В соответствии с этим в предварительной повестке дня из восьми пунктов он стоял первым. Однако в письме Совета от 27 мая 1946 г., извещавшем о повестке дня конференции, этот вопрос уже не упоминался¹⁹. Позже в ее протоколах и документах давалось объяснение: «Вопросы обороны были исключены потому, что безопасность Азии тесно связана с всемирной безопасностью, а дискуссия по данной проблеме без участия представителей США, СССР и Англии была бы нереалистичной»²⁰.

Индийский исследователь международных отношений Г. Х. Джансен, выразив вполне понятное удивление

по поводу того, что Дж. Неру не увидел упомянутую «нереалистичность» раньше, считает, что изменение его позиции, возможно, определяется чувством ответственности в связи с его приходом к власти²¹.

С такого рода трактовкой позиции индийского лидера вряд ли можно согласиться, хотя бы уже потому, что пост вице-председателя Исполнительного совета при вице-короле Индии (а фактически главы Временного правительства Индии) он занял три месяца спустя. Представляется более вероятным, что в мае 1946 г., когда в острой борьбе решался вопрос об условиях «передачи власти Индии», Неру начал надеяться на возможность получения американской поддержки против старой колониальной владычицы — Англии и во имя этого решил отказаться от идеи совместной обороны азиатских стран.

Основные принципы внешней политики самостоятельной Индии Неру в качестве главы Временного правительства изложил в своем выступлении по радио Дели 7 сентября 1946 г. Он заявил, что Индия намерена держаться в стороне от противостоящих друг другу группировок государств и будет стремиться к установлению дружественных отношений со всеми странами, прежде всего Азии. Он подчеркнул, что его родина особенно заинтересована в освобождении колониальных и зависимых стран и полностью отвергает расистскую доктрину, где бы и в какой форме она ни применялась²².

Этот внешнеполитический курс, главным содержанием которого был в то время отказ от участия в военных блоках, имел целью обеспечить независимое национальное развитие Индии.

Чтобы должным образом понять значение первой внешнеполитической декларации индийского Временного правительства, следует вспомнить, что она была обнародована полгода спустя после речи Уинстона Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., положившей начало «холодной войне». Черчилль, как известно, предложил создать англо-американский военный союз для борьбы с «восточным коммунизмом». На его призыв немедленно откликнулись реакционные силы в США и других странах, и на Западе развернулась лихорадочная деятельность по сколачиванию антисоветского блока и подготовке третьей мировой войны.

В этих условиях трудно переоценить выдвинутые

Дж. Неру принципы внешней политики, тем более что Индия явилась первым государством в мире, провозгласившим новый в истории международных отношений курс, известный сейчас под названием «политики неприсоединения».

Советское правительство положительно отнеслось к декларируемому Дж. Неру курсу политики, и вскоре между СССР и Индией стали налаживаться внешнеполитические контакты. На второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1946 г. у индийской и советской делегаций выявилось много общего в подходе к таким проблемам, как единогласие великих держав, вывод английских войск из Греции, членство в ООН и др. Недаром руководитель индийской делегации сделал заявление, что сотрудничество с СССР было более плодотворным, чем с Англией или США, ибо «советский подход к основным проблемам отличался большим либерализмом»²³. Все это вызвало тревогу в определенных кругах Запада. Джон Ф. Даллес, являвшийся тогда представителем США в Совете по опеке ООН, даже утверждал, что «советский коммунизм через Временное правительство оказывает сильное влияние на Индию»²⁴.

Дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены 13 апреля 1947 г., т. е. за четыре месяца до завоевания страной политической независимости. Тем самым Советский Союз продемонстрировал свое сочувствие и поддержку индийскому народу, боровшемуся за освобождение от колониального угнетения и создание суверенного государства.

В первые годы независимости политика Индии была довольно неопределенной. Это признавал и сам Неру, который сказал: «Обсуждая вопросы внешней политики, парламент должен помнить, что она — не просто ход шахматной доски... В конце концов внешняя политика — результат экономической политики, и до тех пор, пока Индия должным образом не определит последнюю, ее внешняя политика будет довольно неопределенной»²⁵.

Многие обстоятельства ограничивали возможности проведения внешнеполитического курса, провозглашенного в сентябре 1946 г., — раздел Индии на религиозной основе, нанесший колоссальный ущерб ее экономике, зависимость от иностранного капитала и т. п. И все

же такие факты, как созыв в Дели в марте 1947 г. Конференции стран Азии, а в январе 1949 г. — Конференции по Индонезии, отношение индийского правительства к войне в Корее в 1950—1953 гг. и др., показали, что оно предпринимало положительные шаги для претворения в жизнь принципов, декларируемых Дж. Неру. Особенно важным было то, что он считал колониализм одной из главных опасностей миру и выступал против западного вмешательства в дела азиатских государств.

Так, открывая Конференцию по отношениям между странами Азии, он сказал: «Слишком долго Азия была просительницей в западных судах и канцеляриях. Теперь это должно отойти в прошлое. Мы намерены твердо стоять на собственных ногах и сотрудничать как равные с равными со всеми, кто готов сотрудничать с нами. Но мы не намерены быть игрушкой в чьих бы то ни было руках»²⁶.

В ряде публичных выступлений, в частности на сессиях ООН, Неру подчеркивал, что при решении проблем азиатских стран необходимо принимать во внимание азиатскую точку зрения. При этом он указывал, что их объединяет не только положение на географической карте, но и общность судеб. В своей речи на заседании Индийского совета по международным отношениям 22 марта 1949 г. Дж. Неру перечислил некоторые факторы, сплачивающие эти страны: прошлый опыт колониального порабощения, совершающийся в них процесс становления, опасения, что завоеванная свобода может быть снова утрачена, общие экономические нужды²⁷.

Общность интересов государств Азии в борьбе против колониализма продемонстрировала созданная по инициативе Индии Конференция по Индонезии, в которой участвовали официальные представители ряда азиатских стран, а также Австралии и Новой Зеландии. Конференция осудила голландскую агрессию, потребовала освобождения арестованных членов правительства Индонезийской республики и других политических заключенных, вывода голландских войск и нормализации путем переговоров отношений между двумя государствами²⁸. Резолюция была тотчас передана по телеграфу Совету Безопасности. Его решение от 28 января 1949 г. показало, как мало западные державы считались тогда с азиатскими странами, тем не менее конференция сыграла по-

ложительную роль: способствовала признанию в дальнейшем независимости Индонезии.

Определенный вклад внесла Индия и в урегулирование корейского конфликта. Правда, в первые месяцы Дж. Неру и другие члены правительства, убежденные в том, что война началась в результате «агрессии с севера», поддерживали «позицию ООН» (фактически позицию США), однако политика американского правительства на Дальнем Востоке и методы ведения им войны в Корее вызывали все большую тревогу в Индии, и ее правительство публично отмежевало от «корейской политики» США. В своей речи в индийском парламенте в июне 1952 г. Дж. Неру сделал заявление, получившее широкий международный резонанс: «Мы никогда не признавали правительства Южной Кореи... Тем не менее, поскольку мы являемся членами Объединенных Наций, а Объединенные Нации действуют в Южной Корее, мы косвенным образом несем ответственность за то, что там происходит. Недавние события, связанные с деятельностью президента Ли Сын Мана, весьма примечательны. Я считаю, что они должны заставить Организацию Объединенных Наций и каждую страну, входящую в нее, подумать о нежелательности какого-либо союза с лицом, подобным Ли Сын Ману... Любая поддержка его режима означает поддержку таких акций, которым Объединенные Нации, как предполагается, должны противостоять»²⁹.

К весне 1952 г. на переговорах о перемирии в Корее (начавшихся после выступления 23 июня 1951 г. постоянного представителя СССР при ООН Я. Малика) было достигнуто соглашение почти по всем вопросам, но затем переговоры зашли в тупик: США и их союзники под предлогом «свободы выбора» хотели задержать корейских и китайских военнопленных. 17 ноября 1952 г. индийская делегация внесла в ООН проект резолюции о передаче военнопленных в распоряжение Комиссии нейтральных стран на период проведения разъяснительных бесед. Именно это предложение позволило в дальнейшем выйти из тупика, и 27 июля 1953 г. было наконец подписано соглашение о перемирии. Индия возглавляла Комиссию нейтральных стран по репатриации военнопленных и охраняла их в течение периода проведения разъяснительных бесед.

При всем том следует подчеркнуть, что в первые годы независимости Индии Дж. Неру еще питал иллюзии, связанные с надеждой обеспечить своей стране необходимые мирные условия лишь путем воздержания от участия в военных блоках. Не утратил он и веру в возможность заручиться американской поддержкой против старых колониальных держав. Жизнь, однако, довольно скоро развеяла эти иллюзии. Логика развития событий привела к тому, что политика неучастия в блоках объективно все более направлялась против тех, кто сколачивал такие блоки. Это особенно ясно показали международные события 1954 г.

26 апреля в Женеве открывалась конференция, на которой должен был обсуждаться вопрос о прекращении войны в Индокитае. За два дня перед этим премьер-министр Индии выступил в парламенте с речью, в которой выдвинул программу установления мира в Индокитае, состоявшую из шести пунктов и предусматривавшую немедленное прекращение огня, предоставление Францией независимости странам Индокита и соглашение о невмешательстве великих держав в их дела³⁰. Эти предложения были положены в основу Совместного коммюнике конференции пяти стран в г. Коломбо 29 апреля—2 мая 1954 г. Оно прозвучало как «голос Азии» и было доведено до сведения участников Женевской конференции. В Женеву, хотя Индия формально не участвовала в конференции, был послан личный представитель Неру В. К. Кришна Менон. Его идея сопредседательства на Конференции представителей СССР и Англии, а также сотрудничество с советской делегацией и неофициальные встречи с делегациями других государств во многом способствовали успеху переговоров. В результате 21 июля 1954 г. были подписаны Женевские соглашения, и после восьмилетней войны в Индокитае наступил мир. Для контроля за осуществлением соглашений о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже были назначены международные комиссии из представителей Индии, Канады, Польши и под председательством Индии. Это было международным признанием ее заслуг.

Вскоре после подписания Женевских соглашений 8 сентября 1954 г. на конференции в Маниле был создан агрессивный блок СЕАТО. Выступая в Народной пала-

те индийского парламента три недели спустя, Дж. Неру говорил: «Этот СЕАТО, или СЕАДО, — как бы там его ни называли — имеет любопытный аспект... В договоре то и дело встречается ссылка на район его обороны. Район не только охватывает территории стран — участниц договора, но и выходит за их пределы. Он может определяться самими этими странами: достаточно им просто заявить, что такое-то место тоже относится к их району. Я считаю подобное, расширенное толкование понятия обороны опасным»³¹. Далее Неру указал на следующее: «Можно понять, когда в оборонительном договоре упоминается внешняя агрессия, но здесь предусматриваются факт или ситуация, возникшие в конкретном районе и могущие дать основание для вмешательства. Обратите внимание, речь идет не о вторжении извне. Любое событие в конкретном районе также может послужить этим странам основанием для вмешательства. Ведь это есть не что иное, как угроза неприкосновенности, суверенитету и независимости стран этого района»³².

Политика империалистических держав, придвинувшая военную опасность к границам Индии, показала Неру, что одного неучастия в блоках еще недостаточно, чтобы обеспечить условия, жизненно необходимые для преодоления тяжелого наследия колониализма и экономической отсталости. В соответствии с этим курс неучастия в блоках был заменен политикой «позитивного нейтралитета». Под этим подразумевался нейтрализм, сопровождающийся практическими действиями, направленными на сохранение мира во всем мире, т. е. неучастие в блоках, сочетающееся с активными выступлениями против создания империалистических военных союзов, за всеобщее разоружение и ликвидацию колониализма. Заслуги Дж. Неру в формулировании основ данной политики и особенно в разработке пяти принципов мирного сосуществования государств общеизвестны.

В Индии этот факт, а порой и внешнюю политику страны вообще интерпретируют как претворение в жизнь учения М. К. Ганди о ненасилии. Такое истолкование дал несколько лет назад выпущенный в Дели правительственный бюллетень³³. Упомянувшийся уже М. Бречер тоже связывает проводившуюся Неру внешнюю политику с «применением гандистских принципов в

сфере международных отношений»³⁴. Между тем подобную точку зрения опровергал сам Дж. Неру. В беседе с французским историком Тибором Менде он подчеркнул важность борьбы всеми возможными средствами против империалистических захватов и угнетения. Он сказал: «Я признаю, что при определенных обстоятельствах каждый должен бороться. Это зависит меньше от теории, чем от исторического опыта народа, а также от того, что он может сделать. Даже Ганди, великий пацифист, всегда говорил, что лучше бороться, чем поддаваться страху, что лучше начать насильственные действия, чем бежать прочь. Он считал, что не должно уступать злу, основному злу, и что бороться нужно предпочтительно мирным путем. Если вы не можете сделать этого, тогда боритесь вооруженным путем, но не уступайте злу»³⁵.

Дж. Неру понимал, что следовать избранному внешнеполитическому курсу Индия может, только опираясь на дружбу с Советским Союзом и другими странами, искренне стремящимися к ликвидации империалистических методов в международных отношениях и недопущению новой мировой войны. Он активно выступал за сохранение всеобщего мира, призывал к разоружению и в качестве первого шага к прекращению испытаний ядерного оружия, остро критиковал США за политику «с позиции силы»³⁶. Поэтому, когда он заявил, что проводимая его правительством внешняя политика является не негативной, а позитивной, динамичной политикой и что «имя Индии ассоциируется с миром»³⁷, это соответствовало действительности.

Осуществляя политику «позитивного нейтралитета», Индия завоевывала все больший авторитет на международной арене. Уже на Бандунгской конференции в 1955 г. она была одним из признанных лидеров нейтралистских государств. Ее примеру последовали многие страны Азии и Африки, а позже и отдельные страны Латинской Америки. Весьма знаменательно, что декларирование политики «позитивного нейтралитета» (примерно с 1958 г. ее начали чаще называть «политикой неприсоединения к блокам», или «неприсоединением») стало общим правилом для стран, освобождавшихся от колониальной зависимости, и зачастую первой акцией молодых суверенных государств на международной арене.

Но, вероятно, самым внушительным свидетельством всеобщего признания идей Неру было принятие Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1957 г. Декларации о мирном сосуществовании. Даже те государства, которые руководствуются иными принципами внешней политики, вынуждены были считаться с мировым общественным мнением и не посмели голосовать против.

Надо сказать, что политика неприсоединения имеет по сравнению с классическим нейтралитетом некоторых европейских государств важные особенности. Неприсоединение — это курс, определяющий всю внешнеполитическую деятельность государства и его систему отношений с другими государствами, в том числе в мирное время, а не только политику после возникновения военных действий.

Чем же объяснить заинтересованность растущего числа государств в политике неприсоединения? Авторы статей в сборнике под редакцией известного индийского историка-международника К. П. Карунакарана «Вне соперничества. Изучение неприсоединения и внешней политики некоторых неприсоединившихся государств» указывают в качестве основных причин такие: опасения молодых суверенных государств, что западные державы попытаются восстановить свое господство, необходимость мирных условий существования для ликвидации экономической отсталости, являющейся результатом долгих лет колониального угнетения, соответствие курса неприсоединения мировоззрению «средних классов», возглавлявших национально-освободительное движение и пришедших к власти после завоевания независимости³⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с перечисленными причинами, можно предлагать иные объяснения, главное не в этом. Самым важным представляется то, что Неру с его глубокими знаниями мировой истории и пониманием жизненных интересов индийского народа, формулируя принципы политики неприсоединения, сумел выразить чаяния широких масс индийского народа и народов других стран. У него были все основания заявить (на 62-й сессии Национального конгресса в 1957 г.), что политика неприсоединения должна сохраняться и в будущем, ибо имеет глубокие корни.

Нельзя не заметить, однако, что примерно в 1959 —

1963 гг. индийские представители в ООН и на международных форумах выступали менее активно, не всегда проявляли твердость в отстаивании принципов мирного сосуществования, не разоблачали с прежней последовательностью происки колонизаторов. Эта эволюция, как нам кажется, определялась рядом факторов: ростом зависимости планов экономического развития Индии от займов и кредитов США и других западных держав, расширением сотрудничества индийской буржуазии с иностранными монополиями, усилением нажима на правительство Индии сил реакции и пр. Но наиболее отрицательное влияние оказали обострение китайско-индийских отношений, приведших к ряду пограничных столкновений в указанный период, и вызванная этим большая заинтересованность Индии в поставках оружия из США и Англии.

Тем не менее при жизни Дж. Неру политика неприсоединения, несмотря на военное, дипломатическое, экономическое и внутривнутриполитическое давление, выдержала все испытания. В своей речи в Народной палате парламента 13 апреля 1964 г. премьер-министр Неру сказал, что политика неприсоединения не только оправдала себя в прошлом, но представляется еще более желательной в настоящее время³⁹. Это была его последняя речь по международным вопросам, и потому она может рассматриваться как своего рода завещание по внешней политике страны.

Внезапная кончина Дж. Неру 27 мая 1964 г. вызвала глубокую скорбь всех честных людей. Советский народ чтит память Неру не только как великого руководителя индийского народа в его борьбе за свободу, крупного ученого, историка и философа, но и как творца политики неприсоединения.

С того времени, когда была разработана и стала проводиться политика неприсоединения Индии, многое изменилось в мире. Огромных успехов достигла мировая система социализма, и увеличились возможности ее помощи национально-освободительному движению. Вместе с тем империализм не прекращает попыток подавить освободительную борьбу народов Азии, Африки и Латинской Америки. Расхождения между мировым коммунистическим движением и курсом группы Мао Цзэ-дуна и ухудшение китайско-советских отноше-

ний оказывают определенное влияние на силы, противостоящие империализму, в том числе и на неприсоединившиеся страны, ослабляют единый фронт борьбы против империализма. По отношению к Индии и другим соприкасающимся странам маоисты занимают открыто недружественную позицию.

Международные события, происшедшие за годы после кончины Неру, показали, что, хотя политика неприсоединения дала Индии возможность остаться в стороне от военных блоков, сам по себе статус неприсоединившейся страны не гарантировал ее от военных конфликтов. Не уменьшилось и военно-политическое давление Китая на Индию. Все это сделало особенно актуальной проблему укрепления обороны страны, что, в свою очередь, породило ряд новых сложностей: отвлечение ресурсов, предназначавшихся для ликвидации экономической отсталости, необходимость получения помощи, не связанной с военно-политическими обязательствами, и др. В решении этих сложных проблем Индия встретила полную поддержку Советского Союза.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев сказал: «Проведение правительством Индии миролюбивого, независимого курса в международных делах, чувства дружбы, традиционно связывающие народы обеих стран, — все это содействует углублению советско-индийского сотрудничества».

9 августа 1971 г. был подписан Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией. Он подвел прочную политическую и правовую базу под их стремление к развитию взаимовыгодных экономических, торговых, культурных и научных связей. Как отметил министр иностранных дел Индии Сваран Сингх в Народной палате парламента, этот договор послужит стабилизирующим фактором в деле сохранения мира и безопасности. «Я хочу, — добавил министр, — еще раз подчеркнуть, что этот договор в полном смысле слова является мирным договором. Он подтверждает нашу политику неприсоединения».

Договор открыл новые перспективы и в развитии двусторонних отношений и в решении задач укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире. Именно глобальная заинтересованность в этом Индии и СССР обусловила включение в него статьи IX, которая предусматри-

вает взаимные консультации в случае, если любая из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, консультации в целях устранения такой угрозы.

Отмечая значение Договора как важнейшего фактора мира, Центральный секретариат Коммунистической партии Индии в опубликованном 10 августа 1971 г. заявлении указал: «Этот договор будет служить мощным оружием поддержки всех подлинных борцов за национальную независимость, социальный прогресс и мир в Азии. Он будет способствовать изоляции сообщников империализма»⁴⁰.

Время, прошедшее с момента заключения советско-индийского договора, принесло убедительное свидетельство его благотворного влияния не только на развитие межгосударственных отношений СССР и Индии, но и на международный климат. Для всех стало очевидным, что договор не направлен против какой-либо третьей страны и что Советский Союз является принципиальным сторонником налаживания добрососедских отношений между Индией, Пакистаном и Народной Республикой Бангладеш.

Дальнейшее упрочение советско-индийских отношений будет лучшим памятником великому сыну Индии, большому другу советского народа Джавахарлалу Неру.

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 19.

² Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 180.

³ Там же, стр. 182.

⁴ F. Moraes, Jawaharlal Nehru. A Biography, New York, 1956, стр. 118.

⁵ Дж. Неру, Автобиография, стр. 383.

⁶ F. Moraes, Jawaharlal Nehru..., стр. 120.

⁷ Дж. Неру, Автобиография, стр. 627.

⁸ F. Moraes, Jawaharlal Nehru..., стр. 271.

⁹ Там же, стр. 272—273.

¹⁰ M. Brecher, J. Nehru: A Political Biography, London, 1956, стр. 565.

¹¹ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 459.

¹² Там же, стр. 465—466.

¹³ Абул Калам Азад, Индия добивается свободы, М., 1961, стр. 77—78.

¹⁴ Там же, стр. 126.

¹⁵ В связи с тем что официальная «делегация Индии» состояла из назначенных английскими властями лиц (более того, секретарь делегации и советник по военным вопросам были англичане), Национальный конгресс направил в Сан-Франциско неофициальную деле-

гацию — г-жу Виджая Лакшми Пандит (сестру Дж. Неру) и Б. Шива Рао.

¹⁶ Ее запись была опубликована в декабре 1945 г. индийской газетой «Хинду» и английской «Манчестер Гардиан». Приводится по: G. H. Jansen, *Afro-Asia and Non-Alignment*, London, 1966, стр. 42—43.

¹⁷ Там же, стр. 43.

¹⁸ Позже было решено пригласить также наблюдателей от правительств стран-участниц, однако в действительности на самой конференции в марте 1947 г. многие делегации включали только официальных представителей. В составе индийской делегации, например, было шесть членов Временного правительства, сформированного 1 сентября 1946 г. Всего на конференции присутствовали посланцы 32 стран, в том числе советских среднеазиатских республик.

¹⁹ G. H. Jansen, *Afro-Asia and Non-Alignment*, стр. 48.

²⁰ «Indian Council of World Affairs. Asian Relations: Proceedings and Documentation of the First Asian Relations Conference», New Delhi, 1948, стр. 4.

²¹ G. H. Jansen, *Afro-Asia and Non-Alignment*, стр. 49.

²² Дж. Неру, Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1946—1964, М., 1966, стр. 31.

²³ «Hindu», 11.XII.1946.

²⁴ «New York Herald Tribune», 18.I.1947.

²⁵ J. Nehru, *Independence and After. A Collection of Speeches*, 1946—1949, New York, 1950, стр. 201.

²⁶ Дж. Неру, Внешняя политика Индии, стр. 52—53.

²⁷ J. Nehru, *India's Foreign Policy*, New Delhi, 1961, стр. 261.

²⁸ G. H. Jansen, *Afro-Asia and Non-Alignment*, стр. 408—411.

²⁹ «J. Nehru's Speeches, 1949—1953», Delhi, 1954, стр. 225.

³⁰ «Parliamentary Debates. House of the People», April 24, 1954, vol. IV, № 2, cols. 5579—5582.

³¹ J. Nehru, *India's Foreign Policy*, стр. 88.

³² Там же, стр. 89.

³³ «Indian and Foreign Review», Delhi, 1967, № 8, стр. 9.

³⁴ M. Brecher, *J. Nehru: A Political Biography*, стр. 564.

³⁵ T. Mende, *Conversations with Mr. Nehru*, London, 1956, стр. 7.

³⁶ J. Nehru, *India's Foreign Policy*, стр. 203—208, 210.

³⁷ Там же, стр. 79—80.

³⁸ «Outside the Contest. A Study of Non-Alignment and Foreign Policy of Some Non-Aligned Countries», New Delhi, 1963, стр. 29—31.

³⁹ «Lok Sabha Debates», 1964, vol. 29, № 49, col. 10711.

⁴⁰ «Правда», 11.VIII.1971.

С. И. Потабенко

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос отношения крупного государственного деятеля к различным проблемам экономики, политики, культуры всегда представляет известный интерес. Но особого внимания заслуживают взгляды человека, чье понимание общественных процессов и явлений отмечено глубиной суждения, обоснованностью выводов и практических действий.

Именно таким человеком был Дж. Неру. Влияние его на различные стороны общественно-политической жизни Индии было весьма значительным. Он обладал настоящей эрудицией, большим опытом общения с массами, пользовался огромной популярностью и авторитетом. Занимая пост премьер-министра, он стремился разработать и претворить в жизнь обширную программу социально-экономических и культурных преобразований.

Дж. Неру никогда специально не занимался теоретическими проблемами культуры, тем не менее в своих многочисленных письменных и устных выступлениях он высказал много интересных мыслей относительно становления и развития индийской культуры, ее традиций, места в истории мировой цивилизации.

Первые его впечатления, связанные с отдельными явлениями национальной культуры, складывались еще в раннем детстве. В памяти остались эпизоды и сюжеты из великих эпических поэм «Рамаяны» и «Махабхараты», мотивы песенного и сказочного фольклора. Отец и воспитатели старались знакомить его с шедеврами не только отечественной, но и арабо-персидской литерату-

ры и искусства. Позже длительное пребывание в Англии, где он получал образование, дало ему возможность глубже узнать культуру Запада. Иными словами, в детские и юношеские годы Дж. Неру испытал на себе воздействие различных культур — индийской, арабо-персидской, европейской. Это в немалой степени определяло широту его взглядов и позволило избежать субъективно-ограниченных оценок.

В своей общественно-политической деятельности Неру близко соприкоснулся с жизнью народа, о которой ранее имел довольно расплывчатое представление. Будучи одним из лидеров национально-освободительного движения, он много разъезжал по стране, посещал самые удаленные ее уголки и постепенно постигал духовное богатство народа, яркость и образность его мышления, мудрость и трезвость суждений об окружающем мире. «Я обнаруживал повсюду культурные богатства, которые оказывали огромное влияние на его (народа. — *Авт.*) жизнь, — вспоминал Неру. — Эти богатства представляли собой смесь народной философии, преданий, истории, мифов и легенд, и провести какую-либо разграничительную грань между ними было невозможно. Эти богатства были достоянием даже совершенно необразованных и неграмотных людей»¹.

Правда, в тех же поездках ему открылась картина вопиющей бедности, страданий, отсталости и темноты: «Жизнь была измята, изуродована... Слишком сильно давал себя чувствовать дух покорности, готовности мириться с существующим положением вещей»². Однако Неру не терял оптимизма. Он считал, что, несмотря на колониальное порабощение с его разрушительными последствиями, индийский народ сохранил огромные творческие потенции, стремился сбросить ярмо колониального рабства, преодолеть вековой застой и отсталость.

Неру стал все отчетливее осознавать важность решения проблемы поднятия культурного уровня подавляющего большинства населения, видя в этом одно из непременных условий реализации социально-экономических программ. Он писал: «...если мы хотели построить здание будущего Индии, прочное, надежное и красивое, мы должны были заложить фундамент на большой глубине»³. Значительное место Дж. Неру отводил развitiю культуры, от чего в немалой степени зависели

дальнейшие судьбы страны, ее движение по пути прогресса.

Изучение истории и современной жизни Индии, общение с широкими массами показали Джавахарлалу Неру, сколь сильны и живучи в ней культурные традиции. Символизируя в своей основе прошлое, они выступали как реальная действительность сегодняшнего дня и выражали непосредственную связь прошлого с современностью. Именно поэтому Неру уделял им много внимания даже тогда, когда размышлял о наиболее общих проблемах развития страны. Он предупреждал, что культурные традиции несут в себе немалый заряд консервативности, которая может оказывать сдерживающее воздействие на прогрессивные процессы. Там, где эта консервативность доминирует, говорил он, «мы станем пленниками прошлого, и какая-то часть его неподвижности переходит и на нас»⁴.

Особенную озабоченность его в плане негативного влияния отживающих традиций и институтов на индийское общество вызывало сохранение определенных устойчивых кастовой системы. Ее Неру характеризовал как огромное социальное зло и сравнивал со спрутом, который обвил своими щупальцами все области социальной жизни, включая и область духовной культуры. Применительно к последней он отмечал, что в ходе исторического развития «индивидуализм и кастовость превратились в настоящую тюрьму для разума нашего народа... наряду с ростом косности в кастовой системе росла и косность ума и убывала творческая энергия народа»⁵.

Критическому осмыслению подверг Дж. Неру одну из наиболее консервативных сфер духовной жизни страны — религиозные традиции. Свойственный ему рационализм не мог не побудить его рассмотреть эту проблему всесторонне, преодолевая распространенные в Индии представления о преимущественно спиритуалистическом характере ее культуры. Он отдавал должное рационалистическим и диалектическим элементам в таких древнеиндийских религиозно-философских системах, как веданта и буддизм, но выступал против догматического возведения этих систем в число определяющих компонентов культурного наследия.

Неру отвергал претензии брахманов на монополию в области знаний и эстетического воспитания и указы-

вал на крайне отрицательные результаты гиперболизации религии вообще и брахманского авторитета в частности. «Их учения (религиозные. — *Авт.*), — говорил он, — быть может, и хороши, но, когда они претендуют на то, что сказанное ими есть последнее слово, общество становится статичным»⁶.

Как рационалист, он резко осуждал любые попытки принижения роли человека в создании духовных ценностей. Именно в разуме видел он источник творческой деятельности, в результате которой возникли выдающиеся произведения искусства и литературы, подлинные сокровища культуры. Он писал: «Способность человеческого разума и духа подниматься на большие высоты и стараться затем подняться до этих высот других всегда казалась мне более замечательной и величественной, нежели превращение человека в глашатая божественной или высшей силы... Развитие разума и духа человека — вот что производит на меня впечатление и обнадёживает меня, а не использование человека в качестве агента для передачи (божественного. — *Авт.*) послания»⁷.

Критический в целом подход Неру к совокупности культурных ценностей прошлого помогал отбору в нем того положительного, что служило основой действительности и преимущества индийской культуры. «Наша жизнь загромождена сухостоем... прошлого; все, что умерло и сыграло свою роль, должно сойти со сцены. Но это не означает разрыва с тем в этом прошлом, что живет и способно дать жизнь новому, или забвения его»⁸.

Культура как сложное общественно-историческое явление не может, по мысли Неру, избежать чередования периодов подъема и упадка, однако она всегда содержит комплекс непреходящих ценностей, которые определяют ее поступательное развитие. «В жизни каждой цивилизации, — подчеркивал он, — не раз бывают периоды загнивания и распада... Но Индия преодолевала их и снова обретала молодость, иногда уходя на время в свою раковину и вновь появляясь, исполненная свежих жизненных сил. Всегда сохранялось некое динамическое ядро, которое могло обновляться благодаря новым связям и развиваться вновь, несколько отличное от прошлого и все же тесно с ним связанное»⁹.

Чрезвычайно занимала Джавахарлала Неру проблема внешних воздействий на развитие национальной культуры. Он отдавал себе ясный отчет в том, что изоляция неизбежно ведет к застою и ограниченности и что, напротив, взаимообобщение и расширение контактов способствуют духовному обогащению народа, более глубокому восприятию мира. При этом величие и самобытность отечественной культуры ни в какой мере не умалялись. «Мы являемся гражданами не какой-нибудь жалкой страны, — писал он, — мы гордимся своей родиной, своим народом, своей культурой и традициями. Эта гордость не должна относиться к романтическому прошлому, за которое мы хотели бы цепляться, не должна она также и поощрять замкнутость или вести к недооценке иных укладов жизни, отличающихся от нашего... Нам предстоит еще пройти долгий путь и многое навестать, прежде чем мы сможем занять подобающее место в ряду с другими в авангарде человеческой цивилизации и прогресса»¹⁰.

Рассматривая эту проблему в ретроспективном плане в связи с проникновением в страну мусульманских завоевателей, он стремился объективно оценить их роль в складывании общеиндийской культуры. Их политическое и культурное закрепление на индийской почве Неру трактовал не как результат некоей агрессивности, присущей исламу, а прежде всего как результат ослабления самой индийской цивилизации. «Цивилизация приходит в упадок в значительно большей мере от внутренней слабости, чем от нападения извне... Может случиться, что социальный строй явится преградой для поступательного движения, и оно станет возможным лишь тогда, когда эта преграда будет устранена или когда в этот строй будет внесено какое-то существенное качественное изменение. Упадок индийской цивилизации был достаточно очевиден и до тюркского и афганского нашествий»¹¹.

Неру неоднократно отмечал положительное влияние мусульманской культуры на индусскую. Политика могольских правителей Бабура и Акбара, направленная на сближение и объединение названных культур, оценивалась им как факт прогрессивного значения: «Это моголо-раджпутское сотрудничество, продолжавшееся и при последующих правителях, оказало воздействие не толь-

ко на государственный строй, управление и армию, но также и на искусство, культуру и весь образ жизни Индии»¹².

Неру подчеркивал, что оно приводило к возникновению у индийцев новых общих навыков, обычаев, художественно-эстетических представлений, которые получали отражение в произведениях музыки, живописи, архитектуры.

Применительно к более позднему историческому периоду он последовательно отстаивал принцип взаимопроникновения и синтеза культур как фактор образования единой отечественной культуры. Он воздавал должное тем деятелям, которые независимо от их национальной и религиозной принадлежности содействовали этому. Так, Неру высоко оценивал роль одного из лидеров Конгресса, Маулави Абул Калам Азада, в культурном возрождении Индии, отмечая, что последний занимал «особое место» в ряду ее общественно-политических и культурных деятелей. Азад, говорил Неру в лекциях, посвященных его памяти, «более, чем кто-либо другой, являл собой воплощение того синтеза культур, к которому всегда стремилась Индия. Он помог нам вырвать корни ограниченного национализма и раздвинуть рамки нашего мировоззрения»¹³.

Взгляды Неру на проблему взаимовлияния индусской и мусульманской культур в конкретных условиях Индии объективно приобрели особое значение, поскольку в своем существе были направлены против шовинистического третирования мусульманской культуры как чужеродной и враждебной, против сепаратистского, коммуналистского противопоставления одной группы населения другой.

В политическом плане эти взгляды способствовали консолидации антиимпериалистических сил Индии и укреплению прогрессивных, демократических тенденций в идеологии национально-освободительного движения.

Общие представления Неру о культуре соответствующим образом преломлялись в его подходе к конкретным ее областям — литературе, искусству, науке и просвещению. Он хорошо знал индийскую классику, любил произведения народного творчества, внимательно следил за развитием новой литературы. Его интересу к отечественной поэзии, прозе, драматургии в немалой степени

содействовала многолетняя дружба с великим Рабиндранатом Тагором.

Будучи премьер-министром независимого государства, Неру неизменно проявлял заботу о развитии современной литературы, отчетливо понимая, какую огромную роль в культурном возрождении страны и повышении национального самосознания народа она играет. Не удивительно поэтому, что деятели национальной культуры единодушно избрали его почетным президентом Индийской академии литературы; на этом посту он оставался до конца своей жизни. Важное значение имели принятые по его инициативе и при его непосредственном участии практические меры, содействовавшие созданию упомянутой академии, а также академий драмы и музыки, изобразительного искусства и других культурных учреждений.

Существенным был вклад Неру в дело охраны традиционных видов искусства, восстановления исчезающих его форм. Вместе с поэтом Валлатхолом он организовал учебный центр Кераламандалам, в котором вот уже 30 лет готовятся актеры для одного из самых интересных видов национального театра — катхакали. Большое внимание обращал он на реставрацию исторических памятников, открытие музеев, картинных галерей.

Возрождение традиционных форм искусства не было для Неру самоцелью — оно рассматривалось им как составной элемент демократизации национальной культуры, усиления ее самобытных, исторически сложившихся особенностей. Он предупреждал об опасности слепого подражания в художественном творчестве. «Подражание, — отмечал он, — не может служить основой для подлинного культурного или духовного роста. Подражание может быть уделом лишь узкой группы людей, изолирующих себя от масс и от источников национальной жизни. Подлинная культура черпает вдохновение для себя во всех уголках мира, но вырастает на родной почве и опирается на широкие народные массы. Искусство и литература остаются безжизненными, если они постоянно помышляют о чужеземных образцах. Времена узкой культуры, ограниченной замкнутым кругом изощренных ценителей, миновали. Мы должны думать о народе в целом, и его культура должна быть продолже-

нием и развитием традиций прошлого и в то же время выражать его новые порывы и творческие устремления»¹⁴.

Эти идеи, свидетельствующие об искренней заинтересованности в развитии искусства на подлинно национальной основе, к сожалению, не всегда находят воплощение в творчестве современных индийских художников. Многие из них (особенно художники среднего и младшего поколения) утрачивают связь с национальной почвой, превращаются в подражателей западноевропейской и американской моде на беспредметное искусство.

Высказывания Неру о «подражательстве» отнюдь не означали отрицания возможности, а порой и необходимости усвоения передовых методов и направлений современного искусства. Он исходил из того, что объективные процессы развития культуры неизбежно связаны с определенными взаимовлияниями. «Разве вы можете, — спрашивал он, — отгородить Индию от новых веяний колючей проволокой и искусственными барьерами?»¹⁵.

Естественно, новые веяния наиболее сильно давали себя знать в таком массовом и динамичном виде искусства, как кино. Опасаясь, что индийский экран может оказаться перенасыщенным лентами, сработанными по низкопробным и легковесным западным образцам, Неру предлагал установить соответствующий контроль за кинопродукцией со стороны государственных органов. В своем выступлении на кинофестивале в 1955 г. он говорил: «Правительство должно быть в курсе того, что делается в кино — в искусстве, которое обладает столь большим влиянием»¹⁶. Он категорически возражал против производства фильмов, разжигающих военный психоз, и настаивал на расширении выпуска детских фильмов, учитывая их огромное воспитательное значение. Он был одним из тех, кто призывал к творческому содружеству реалистической литературы и прогрессивного кинематографа. По его мнению, экранизация лучших литературных произведений сделает их доступными народу и будет способствовать подъему его культуры.

Особое внимание Неру уделял проблемам науки. Его практическому уму чрезвычайно импонировал научный прогресс, «дух объективного исследования, дух, который бросил вызов не только установившимся авторитетам, но

также абстракциям и туманным рассуждениям»¹⁷. В науке он усматривал могучий инструмент, с помощью которого человек целенаправленно воздействует на окружающую действительность. Он писал: «Научный подход и дух науки являются или должны быть путем жизни, процессом мышления, методом действия и общения с нашими братьями — людьми»¹⁸.

Главное назначение науки, по убеждению Неру, состоит в том, чтобы беспредельно расширять возможности человечества в освоении природных ресурсов и обращении их на службу обществу. Он понимал, что при соответствующей организации производства и надлежащем распределении его продукции достижения науки и техники могут способствовать подъему материального благосостояния нации, росту культуры и социальному прогрессу.

Вместе с тем пример высокоразвитых в техническом отношении стран Запада демонстрировал, что «неправильное», как он говорил, использование достижений научной и технической мысли ведет к пагубным для человечества последствиям: «Мы страдаем не от недостатка сил, а от злоупотребления теми силами, которыми мы обладаем».

Подлинный глашатай науки независимой Индии, Неру приложил немало усилий к тому, чтобы проведение научных работ приобрело планомерный и организованный характер. Под его руководством были созданы обширная сеть лабораторий, а также Совет научных и промышленных исследований, на который возлагалась задача координации деятельности научных учреждений страны.

Особое внимание Неру уделял мероприятиям по развитию естественно-технических наук, что, как он справедливо полагал, отвечает объективным основам научно-технического прогресса. Он явился вдохновителем осуществления серии фундаментальных ядерных исследований, завершившихся пуском атомного реактора в Тромбее (январь 1957 г.).

Проблемы науки, техники, вопросы образования (в первую очередь технического) были поставлены Неру в связи с потребностями национального возрождения страны, необходимостью создания независимой экономики, развития государственного сектора, проведения

индустриализации. Задолго до завоевания Индией суверенитета он писал, что «плановое развитие в свободном национальном государстве полностью изменит его лицо в течение нескольких лет». У него не было сомнений в том, что подъем материального благосостояния народа является непременным условием культурного процветания страны: «Нелепо говорить о культуре... когда люди голодают и умирают. Прежде чем вести разговор о чем-то другом, необходимо обеспечить людей элементарными условиями существования»¹⁹.

Вместе с тем исторический оптимизм Неру распространялся и на его представления о будущем индийской культуры: он предвидел ее огромную созидательную роль в стране, идущей по пути независимого развития и социального прогресса. «Завтра Индии, — предсказывал он, — будет таким, каким мы его сделаем сегодня. Я не сомневаюсь, что Индия будет развиваться и в индустриальном и в других направлениях, что она продвинется в науке и технике, что повысится жизненный уровень нашего народа, что образование распространится и медицинское обслуживание будет лучше, что искусство и культура обогатят жизнь людей»²⁰.

С именем Джавахарлала Неру связан новый этап советско-индийского культурного сотрудничества. Еще в 1947 г., приветствуя делегацию советских ученых в Индии, он говорил: «Вы явились пионерами во многих областях человеческой деятельности. Вы преобразовали обширные пространства вашей страны с быстротой, изумившей человечество. Все те, кто стремится к преобразованиям в Индии, видят в Советском Союзе образец для подражания. Мы хотим поэтому больше знать о том, что вы сделали, и о том, как вы это сделали»²¹.

Возглавив правительство Республики Индии, Неру возвел культурное сотрудничество между двумя странами в ранг государственной политики. Известно, что уже с начала 50-х годов стал регулярным обмен делегациями деятелей науки, искусства и литературы. Он очень ценил помощь Советского Союза в подготовке национальных кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

Государственные визиты Неру в СССР и неуклонное расширение культурных контактов между нашими странами способствовали пробуждению интереса индийской

общественности к жизни советского народа. Это в свою очередь породило в широких слоях интеллигенции и студенческой молодежи стремление овладеть русским языком. По инициативе Дж. Неру индийское правительство создало в Дели Институт русских исследований, в котором при содействии советских специалистов изучаются русский язык, литература, география, экономика и история СССР.

Оценивая значение этого института, преемник Неру Л. Б. Шастри в мае 1965 г. говорил: «Даже в области культуры мы в последние годы значительно сблизились. Сейчас наша программа культурного обмена весьма обширна. Создание в Индии русского института — это не что иное, как символ растущего желания наших народов лучше узнать друг друга»²².

Ознакомление со взглядами Дж. Неру на проблемы культуры, с его практической деятельностью по возрождению индийской культуры убеждает нас в том, что он выражал передовые, прогрессивные, демократические тенденции в общественной мысли сегодняшней Индии. Умение подняться над узкоклассовыми интересами, исходить из общенациональных целей и задач, способность постоянно руководствоваться соображениями народного блага — все это останется той мерой, которой будет измеряться масштабность Джавахарлала Неру как исторической личности, как политического и государственного деятеля, вписавшего яркую главу в историю Индии нашего времени.

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 66.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 97. Об отношении Неру к кастовой системе см.: «Касты в Индии», М., 1965.

⁶ Из обращения Неру в связи с созданием в Дели в 1960 г. Индийского совета по культурным связям («Курьер ЮНЕСКО», август—сентябрь 1967, стр. 48).

⁷ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 79.

⁸ Там же, стр. 560.

⁹ Там же, стр. 234.

¹⁰ Там же, стр. 623.

¹¹ Там же, стр. 277.

¹² Там же, стр. 273.

- ¹³ J. Nehru, India Today and Tomorrow, New Delhi, 1960, стр. 3.
- ¹⁴ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 621.
- ¹⁵ «The Legislative Assembly Debates» (Official Report), vol. 1, Delhi, 1929, стр. 531.
- ¹⁶ «Jawaharlal Nehru's Speeches», vol. 3, стр. 411—412.
- ¹⁷ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 276.
- ¹⁸ Там же, стр. 563—564.
- ¹⁹ «Курьер ЮНЕСКО», август—сентябрь 1967, стр. 51.
- ²⁰ J. Nehru, Azad Memorial Lectures, New Delhi, 1960, стр. 45.
- ²¹ Цит. по: С. Г. Корнеев, Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки, М., 1969, стр. 25.
- ²² «Правда», 14.V.1965.

Винод Бхатия

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1927 год характеризуется поворотом в развитии мировоззрения Неру. В этом году он совершил поездку в Европу, кульминационным моментом которой было короткое, но важное для него посещение Советского Союза. Оно оставило глубокий след в его сознании и в известной мере предопределило особенности формирования его взглядов.

Неру предпринял эту поездку через несколько лет после «войны, революции и грандиозных перемен»¹ на Западе. Если в Европе уже установилось относительное спокойствие, то на Востоке нарастали бурные события: победа Октябрьской революции в России вызвала небывалый подъем национально-освободительного движения. Эта революция и лежавшие в ее основе социалистические принципы нашли живейший отклик в душе такого тонкого мыслителя, как Неру. Он отмечал: «Безусловно это было одно из величайших мировых событий со времен Французской революции»². Он увидел в нем не только восстание против царского режима, но и великий общественный переворот, принесший равноправие народам, пробудивший угнетенных и уничтожавший частную собственность.

Поездке в Советский Союз предшествовал длительный период активного приобщения Неру к индийскому национальному движению. В 1912 г. он возвратился из Англии, где получал образование, на родину и столкнулся с острейшими политическими и социальными проблемами, волновавшими передовых людей страны. Он был полон смутных социалистических идей, почерпнутых преимущественно из сочинений идеологов «Фа-

бианского общества», а также из многочисленных трудов по истории французской, итальянской и ирландской революций, и окунулся в самую гущу событий.

Вскоре, однако, его охватило чувство неудовлетворенности и разочарования: казалось, прежние представления рушатся, а идеи, питавшие мысль в течение семилетнего пребывания в Англии, не могут найти на практике какого-либо применения. Молодому Дж. Неру, по-юношески пылкому и энергичному, были чужды пассивность и косность многих его соотечественников, их узкие и ограниченные взгляды. В его сознании политика ассоциировалась с активной, наступательной деятельностью, непосредственно связанной с борьбой против чужеземного господства. Ему не давали покоя мысли о необходимости пробудить индийцев к решительным действиям, вовлечь их в политическую жизнь, освободительную борьбу. Такое убеждение окончательно укрепилось в нем после вступления на политическую арену Индии Махатмы Ганди.

«Что мы могли сделать? — спрашивал Неру. — Как могли мы вырвать Индию из засасывавшей ее трясины нищеты и безнадежности? Ведь наш народ отдавал „кровь и труд, слезы и пот“ не только в течение нескольких лет страстного порыва, страданий и бездействия, а в продолжение жизни многих поколений. Этот процесс глубоко проник в тело и душу Индии, отравляя своим ядом все стороны нашей общественной жизни... И вот тогда пришел Ганди. Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление. Ганди не спустился сверху; казалось, он вышел из миллионов масс индийцев, он говорил их языком и уделял им и их ужасающему положению все внимание»³.

Неру был активным участником первых кампаний несотрудничества и гражданского неповиновения, которыми руководил Ганди, хотя еще сохранял иллюзии относительно «добропорядочности» английских властей. Но разыгравшаяся в Амритсаре 13 апреля 1919 г. трагедия развеяла эти иллюзии, обнажив предательство и жестокость британских колонизаторов. В свете этих событий ему становилось все яснее, что, сколь бы эффек-

тивными ни были предложенные Ганди методы сатьяграхи, они сами по себе не могут обеспечить быстрое достижение поставленных целей.

Уже в следующем, 1920 г. Неру выступил с утверждением необходимости связывать освободительную борьбу с решением социальных проблем, особенно тех, которые затрагивали насущные интересы многомиллионных масс индийского крестьянства. Пребывание с 1923 по 1925 г. на посту председателя муниципального совета Аллахабада позволило ему близко познакомиться с положением дел на местах. Он выражал глубокое неудовлетворение деятельностью организаций Конгресса и правительственных органов. «Я поражался тому, как медленно, тяжело и неумело поворачивалась правительственная машина, когда дело касалось какого-нибудь социального мероприятия или национального строительства»⁴, — писал Неру впоследствии. Потрясение и разочарование испытывал он также в связи с депрессией, охватившей массы после того, как Ганди в 1922 г. приостановил кампанию гражданского неповиновения в момент ее наивысшего подъема.

Неожиданно возникла потребность отправиться в Швейцарию: жена нуждалась в срочном лечении. Там Неру много размышлял, читал историческую и политическую литературу, изучал общественно-политические теории. В феврале 1927 г. в Брюсселе состоялся антиимпериалистический конгресс, в работе которого он принял участие. Конгресс ознаменовал важный поворот во взглядах Неру, позволив ознакомиться с различными точками зрения и концепциями, которые помогли ему «понять некоторые проблемы колониальных и зависимых стран». Он стал рассматривать борьбу за национальное освобождение как часть всеобщей борьбы против империализма и ратовал за единство действий всех угнетенных народов. Речи Неру были пронизаны суровым осуждением британского империализма и содержали декларации социалистического характера. Он не скрывал своих симпатий к коммунизму и III Интернационалу.

Вспоминая об этом периоде жизни за границей, Неру писал, что проводит коренное различие между II Интернационалом и III Интернационалом. Он подчеркивал, что деятельность II Интернационала внушала ему от-

вращение, ибо носила сугубо реакционный характер. И продолжал: «В силу всего этого я неизбежно должен был доброжелательно отнестись к коммунизму, ибо, при всех его недостатках, он, по крайней мере, не был ни лицемерным, ни империалистическим... я слабо разбирался в тонкостях коммунистического учения и мои познания ограничивались в то время лишь его общими принципами. Они привлекали меня к себе так же, как и грандиозные перемены, совершавшиеся в России»⁵.

Эти идеи нашли отражение и в предложенной Джавахарлалом Неру резолюции Брюссельского конгресса по Индии. В ней, в частности, говорилось: «Конгресс полагает, что индийское национальное движение должно строить свою программу на основе принципа полного освобождения крестьян и рабочих Индии, без чего не может быть настоящей свободы»⁶.

Пылкие речи Неру производили ошеломляющее впечатление на родине. Некоторые даже считали, что он «находится на грани помешательства»⁷. Это, по-видимому, побудило его отца Мотилала Неру отправиться в Европу для встречи с сыном.

В Берлине М. и Дж. Неру получили от Советского общества культурных связей с зарубежными странами приглашение приехать в Москву на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции. Хотя Мотилал, отличавшийся умеренными, конституционными взглядами, неохотно принял это приглашение, он уступил страстному желанию сына воспользоваться им⁸.

Они отправились в Россию через Польшу и в ночь на 7 ноября 1927 г. после двадцатишестичасового скучного и однообразного путешествия прибыли к русской границе. Они сразу окунулись в атмосферу праздничности и дружеского внимания. На больших транспарантах было написано: «Советский народ приветствует своих гостей». Прием, оказанный им, напоминал торжественную встречу, устраиваемую в индийских деревнях лидерам Конгресса в дни кампании гражданского неповиновения. М. и Дж. Неру были даже освобождены от таможенной проверки.

Об их приезде сообщала советская пресса. Газета «Правда», в частности, отмечала, что в Москву должен прибыть «один из виднейших вождей индийского национального движения — Пандит Мотилал Неру». Далее

говорилось, что его сопровождает сын Джавахарлал Неру, которого газета характеризовала как «вождя левого крыла Национального конгресса», отмечалось также, что последний был официальным представителем Индийского национального конгресса на первой конференции Антиимпериалистической лиги, состоявшейся в феврале 1927 г. в Брюсселе⁹.

В Москве их встретили члены Комитета по приему гостей и несколько индийцев. Среди них был и Шапурджи Саклатвала, молодой индийский коммунист, член британского парламента, с которым Джавахарлал познакомился в Брюсселе. Неру были размещены в величественном и роскошном «Гранд-отеле» на площади Революции. К сожалению, они прибыли в столицу слишком поздно и потому не смогли присутствовать на праздничном параде.

Дж. Неру приехал в Советскую Россию уже подготовленным к восприятию совершающихся грандиозных перемен и испытывал большой интерес к «первому социалистическому эксперименту». Личное знакомство с Москвой усилило его восхищение Советским Союзом и привязанность к нему. Даже Мотилал Неру не остался равнодушным. «Для моего отца, — отмечал Дж. Неру, — всякого рода советские и коллективистские идеи были совершенно новы. Он был воспитан на принципах законности и конституционализма, и ему нелегко было выйти за эти рамки. Однако то, что он увидел в Москве, явно произвело на него впечатление»¹⁰.

Столица СССР поразила Неру своей простотой и величием, своей несхожестью с городами Запада. Красота ее определялась не блеском богатства, а обликом ее жителей, подлинных хозяев страны, и самобытностью архитектурных памятников. По словам Неру, в Москве ему виделась Азия, но не тропическая, а «Азия огромных степей и холодных районов севера, востока и центра»¹¹. Он заметил отсутствие контрастов между роскошью и нищетой, столь характерных для городов других стран, в том числе Индии.

Как известно, в 1927 г. Советская Россия еще испытывала серьезные экономические затруднения и нужду. После революции ей пришлось бороться с голодом, нищетой, неграмотностью. Большой ущерб был нанесен гражданской войной и интервенцией. Англия порвала с

Россией дипломатические и торговые отношения, Америка упорно придерживалась политики непризнания; молодая республика не могла рассчитывать на помощь и кредиты извне. Но, несмотря на все это, она достигла огромного прогресса во многих областях экономики и культуры.

Особенно поразили Неру успехи в сфере образования и в решении национального вопроса, весьма актуального и для Индии. Он отметил внимание Советского правительства к проблемам просвещения и понял, что в развитии школьной системы оно видело одно из важных средств строительства нового общества и воспитания нового человека. Весьма примечательной чертой политики правительства СССР в области образования Неру считал то, что оно призвано служить общенародным целям, а не корыстным интересам отдельных групп, как это имело место в Индии, где готовили чиновников для колониальной администрации. Он утвердился в мысли, что обучение должно быть свободным, всеобщим, а не привилегией для немногих.

Адвокат по образованию, Дж. Неру внимательно ознакомился и с системой советского правосудия. Он посетил тюрьму под Москвой, и условия содержания в ней заключенных, а также комплекс мер по перевоспитанию преступников оставили хорошее впечатление. Ему, познавшему все «прелести» тюремной жизни в колониальной Индии, эти условия представлялись свидетельством радикального изменения в подходе к человеческой личности. По приезде на родину он писал: «Если то, что мы сами увидели, действительно место, где содержатся преступники... то можно сказать без тени сомнения, что предпочтительнее быть русским преступником, чем рабочим на индийской фабрике»¹². Позднее мероприятия Неру в области тюремной реформы в Индии во многом отразили этот опыт.

Уважение к человеку, заботу о его благе Дж. Неру расценивал как величайшее завоевание Октябрьской революции, как претворение в жизнь принципов, выдвинутых основателем Советского государства. Он считал В. И. Ленина подлинным гением, политическим реалистом, благодаря неукротимой энергии, громадной воле и решимости которого революция победила и на развалинах отжившего строя создавалось новое общество.

По Ленину, утверждал Неру, «революции не должны оставаться на бумаге, они должны совершаться на деле»¹³. Это положение он противопоставлял позиции многих конгрессистов, которые даже после начала борьбы за статус доминиона Индии продолжали проявлять колебания и пассивность. Не удивительно поэтому, что, вернувшись домой, Неру в 1929 г. на сессии Конгресса в Лахоре заявил: «Успех обычно приходит к тем, кто дерзает и действует»¹⁴.

Находясь под сильным эмоциональным воздействием «советского эксперимента», он тем не менее никогда не забывал о практическом значении опыта СССР для Индии. Его ум и сердце всегда были заняты проблемами родины. По мнению Неру, Советская Россия и Индия имели много общего, перед ними стояли сходные проблемы. Он призывал своих соотечественников отказаться от старого, привычного образа мышления, использовать те факторы, которые привели к созданию новой России, и указывал, что «если она нашла эффективное решение этих проблем, то тем самым наша работа в Индии облегчается»¹⁵.

Он вместе с тем осознавал, что существование Советской России является серьезным политическим фактором и его нельзя не учитывать как в ходе национально-освободительной борьбы, так и в условиях национальной независимости, когда она будет завоевана. «Мы не можем игнорировать Россию, — говорил Неру, — ибо она — наш сосед, сильный сосед; она либо станет нашим другом и будет сотрудничать с нами, либо превратится для нас в угрозу. В любом случае мы должны знать и понимать ее и соответственно строить нашу политику. Безразличие исключается»¹⁶.

Дж. Неру, наблюдая усилия колонизаторов, направленные на насаждение в Индии антирусских настроений, не устал разоблачать эти ухищрения. Он недвусмысленно утверждал, что измышлениями об «агрессивности» Советского государства британские империалисты стремились оправдать свою захватническую политику. Он говорил: «Каждому изучающему современную историю ясно, что Россия не хочет войны»¹⁷. Выступая в 1927 г. в Мадрасе, он сказал, что в случае, если британское правительство начнет какую-либо военную авантюру и попытается втянуть в нее Индию для поддержки своих

империалистических целей, долгом индийского народа будет отказ от участия в этом и сотрудничество с жертвами такой агрессии.

Неру нисколько не сомневался в миролюбии Страны Советов. Он отвергал небылицы об ее экспансионистских устремлениях в отношении его страны и твердо заявлял, что никогда «у России не было никаких экономических мотивов, чтобы стремиться к захвату Индии»¹⁸. Напротив, именно грандиозное хозяйственное строительство в СССР предопределяло его потребность в прочном мире и сотрудничестве с другими странами.

Уже в те далекие годы Неру предвидел плодотворность дружеских экономических и культурных связей между Индией и Советским Союзом и говорил о целесообразности обмена делегациями ученых, работников просвещения, деятелей культуры, специалистов промышленности и сельского хозяйства, усматривая в том существенный фактор национального возрождения своей страны. Таким образом, истоки провозглашенной и претворявшейся Джавахарлалом Неру после 1947 г. политики дружбы и сотрудничества между Индией и Советским Союзом восходят к концу 20-х годов.

Пребывание Неру в Советской России продолжалось четыре дня, но оно явилось подлинной вехой на его жизненном пути и оказало большое влияние на его образ мышления. Как никогда раньше окрепли его социалистические убеждения, его вера в победу индийского национально-освободительного движения. Еще накануне поездки в Москву в письме, посланном из Швейцарии 11 августа 1926 г., он писал одному из своих друзей: «Хотя... Индия являет собой еще довольно мрачную картину, мы все же увидим сварадж...»¹⁹. Причем последний рисовался воплощением некоей довольно смутной цели, достижение которой свыше двух десятилетий провозглашала в своих программах партия Индийский национальный конгресс. Но по возвращении на родину в конце 1927 г. Неру представил на сессии Конгресса, проходившей в Мадрасе, проект резолюции, где выдвигалось ясное требование полной независимости Индии. Эта цель, указывал он, должна быть достигнута не в отдаленном будущем, а немедленно; она означает предоставление индийскому народу возможности самостоятельно распоряжаться вооруженными силами, финансами и экономикой

своей страны. Выдвижение такой резолюции было подлинно революционным поворотом в политике Конгресса, который прежде не шел дальше требования статуса доминиона.

Большая заслуга Неру состоит в том, что он рассматривал достижение полной независимости лишь как первый, хотя и решающий, шаг на пути к свободе, к социальному и экономическому возрождению, на пути к созданию общества социалистического образца. Он связал воедино две цели — независимость и социализм, подчеркивая, что борьба за свободу должна вестись по двум взаимосвязанным линиям — политической и экономической. Если первая призвана обеспечить полную национальную независимость, то вторая — победу социализма. Именно на основе принципов государственной собственности на средства производства и контроля над распределением материальных благ, по мнению Неру, открывалась реальная возможность покончить с эксплуатацией и создать подлинно справедливый социальный строй. Уже 3 апреля 1928 г. в речи на заседании муниципалитета в Аллахабаде Неру решительно заявил: «Мне дороги две вещи: независимость нашей страны и равенство между людьми...»²⁰.

И в своей практической деятельности он руководствовался этими идеалами, стремясь превратить их в кредо руководимых им политических и общественных организаций. Будучи лидером Конгресса, Неру в 1929 г. был назначен также на один год председателем Всеиндийского конгресса профсоюзов. «Это было редким совпадением, чтобы одному и тому же лицу пришлось в течение каких-нибудь нескольких недель председательствовать как на съезде Национального конгресса, так и на съезде Конгресса профсоюзов, — вспоминал он. — Я надеялся, что мне, быть может, удастся стать связующим звеном между обеими этими организациями и добиться их сближения, с тем чтобы Национальный конгресс стал более социалистическим по своему характеру, более пролетарским, а организованный рабочий класс принял участие в национальной борьбе... Я надеялся, что ход событий и участие в прямых действиях неизбежно приведут Конгресс к более радикальной идеологии и заставят подойти вплотную к решению социальных и экономических проблем»²¹.

Он даже принимал практические меры в этом направлении. Осознавая, что передовые рабочие сторонились Конгресса, считая его идеологию буржуазной и реакционной, Неру все же полагал, что «при всей буржуазности мировоззрения Национального конгресса он представлял собой единственную по-настоящему революционную силу в стране», что «пока проблема национальной свободы не разрешена, его национализм будет играть главную роль и будет оставаться преобладающим чувством в стране». Тем не менее, как отмечает далее Неру, ему казалось «очень желательным сблизить Конгресс с организованным рабочим классом». Поэтому он явился инициатором приглашения представителей отделения Конгресса профсоюзов в Соединенных провинциях на заседание местного комитета Национального конгресса²².

В 1928—1929 гг. Неру председательствовал на многих партийных конференциях ряда провинций, выступал на собраниях националистически настроенной молодежи, рабочих и крестьян, а также на собраниях профсоюзных организаций. Его влияние в политической жизни страны неуклонно возрастало, и это вызывало раздражение и усиливало подозрительность колониальных властей, усматривавших в его публичных выступлениях серьезную опасность для себя. «Его превосходительство жалеет, — писал один из секретарей генерал-губернатора Индии, Хейг, — чтобы за всеми выступлениями Джавахарлала Неру тщательно следили»²³.

Разумеется, особенное беспокойство колонизаторов вызывали призывы Неру к сплочению антиимпериалистических сил страны, его критика капитализма и империализма и прокламирование им социалистических идей. Последние стремительно распространялись по всему Индостану после победы Великой Октябрьской социалистической революции, стали привлекать широкие круги интеллигенции и передовые слои рабочих. В 1923 г. в Индии вышел из печати первый социалистический еженедельник. В 1925 г. была основана Коммунистическая партия Индии, в 1926 г. в Бенгалии — первая в стране Рабоче-крестьянская партия. В 1928 г. был создан Всеиндийский конгресс профсоюзов, возник ряд молодежных организаций, открыто заявивших о своей социалистической ориентации. В этих условиях выступления такого крупного и авторитетного общественно-политиче-

ского деятеля, как Неру, с прокламацией социалистических идей приобретали особое значение, и колониальные власти небезосновательно видели в них серьезную опасность для своего господства в Индии.

Эта «опасность» в глазах властей усугублялась теми практическими шагами, которые предпринимал Неру в направлении организационного подкрепления своих социалистических убеждений. В конце 1928 г. он основал Лигу независимости, которая должна была оказывать давление на Конгресс, убеждая его провозгласить в качестве цели антиколониальной борьбы достижение полной независимости страны и последующее создание общества социалистического образца. В политической и социально-экономической сферах Лига выдвигала такие задачи: установление социал-демократического государства, контроль с его стороны над средствами производства и способом распределения материальных благ, введение налогов на сверхприбыль и имущество, получаемое по наследству, введение всеобщего, обязательного и бесплатного начального образования, издание закона о всеобщем избирательном праве, о страховке по безработице, установление восьмичасового рабочего дня, проведение широких земельных реформ. Общей целью провозглашалось достижение высокого жизненного уровня для народа²⁴. И хотя Лига независимости просуществовала недолго, она оставила заметный след в политической жизни страны.

Не удивительно поэтому, что в специальном секретном циркуляре, изданном колониальным правительством в феврале 1927 г., отмечалось: «В настоящее время наблюдается тенденция к слиянию политического революционного движения с коммунистическим, и крайний националист Неру немало способствует этому, ибо является искренним приверженцем некоторых социалистических доктрин»²⁵.

Усиливавшийся радикализм взглядов Неру раздражал и некоторых консервативных деятелей Национального конгресса, не импонируя он и общепризнанному лидеру индийского освободительного движения Махатме Ганди. Последний видел в Неру человека крайне левых убеждений и называл даже «экстремистом», который якобы не считается с реальным положением вещей²⁶.

В надежде отвлечь Неру от его приверженности пе-

редовым, радикальным идеям Ганди выдвинул его кандидатуру на пост председателя Лахорской сессии Конгресса, которая состоялась в 1929 г. Но произошло обратное — в Лахоре Неру стал оказывать сильное давление на депутатов, убеждая их принять решения по ряду жизненных проблем, стоявших перед Индией. Таковыми он по-прежнему считал полное освобождение страны от британского империализма и установление социального и экономического равенства. «Отказываться от требования о предоставлении независимости, хотя бы в теории и даже на короткое время, было неправильно и опасно, — утверждал в то время Неру, — это означало, что это требование представляло собой всего лишь тактический прием, нечто такое, о чем можно было торговаться, а не что-то существенно для нас необходимое, с отсутствием чего мы никогда не смогли бы смириться... теперь предстояло раз и навсегда объявить целью Конгресса независимость и предпринять необходимые шаги для продолжения борьбы за ее достижение»²⁷.

Здесь же, в Лахоре, снова ярко проявилась приверженность Неру социалистическим идеям. Он призывал к тому, чтобы вся власть в стране и контроль над ее экономикой находились в руках народа, а не отдельной личности или группы людей: «Я должен открыто признаться, что я — социалист и республиканец и отвергаю власть королей и раджей, ибо это — власть, рождающая современных королей промышленности»²⁸. Неру призывал также к созданию государства, экономика которого, направляемая и регулируемая правительством, будет способствовать подъему благосостояния угнетенных и беднейших слоев населения.

Вскоре на сессии Национального конгресса в Карачи в 1931 г. по инициативе и при самом активном участии Джавахарлала Неру среди прочих была принята важная резолюция по экономической политике. В ней нашли отражение и его социалистические убеждения. «Последняя резолюция, — писал о ней Неру, — особенно интересовала меня. Отчасти это было вызвано ее содержанием и в еще большей степени тем, что она представляла нечто новое в воззрениях Конгресса. До сих пор Конгресс мыслил в чисто националистическом плане и избегал экономических проблем... В резолюции, принятой в Карачи, он сделал очень небольшой шаг в социалистическом направ-

лении, высказавшись за национализацию основных отраслей промышленности и коммунальных предприятий и за ряд других мер, направленных на то, чтобы облегчить бремя бедных...»²⁹.

Эту резолюцию можно рассматривать как первоначальный набросок программы национального планирования, которая стала проводиться в жизнь с начала 1951 г., и как основу известной резолюции, принятой в 1955 г. в Авади, где впервые было провозглашено создание в Индии «общества социалистического образца».

Неру был горячим поборником плановой экономической системы, торжество которой демонстрировали гигантские успехи народного хозяйства Советского Союза. Сведения о крупных изменениях, происходивших в отсталых районах Средней Азии, стимулировали интерес Неру к планированию как эффективному средству экономического развития страны.

Известно, что впоследствии, в 1938 г., именно благодаря усилиям Джавахарлала Неру был создан Национальный комитет по планированию, в состав которого вошли «трезво мыслящие представители крупного капитала», а также «социалисты и лица, близкие к коммунизму»³⁰. Несмотря на такой «конгломерат различных типов людей», Неру согласился быть председателем этого Комитета, хотя в той ситуации трудно было выработать единую общую линию. «В широком смысле слова, — констатировал он, — существуют два подхода: социалистический, предполагающий устранение стимула прибыли и подчеркивающий необходимость справедливого распределения, и подход крупного капитала, стремящийся в максимальной степени сохранить свободное предпринимательство и стимул прибыли...»³¹.

Дж. Неру, естественно, придерживался первого подхода: «При тех условиях, которые имели место не только в Комитете, но и в Индии в целом, мы не могли в то время намечать переход к социализму. Однако для меня, — говорил он, — было ясно, что наш план, в том виде, в каком он вырисовывался, неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя»³².

Характеризуя истоки этих прогрессивных идей Дж. Неру, известный индийский историк К. М. Панникар писал: «Решающее влияние на развитие экономиче-

ской мысли в Индии в предвоенный период оказали опыт, накопленный русскими в ведении планового хозяйства, и успешное выполнение пятилетних планов, что позволило превратить Россию из страны с полукOLONиальной экономикой, какой она была при царизме, в одну из ведущих индустриальных держав мира»³³.

Экономическая политика Советского Союза, предусматривающая первоочередное развитие тяжелой промышленности как фактора, обеспечивающего экономическую самостоятельность страны, также повлияла на особенности планирования в Индии. Курс на индустриализацию стал определяющей чертой планирования экономики Индии со времени принятия второго пятилетнего плана, разработанного под руководством Дж. Неру. В официальных правительственных документах утверждается, что «стратегия централизованного государственного планирования» в Индии состоит в том, чтобы «провести индустриализацию страны, т. е. развивать в первую очередь ведущие отрасли промышленности»³⁴.

Таким образом, первая поездка Джавахарлала Неру в Советскую Россию, хотя и была непродолжительной, оказалась поистине поворотным пунктом в эволюции его политических взглядов. Особенно укрепились его симпатии к Советскому Союзу, его приверженность идеям социализма; он все более склонялся к интернационализму. Идеалы социальных и экономических преобразований он все теснее связывал с судьбами Индии.

Интерес и расположение Неру к Советскому Союзу, которые он сохранил до конца жизни, были обусловлены также и тем, что он ясно видел стремительный экономический прогресс СССР и был уверен, что после завоевания Индией независимости Страна Советов сможет оказать ей огромную помощь.

Возвратившись на родину, Неру начал серьезно знакомиться с трудами Маркса и Ленина, что расширило его политический кругозор и способствовало более глубокому пониманию общественной жизни своей страны. Под влиянием марксистских идей и благодаря изучению практического опыта строительства нового общества в СССР Неру пришел к твердому убеждению, что решение проблем, стоящих перед Индией и всем миром, возможно только в русле социализма.

Последним по счету, но не по значению результатом

поездки Джавахарлала Неру в Москву явилось то, что она положила начало традиции посещения индийскими общественными и государственными деятелями Советского Союза. Как известно, уже в 1930 г. состоялся исторический визит в СССР Рабиндраната Тагора. Это способствовало углублению взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами, достигших расцвета в настоящее время.

¹ Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 166.

² J. Nehru, Soviet Russia, Bombay, 1929, стр. 36.

³ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 385—386.

⁴ Дж. Неру, Автобиография, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 182.

⁶ M. Brecher, J. Nehru: A Political Biography, London, 1959, стр. 111.

⁷ B. R. Nanda, The Nehrus: Motilal and Jawaharlal, London, 1962, стр. 279.

⁸ См.: M. Brecher, J. Nehru, стр. 115.

⁹ «Правда», 5.XI.1927.

¹⁰ Дж. Неру, Автобиография, стр. 184.

¹¹ J. Nehru, Soviet Russia, стр. 13.

¹² Там же, стр. 76.

¹³ Там же, стр. 42.

¹⁴ «The First Sixty Years», vol. 1, London, 1965, стр. 209.

¹⁵ J. Nehru, Soviet Russia, стр. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 128.

¹⁸ Там же, стр. 131.

¹⁹ «Unpublished Nehru — Mahmud Correspondence 11th August, 1926», — цит. по: M. Brecher, Nehru, стр. 107.

²⁰ «Before and After Independence (Collection of J. L. Nehru's speeches), 1922—1950», New Delhi. 1950, стр. 44, 45.

²¹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 219.

²² Там же, стр. 219—220.

²³ B. R. Nanda, The Nehrus..., стр. 293.

²⁴ M. Brecher, J. Nehru, стр. 130.

²⁵ B. R. Nanda, The Nehrus..., стр. 310.

²⁶ M. Brecher, J. Nehru, стр. 138.

²⁷ Дж. Неру, Автобиография, стр. 218—219.

²⁸ «The First Sixty Years», стр. 203, 204.

²⁹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 287.

³⁰ Дж. Неру, Открытие Индии, стр. 429.

³¹ Там же, стр. 430—431.

³² Там же, стр. 434.

³³ K. M. Pannikar, The Afro-Asian States and Their Problems, London, 1959, стр. 45.

³⁴ J. Nehru, Strategy of the Third Plan in India, — «Problems in the Third Plan — A critical Miscellany», Ministry of Information and Broadcasting, Delhi, 1961, стр. 35.

СОДЕРЖАНИЕ

Акад. Б. Г. Гафуров	
Джавахарлал Неру — великий гуманист	3
Э. Н. Комаров	
Джавахарлал Неру: социально-политические воззрения и историческая роль	19
А. И. Регинин	
Из истории формирования и эволюции политических и социально-экономических взглядов Джавахарлала Неру	79
А. Д. Литман	
Философские взгляды Джавахарлала Неру	108
А. Х. Вафа	
Проблемы философии истории в трудах Джавахарлала Неру	142
Ю. П. Насенко	
Внешнеполитические воззрения Джавахарлала Неру	166
С. И. Потабенко	
Джавахарлал Неру и некоторые вопросы индийской культуры	185
Винод Бхатия	
Первый визит Джавахарлала Неру в Советский Союз . . .	197

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. Ш. Фридман
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор М. В. Погоскина
Корректор М. К. Киселева

Сдано в набор 7/V 1973 г. Подписано к печати
23/VII 1973 г. А-06912. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бум. № 2. Печ. л. 6,75. Усл. п. л. 11,34. Уч.-изд.
л. 11,68. Тираж 8000 экз. Изд. № 3249. Зак. № 453.
Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Выйдут в 1973 году

Зарождение идеологии национально-освободительного движения (очерки по истории общественной мысли народов Востока. XIX — начало XX в.). 25 л.

Инголлс Д. Г. Х. Введение в индийскую логику навья-ньяя. 16 л.

Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. 20 л.

Чалоян В. К. Развитие философской мысли в Армении. 25 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГО-
ТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117463, МОСКВА
В-463, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧ-
ТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»

Выйдут в 1973 году

Зарубежный Восток и современность (основные закономерности и специфика развития освободившихся стран). 70 л., в 2-х томах.

Кондратьев В. А. Национальные кадры в развивающейся экономике. 20 л.

Опыт социалистических преобразований в СССР и его международное значение. 30 л.

Партия и государство в странах национальной демократии. 15 л.

Против сионизма и израильской агрессии. 14 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГО-
ТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117463, МОСКВА
В-463, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧ-
ТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»